

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дипломатическая академия  
Министерства иностранных дел Российской Федерации»

*На правах рукописи*

**Сбитнева Алина Игоревна**

**Турецкая Республика в урегулировании конфликтов в условиях кризиса  
современной системы международной и региональной безопасности**

Специальность 5.5.4. Международные отношения,  
глобальные и региональные исследования

Диссертация на соискание ученой степени  
кандидата политических наук

Научный руководитель:  
Аватков Владимир Алексеевич  
доктор политических наук, доцент

Москва, 2025 г.

## Оглавление

<b>Введение.....</b>	<b>3</b>
<b>Глава 1. Турция в формировании полицентричной системы безопасности... 28</b>	<b>28</b>
1.1. Концептуальные основы системы международной и региональной безопасности в современных международных отношениях.....	28
1.2. Политико-правовые подходы Турции к обеспечению международной и региональной безопасности.....	46
1.3. Идеино-ценностная безопасность Турции: международный и национальный уровень .....	69
<b>Глава 2. Турция в урегулировании международных конфликтов на Западе и Не­западе.....</b>	<b>87</b>
2.1. Подходы Турции к урегулированию международных и региональных конфликтов.....	87
2.2. Участие Турецкой Республики в урегулировании международных конфликтов в рамках дихотомии «Запад-Незапад» .....	98
2.3. Место и роль Турции в урегулировании конфликтов на Ближнем Востоке и в Северной Африке .....	119
<b>Глава 3. Роль Турции в борьбе с терроризмом на международном и региональном уровнях.....</b>	<b>137</b>
3.1. Политико-правовые подходы Турецкой Республики в области борьбы с терроризмом.....	137
3.2. Антитеррористическое сотрудничество Турции с Западом.....	154
3.3. Сотрудничество России и Турции в области противодействия международному терроризму.....	168
<b>Заключение .....</b>	<b>181</b>
<b>Список источников и литературы .....</b>	<b>188</b>
<b>Приложения .....</b>	<b>223</b>

## Введение

**Актуальность исследования** обусловлена начавшейся в 2022 г. трансформацией системы международных отношений, которая неизбежно сказывается на состоянии международной и региональной безопасности. Процесс формирования полицентричного мирового порядка, происходящий на фоне турбулентности ранее сложившихся институтов и принципов безопасности, с одной стороны, является естественным и необходимым этапом обновления мировой системы, с другой – нередко сопровождается возникновением международных конфликтов и кризисов, изменением глобальной архитектуры безопасности и появлением на мировой арене новых – государственных и негосударственных – акторов, которые стремятся внести свой вклад в поддержание мировой стабильности, основываясь на собственных национальных интересах.

С изменением общей конфигурации акторов международной системы трансформации в равной степени подвергается давно устоявшийся баланс сил в разных регионах мира, что приводит к появлению там новых лидеров, идейно-ценностных конструктов, популяризации иных моделей поведения, в том числе в области обеспечения безопасности на разных уровнях и противодействия растущим угрозам. В условиях ослабления международно-правовых механизмов имеет место политика навязывания более сильными государствами определенных деструктивных правил и идей, завуалированных ложной миссией необходимости достижения всеобщей стабильности.

При этом все большую роль в контексте безопасности начинает играть культурно-цивилизационный аспект. Фундаментальные основы безопасности, сконструированные Западом для стран Незапада и не учитывающие его особенностей, ярко продемонстрировали свою непригодность на Ближнем и Среднем Востоке, который исторически является регионом повышенной конфликтности, где сталкиваются интересы больших, средних и малых держав. Данный регион также стал жертвой реализованного США «управляемого хаоса», в действительности оказавшегося неуправляемым. Пропагандируемый коллективным Западом «порядок, основанный на правилах», не только не

способствует международной стабильности, но и подрывает существующие основы международной безопасности.

Неоднозначность и неравномерность перечисленных процессов наряду с новыми вызовами и угрозами, такими как распространение ОМУ и международный терроризм, ставит проблематику безопасности на разных уровнях во главу угла политики ряда региональных и внерегиональных государств. В этих условиях Турецкая Республика становится одним из новых формирующихся лидеров ближневосточного пространства. Наряду с мировыми игроками официальная Анкара стремится внести свой вклад в реформирование глобальной архитектуры безопасности и укрепление международной стабильности.

Возрастающая активность Турции в зонах конфликтов – от Ближнего Востока до постсоветского пространства – сопровождается многоуровневым вмешательством, сочетающим дипломатические, военно-политические, гуманитарные и идеологические инструменты. Турецкая Республика позиционирует себя не только как посредник, но и как субъект, претендующий на конструирование альтернативной архитектуры безопасности.

Тем не менее, одной из наиболее значимых для Турции проблем является именно борьба с терроризмом, которая находит свое отражение как во внутренней, так и во внешней политике страны. Так, на внутривнутриполитическом треке Анкара на протяжении долгого времени боролась с Рабочей партией Курдистана и продолжает борьбу с организацией ФЕТО, деятельность которой признана в стране террористической; на внешнем – оказывает сопротивление курдским вооруженным группировкам в Сирии, а также международным террористическим организациям, таким как ИГИЛ<sup>1</sup>. Более того, антитеррористическая политика современной Турции во многом пересекается со внешнеполитическим курсом государства и меняется в соответствии с мировыми тенденциями. Учитывая укрепляющееся в последние годы взаимодействие России и Турции в сфере безопасности, изучение аспектов борьбы Турции с террористической угрозой, в том числе в контексте

---

<sup>1</sup> Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

урегулирования международных конфликтов, приобретает особую значимость. По этой причине в данной работе в качестве примеров наиболее важных для Турции сфер безопасности рассматриваются именно проблематика борьбы с терроризмом и особенности подходов государства к урегулированию международных конфликтов.

Актуальным также является исследование специфики политико-правовой доктрины безопасности Турции, основанной на исторических «травмах» и стратегической гибкости. В отсутствие единой публичной стратегии безопасности ее функции выполняют совокупность институтов, процедур и норм, организованных вокруг президентской вертикали. Это предопределяет динамичность и адаптивность турецкой модели, что требует глубокого научного анализа в сравнительно-политическом и институциональном аспектах.

**Объектом** исследования является современная система международной и региональной безопасности, **предметом** – политика Турции по урегулированию международных конфликтов в условиях кризиса системы международной и региональной безопасности.

**Цель работы** – исследовать политику Турецкой Республики по урегулированию конфликтов в условиях кризиса современной системы международной и региональной безопасности. Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**:

1. Сформулировать концептуальные основы анализа полицентричной системы международной и региональной безопасности через призму конфликтности в современных международных отношениях.
2. Определить подходы и инструменты Турецкой Республики по обеспечению идейно-ценностной безопасности в условиях международных и региональных вызовов и угроз.
3. Систематизировать подходы Турецкой Республики к урегулированию международных и региональных конфликтов на Западе и Незападе.
4. Установить место и роль Турецкой Республики в урегулировании международных конфликтов на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

5. Определить политико-правовые подходы Турецкой Республики в области борьбы с терроризмом.

6. Проанализировать стратегию международного сотрудничества Турции в области противодействия международному терроризму в условиях современной системы международной и региональной безопасности.

**Теоретико-методологической основой** исследования является междисциплинарный синтез концепций политического реализма, теории международной безопасности и сравнительной политологии. Применяются как классические подходы, в частности, системный подход, а также анализ внешнеполитических стратегий государств с позиций реализма, так и современные методы – дискурсивный и антропологический методы, сравнительный анализ. Методологический инструментарий включает структурно-функциональный, геополитический и идейно-ценностный подходы, что позволяет выявить как внутренние мотивации турецкой внешнеполитической активности в области обеспечения безопасности, так и ее международные проекции.

Отдельное внимание уделяется изучению понятийного аппарата, формируемого Турцией в рамках собственной нормативной повестки, а также анализу формальных и неформальных механизмов обеспечения безопасности, включая институциональные особенности, роль идеологии и политико-правовой классификации угроз. Комплексный подход позволяет не только выявить особенности турецкой стратегии безопасности, но и соотнести их с общими тенденциями трансформации международного порядка.

**Эмпирическую базу исследования** составляют источники на русском, турецком и английском языках, которые можно разделить на три группы:

**Первая группа** включает концептуальные и доктринальные источники, нормативно-правовые акты, а также выступления официальных представителей Турецкой Республики на различных международных площадках. Среди них:

Концепция внешней политики Российской Федерации 2023 г.<sup>2</sup>, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации 2021 г.<sup>3</sup>, Военная доктрина Российской Федерации<sup>4</sup>, Доктрина информационной безопасности Российской Федерации<sup>5</sup>, Стратегический план Министерства иностранных дел Турции на 2024-2028 гг.<sup>6</sup>, Конституция Турецкой Республики 1982 г.<sup>7</sup>, Закон № 2937 «О государственной разведывательной деятельности и Национальной разведывательной организации»<sup>8</sup>, Закон № 3717 «О борьбе с терроризмом»<sup>9</sup>, Закон Турецкой Республики о «Совете национальной безопасности и Генеральном секретариате Совета национальной безопасности»<sup>10</sup>, Уголовный Кодекс Турции № 5237<sup>11</sup>, Выступление президента Р.Т. Эрдогана на 74-й Генеральной Ассамблее ООН<sup>12</sup> и др.

Ко *второй группе* относятся международные соглашения, договоры, а также нормативно-правовые акты Организации Объединенных Наций. Среди них:

---

<sup>2</sup> Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 28.02.2024).

<sup>3</sup> Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (Утверждена Указом Президента Российской Федерации В.В. Путиным 2 июля 2021 г.) // Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 28.02.2024).

<sup>4</sup> Военная доктрина Российской Федерации (Утверждена Указом Президента Российской Федерации В.В. Путиным 25 декабря 2014 г.) // Совет Безопасности Российской Федерации. – URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/military/document129/> (дата обращения: 28.02.2024).

<sup>5</sup> Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (Утверждена Указом Президента Российской Федерации В.В. Путиным 5 декабря 2016 г.) // Совет Безопасности Российской Федерации. – URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document5/> (дата обращения: 28.02.2024).

<sup>6</sup> 2024-2028 Stratejik Planı // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. – URL: <https://www.mfa.gov.tr/data/BAKANLIK/2024-2028-stratejik-planı.pdf> (дата обращения: 13.08.2025).

<sup>7</sup> Türkiye Cumhuriyeti Anayasası 1982 // Türkiye Büyük Millet Meclisi. – URL: [https://www.tbmm.gov.tr/anayasa/anayasa\\_2018.pdf](https://www.tbmm.gov.tr/anayasa/anayasa_2018.pdf) (дата обращения: 28.02.2024).

<sup>8</sup> 2937 sayılı Devlet İstihbarat Hizmetleri ve Milli İstihbarat Teşkilatı Kanunu // TBMM Mevzuat Bilgi Sistemi. – URL: <https://mevzuat.tbmm.gov.tr/mevzuat/faces/kanunmaddeleri?pkanunlarno=41906&pkanunnumarasi=2937> (дата обращения: 28.02.2024).

<sup>9</sup> 3713 sayılı Terörle Mücadele Kanunu // Mevzuat Bilgi Sistemi. – URL: <http://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.3713.pdf> (дата обращения: 15.03.2025).

<sup>10</sup> Milli Güvenlik Kurulu ve Milli Güvenlik Kurulu Genel Sekreterliği Kanunu // T.C. Cumhurbaşkanlığı Mevzuat Bilgi Sistemi. – URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.2945.pdf> (дата обращения: 28.02.2024).

<sup>11</sup> 5237 sayılı Türk Ceza Kanunu // Mevzuat Bilgi Sistemi. – 26.09.2004. – URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.5237.pdf> (дата обращения: 15.03.2024).

<sup>12</sup> Birleşmiş Milletler 74. Genel Kurulu'nda Yaptıkları Konuşma // Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı. – 24.09.2019. – URL: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/109804/birlesmis-milletler-74-genel-kurulu-nda-yaptiklari-konusma> (дата обращения: 30.03.2024).

Договор об основах отношений Российской Федерации и Турецкой Республики<sup>13</sup>, Дополнительный протокол к Меморандуму о стабилизации обстановки в зоне деэскалации Идлиб от 17 сентября 2018 г.<sup>14</sup>, Совместная декларация о продвижении к новому этапу отношений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой и дальнейшем углублении дружбы и многопланового партнерства<sup>15</sup>, Договор о нераспространении ядерного оружия<sup>16</sup>, Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний<sup>17</sup>, Конвенция о запрещении химического оружия<sup>18</sup>, Устав ООН<sup>19</sup>, Глобальная контртеррористическая стратегия ООН<sup>20</sup>, Устав Лиги арабских государств<sup>21</sup>, Устав Организации исламского сотрудничества<sup>22</sup> и др.

*Третья группа* включает в себя различные материалы средств массовой информации (включая источники на турецком языке), например, Известия, ТАСС, Интерфакс, РИА Новости, Euronews, Al Jazeera, Anadolu Ajansı, Sputnik, Bloomberg, Yeni Şafak, T24, TRT Haber, а также комментарии внешнеполитических министерств и других ведомств, комментарии МИД России и МИД Турецкой

---

<sup>13</sup> Договор об основах отношений Российской Федерации и Турецкой Республики // МИД России. – 25.05.1992. – URL: [https://www.mid.ru/ru/foreign\\_policy/international\\_contracts/international\\_contracts/2\\_contract/48617/](https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/48617/) (дата обращения: 16.04.2024).

<sup>14</sup> Дополнительный протокол к Меморандуму о стабилизации обстановки в зоне деэскалации Идлиб от 17 сентября 2018 г. // МИД России. – 17.09.2018. – URL: [https://www.mid.ru/foreign\\_policy/international\\_safety/regprla/-/asset\\_publisher/UCxLFJnKuD1W/content/id/4072593](https://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/regprla/-/asset_publisher/UCxLFJnKuD1W/content/id/4072593) (дата обращения: 30.03.2024).

<sup>15</sup> Совместная декларация о продвижении к новому этапу отношений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой и дальнейшем углублении дружбы и многопланового партнерства // Президент России. – 13.02.2009. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/172> (дата обращения: 06.03.2024).

<sup>16</sup> Договор о нераспространении ядерного оружия (Одобен резолюцией 2373 Генеральной Ассамблеи от 12 июня 1968 г.) // ООН. – URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/npt.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml) (дата обращения: 06.03.2024).

<sup>17</sup> Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний // Организация по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. – URL: [https://www.ctbto.org/sites/default/files/Documents/treaty\\_text\\_Russian.pdf](https://www.ctbto.org/sites/default/files/Documents/treaty_text_Russian.pdf) (дата обращения: 06.03.2024).

<sup>18</sup> Конвенция о запрещении химического оружия // ООН. – URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/chemweapons.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/chemweapons.shtml) (дата обращения: 06.03.2024).

<sup>19</sup> Устав ООН // ООН. – URL: <https://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-i/index.html> (дата обращения: 06.03.2024).

<sup>20</sup> Глобальная контртеррористическая стратегия ООН // ООН. – URL: <https://www.un.org/counterterrorism/ru/un-global-counter-terrorism-strategy> (дата обращения: 06.03.2024).

<sup>21</sup> The Charter of the League of Arab States // League of Arab States. – URL: <http://www.lasportal.org/en/aboutlas/Documents/The%20Charter%20of%20the%20League%20of%20Arab%20States.pdf> (дата обращения: 06.03.2024).

<sup>22</sup> The Charter of the Organization of Islamic Cooperation // Organization of Islamic Cooperation. – URL: <https://ww1.oic-oci.org/english/charter/OIC%20Charter-new-en.pdf> (дата обращения: 06.03.2024).

Республики, комментарии депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и др.

**Степень научной разработанности темы.** Представляется целесообразным выделить следующие основные группы исследований на русском, английском и турецком языках, которые использовались при написании данной работы.

В *первую группу* включены фундаментальные и прикладные исследования, посвященные теоретическим основаниям международных отношений, вопросам международной и региональной безопасности, типологии конфликтов, ценностным основам внешней политики и трансформации мировой системы. К этой группе можно отнести следующих авторов: Э.Я. Баталова<sup>23</sup>, В.К. Белозерова<sup>24</sup>, А.Д. Богатурова<sup>25</sup>, Б. Бузана<sup>26</sup>, А.Г. Володина<sup>27</sup>, С.В. Воробьева<sup>28</sup>, Л.Е. Гришаеву<sup>29</sup>, А.А. Громыко<sup>30</sup>, А.Х. Дегтерева, Д.А. Дегтерева<sup>31</sup>, С.С. Жильцова<sup>32</sup>, Т.А. Закаурцеву<sup>33</sup>, Т.В. Звереву<sup>34</sup>, О.П. Иванова<sup>35</sup>, Т.В. Каширину<sup>36</sup>, О.Г. Карповича<sup>37</sup>, Г.

---

<sup>23</sup> Баталов Э.Я. Антропология международных отношений. – М.: Аспект Пресс, 2019. – 352 с.

<sup>24</sup> Белозеров, В.К. Стратегия национальной безопасности США как новый манифест глобальной гегемонии // Власть. – 2015. – № 4. – С. 19-24.

<sup>25</sup> Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России: Научное издание. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. – 480 с.

<sup>26</sup> Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 596 p.

<sup>27</sup> Володин А.Г. Становление полицентрического мироустройства как продолжение геополитических процессов XX века // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – Т. 12, № 4. – С. 6-31.

<sup>28</sup> Воробьев С.В., Матвеев О.В. Историческая память как объективная основа в международных отношениях // Вестник Екатеринбургского Института. – 2021. – № 1. – С. 118-125.

<sup>29</sup> Гришаева Л.Е. ООН: 75 лет после Второй мировой войны // Дипломатическая служба. – 2020. – № 5. – С. 6-32.

<sup>30</sup> Громыко А.А. От невероятного к «новой норме»: заблуждения и реалии в мировой политике // Социально-политические науки. – 2022. – Т. 12, № 4. – С. 15-21.

<sup>31</sup> Дегтерев А.Х. Дегтерев Д.А. Теория игр и международные отношения // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 2. – С. 79-89.

<sup>32</sup> Жильцов С.С. Роль России в становлении мультиполярного мира // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2022. – № 2 (32). – С. 178-188.

<sup>33</sup> Карпович О.Г., Закаурцева Т.А. Россия и «Коллективный запад» в контуре формирующегося многополярного мира // Вестник российской нации. – 2017. – № 5 (57). – С. 180-191.

<sup>34</sup> Зверева Т.В. Миграционная политика ЕС на современном этапе // Дипломатическая служба. – 2019. – № 4. – С. 38-45.

<sup>35</sup> Иванов О.П. Стратегия НАТО в условиях меняющейся среды международной безопасности в Европе // Обозреватель (Observer). – 2024. – № 3 (404). – С. 16-27.

<sup>36</sup> Каширина Т.В. Российско-американские отношения на современном этапе // Современная наука и инновации. – 2016. – №3. – С. 270-274.

<sup>37</sup> Карпович О.Г. Тенденции развития современного мира // Союз криминалистов и криминологов. – 2024. – № 1. – С. 9-12.

Киссинджера<sup>38</sup>, К.П. Курылева<sup>39</sup>, В.Н. Колотова<sup>40</sup>, А.Л. Лукина<sup>41</sup>, А.П. Любимова<sup>42</sup>, А.В. Манойло<sup>43</sup>, М.А. Неймарка<sup>44</sup>, А.Ш. Ногмову<sup>45</sup>, М.М. Мчедлову<sup>46</sup>, И.Ю. Окунева<sup>47</sup>, В.В. Осипян<sup>48</sup>, О.К. Петрович-Белкина<sup>49</sup>, Е.А. Степанову<sup>50</sup>, Д.В. Стрельцова<sup>51</sup>, А. Тауш<sup>52</sup>, К. Уолтца<sup>53</sup>, В.В. Штоля<sup>54</sup> и др. В контексте проблематики исследования особое значение имеет труд Э.Я. Баталова, где автор исследует роль человека и личности в управлении международными отношениями и мировой политикой. Интересна мысль автора о том, что в условиях доминирования информационных технологий все большее воздействие на управляемые людьми государства начинают оказывать именно информационные войны с элементами психологической борьбы, к которым человек оказывается наиболее восприимчив. А.Д. Богатуров в своей работе осмысляет изменившийся международный порядок на рубеже XXI века, отмечая, что «плюралистическая однополярность» с

---

<sup>38</sup> Kissinger H. Leadership: Six Studies in World Strategy – London: Penguin Press, 2022. – 528 p.

<sup>39</sup> Курылев К.П., Дегтерев Д.А., Грачиков Е.Н., Шпаковская М.А. Назад в будущее: советская внешняя политика 2.0 // Постсоветские исследования. – 2022. – Т. 5, № 7. – С. 754-763.

<sup>40</sup> Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки. Коллективная монография / Отв. ред. В.Н. Колотов. – СПб.: СПбГУ, Восточный факультет; Изд-во «Студия НП-Принт», 2013. – 576 с.

<sup>41</sup> Лукин А.Л. Теория комплексов региональной безопасности и Восточная Азия // Научно-теоретический журнал «Ойкумена». – 2011. – № 2 (17). – С. 7-19.

<sup>42</sup> Любимов А.П., Капков А.Ю., Черный В.В. Международная конкуренция без правил в многополюсном мире // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. – 2022. – № 1(16). – С. 85-95.

<sup>43</sup> Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях: Монография. – М.: МИФИ, 2003. – 388 с.

<sup>44</sup> Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. К уточнению проблемного поля. Часть 1 // Обозреватель (Observer). – 2016. – № 1 (312) – С. 31-42.

<sup>45</sup> Воробьев С.В., Ногмова А.Ш. Международное взаимодействие приграничных субъектов России. Деятельность в условиях санкционного давления Запада // Обозреватель (Observer). – 2025. – № 1 (408) – С. 86-96.

<sup>46</sup> Мчедлова М.М., Казаринова Д.Б. Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 13-35.

<sup>47</sup> Окунев И.Ю., Виноградов В.В. Комплексы региональной безопасности (Опыт пространственного автокорреляционного и кластерного анализа) // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – №4(65). – С. 30-41.

<sup>48</sup> Осипян А.О. Турция и война в Йемене: трансформация подходов // Институт Ближнего Востока. – 14.02.2019. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=53351> (дата обращения: 01.04.2024).

<sup>49</sup> Петрович-Белкин О.К. Концептуальные основания расширения невоенной деятельности НАТО // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2011. – № 3. – С. 16-23.

<sup>50</sup> Степанова Е.А. Вооруженные конфликты начала XXI века: типология и направления трансформации // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – № 6 (64). – С. 24-39.

<sup>51</sup> Социальный протест на современном Востоке / Под редакцией Д.В. Стрельцова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. – 304 с.

<sup>52</sup> Тауш А. Геостратегические соображения по поводу циклов Кондратьева, глобализации и войн // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 10. – С. 105-114.

<sup>53</sup> Waltz K. Theory of International Politics. – Addison-Wesley Publishing Co., 1979. – 251 p.

<sup>54</sup> Штоль В.В. Россия и Запад: несостоявшийся альянс, или Противостояние как неизбежность. – СПб.: Алетей, 2019. – 434 с.

доминированием США, сформировавшаяся после распада СССР, уступает место новым конфигурациям, где особая роль будет отведена незападным центрам силы. Важными являются труды представителя Копенгагенской школы международных отношений Б. Бузана, делающего акцент на теориях «секьюритизации» и «десекьюритизации» в вопросах безопасности, применимой к политике современной Турции.

**Вторая группа** включает в себя исследования, в которых проводится анализ внешнеполитической стратегии Турции, ее участия в региональных конфликтах, взаимоотношений с государствами Ближнего Востока, Россией, странами Евразии, а также курдского вопроса, роли Турции в сирийском кризисе и на Кавказе. Среди авторов – О.П. Бибикова<sup>55</sup>, А.М. Васильев<sup>56</sup>, К.В. Вертяев<sup>57</sup>, С.М. Иванов<sup>58</sup>, П.А. Гудев<sup>59</sup>, А.А. Гурьев<sup>60</sup>, А. Давутоглу<sup>61</sup>, С.Б. Дружиловский<sup>62</sup>, Д.В. Жигульская<sup>63</sup>, И.Д. Звягельская<sup>64</sup>, А.А. Ирхин<sup>65</sup>, В.А. Корочкина<sup>66</sup>, Д.С. Крылов<sup>67</sup>, Д.Б.

---

<sup>55</sup> Бибикова О.П. Интересы Турции в Идлибе // Россия и мусульманский мир. – 2020. – № 2 (316). – С. 70-80.

<sup>56</sup> Васильев А.М., Коротаев А.В., Исаев Л.М. Военные вновь у власти? Выборы в Египте // Азия и Африка сегодня. – 2014. – № 10 (687). – С. 2-7.

<sup>57</sup> Вертяев К.В. Политическое реформатирование у границ Турции: последствия операции «Оливковая ветвь» и оккупации сирийского Афона // Труды Института Востоковедения РАН. – 2019. – № 20. – С. 80-101.

<sup>58</sup> Вохминцев И.В., Гузаеров Р.И. Многовекторная внешняя политика Турции при президентстве Р. Т. Эрдогана 2014-2022: прикладной анализ // Вестник РУДН. Международные отношения. – 2023. – № 4. – С. 689-703.

<sup>59</sup> Аватков В.А., Гудев П.А. Геополитика российско-турецких отношений в Черноморском регионе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2021. – Т. 23, № 3. – С. 348-363.

<sup>60</sup> Гурьев А.А. Новая концепция национальной безопасности Турции // Институт Ближнего Востока. – 07.11.2005. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=3905> (дата обращения: 01.03.2024).

<sup>61</sup> Давутоглу А. Внешняя политика Турции и Россия // Россия в глобальной политике. – 2010. – № 1. – 28.02. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vneshnyaya-politika-turczii-i-rossiya/> (дата обращения 01.04.2024)

<sup>62</sup> Дружиловский С.Б. О внутренних причинах политической нестабильности Турецкой Республики // Вестник МГИМО Университета. – 2016. – Т. 47, № 2. – С. 15-21.

<sup>63</sup> Жигульская Д. В. Восстание турецких курдов в Дерсиме (1937-1938 гг.) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2013. – № 161. – С. 19-24.

<sup>64</sup> Звягельская И. Ближневосточный клинч: Конфликты на Ближнем Востоке и политика России. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2014 г. – 208 с.

<sup>65</sup> Ирхин А.А., Нагорняк К.И., Демешко Н.Э., Москаленко О.А. Поляризация турецкого общества и технологии «сетевых революций»: опыт 2013, 2016 годов и взгляд в будущее // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2023. – Т. 5, № 4. – С. 84-118.

<sup>66</sup> Корочкина В.А. Исламский фактор в отношениях между Турцией, Палестиной и Израилем // Труды Института Востоковедения РАН. – 2019. – № 20. – С. 222-237.

<sup>67</sup> Аватков В.А., Крылов Д.С. Идеино-ценностное воздействие Турции на процессы в информационном пространстве Республики Крым // Россия: общество, политика, история. – 2022. – № 5 (5). – С. 84-93.

Мальшева<sup>68</sup>, А.Т. Мозлоев<sup>69</sup>, И.В. Рыжов<sup>70</sup>, И.А. Свистунова<sup>71</sup>, Р.Н. Шангараев<sup>72</sup> и др. Особого внимания заслуживает работа А. Давутоглу, в которой автор выделил шесть основополагающих принципов внешней политики Турецкой Республики, а также описал концепт «справедливого» – с точки зрения руководства Турции – мирового порядка. П.А. Гудев, в свою очередь, рассмотрел особенности российско-турецкой коммуникации в стратегически важном как для России, так и для Турции Черноморском регионе. В своем труде С.Б. Дружиловский одним из первых среди отечественных исследователей отметил наличие во внутривосточном процессе Турции партийного и идеологического антагонизма, являющегося угрозой внутренней стабильности государства, а также пришел к выводу о вхождении правящей Партии справедливости и развития в состояние глубокого кризиса.

В *третьей группе* объединены работы, рассматривающие военные и идеологические аспекты турецкой государственности, включая развитие армии, гражданско-военные отношения, борьбу с терроризмом и киберугрозами, роль идеологии в политике, а также деятельность таких структур, как ФЕТÖ и РКК. Среди авторов, например: В.А. Аватков<sup>73</sup>, М. Атаман<sup>74</sup>, Н. Авджы<sup>75</sup>, Х.Э. Бериш<sup>76</sup>, Э. Чахмутоглу<sup>77</sup>, Э. Чулха<sup>78</sup>, М. Друшотис<sup>79</sup>, Х.К. Карпат<sup>80</sup>, В.А. Надеин-

<sup>68</sup> Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка): [В.М. Ахмедов и др.] ; отв. ред. В.В. Наумкин, Д.Б. Мальшева ; Институт востоковедения РАН. – Москва: ИВ РАН, 2015. – 504 с.

<sup>69</sup> Мозлоев А.Т. Россия-Турция: существуют ли перспективы сотрудничества? // Человеческий капитал. – 2016. – № 2 (86). – С. 49-52.

<sup>70</sup> Бородина М.Ю., Рыжов И.В. Особенности взаимоотношений Турции с государствами исламского мира // Труды Института Востоковедения РАН. – 2019. – № 20. – С. 203-221.

<sup>71</sup> Свистунова И.А. Турция в контексте «арабской весны»: региональная стратегия // РИСИ – 27.09.2011. – URL: <https://riss.ru/analitics/2431/> (дата обращения: 26.03.2024).

<sup>72</sup> Шангараев Р.Н., Ивочкина А.С. Интеграционные процессы России, Китая и Турции в Центральной Азии // Социально-политические науки. – 2025. – Т. 15, № 2. – С. 146-152.

<sup>73</sup> Аватков В.А. Армия Турецкой Республики при правлении Партии справедливости и развития. – Москва: ИД «Международные отношения», 2018. – 164 с.

<sup>74</sup> Ataman M. Shkurti G. Batının Darbe Sicili ve 15 Temmuz Darbe Girişimine Tepkisi // Adam Akademi. – 2016. – № 2. – P. 51–73.

<sup>75</sup> Avcı N., Demir C.K. Terörizm Çalışmaları: Türkiye'deki Araştırmalara İlişkin Belimsel Bir Analiz // Güvenlik Stratejileri. – 2017. – V. 13, № 26. – P. 1-44.

<sup>76</sup> Beriş H.E. FETÖ ile mücadele // Miş N. Aslan A. Kuruluşundan bugüne AK Parti. Siyaset. 2. Baskı – İstanbul: SETA Kitapları, 2018. – 472 p.

<sup>77</sup> Çahmutoğlu E. Türkiye'nin istihbarat ve siber güvenlik politikaları // İnat K., Aslan A., Duran B. Kuruluşundan bugüne AK Parti. Dış politika. 2. Baskı. – İstanbul: SETA Kitapları, 2018. – 560 p.

<sup>78</sup> Çulha E. Türk-Rus İlişkilerinin Kronolojisi // Marmara Türkiyat Araştırmaları Dergisi – 2016. – № 2. – P. 287-298.

<sup>79</sup> Druşotis M. Kıbrıs 1970-1974. EOKA B, Yunan Darbesi ve Türk İstilasası. – Lefkoşa: Galeri Kültür Yayınları, 2006. – 558 p.

<sup>80</sup> Karpat H.K. Osmanlı'dan Günümüze Asker ve Siyaset. – İstanbul: Timaş Yayınları, 2019. – 395 p.

Раевский<sup>81</sup>, М. Озкан<sup>82</sup>, Г.Г. Озтан<sup>83</sup>, В.В. Цибенко<sup>84</sup>, П.В. Шлыков<sup>85</sup>, Н. Ялчынташ<sup>86</sup>, А. Яйла<sup>87</sup>, М. Йешилташ<sup>88</sup> и др. Особое внимание стоит уделить работам Ф. Билы<sup>89</sup>, рассматривающего деятельность РПК и иных леворадикальных организаций в Турции сквозь призму идеологического фактора, и Э. Алана<sup>90</sup>, дающего в большей степени исторический очерк о курдских организациях с привлечением документальных и архивных материалов. Труды Н. Верена<sup>91</sup>, А. Шыка<sup>92</sup>, также Э. Байраклы и У. Улуташа<sup>93</sup> важны с точки зрения комплексного изучения организации ФЕТО как сетцентричной структуры, угрожающей национальной безопасности современной Турции. О панисламизме, османизме и национализме в политике безопасности, а также о влиянии внутривнутриполитических изменений на оборонную и внешнюю политику Турецкой Республики на английском языке высказались такие исследователи, как Х. Арыкан, З. Алемдар<sup>94</sup> и О. Анас<sup>95</sup>.

*К четвертой группе* относятся исследования зарубежных, преимущественно западных авторов, посвященные различным аспектам внешнеполитического курса Турции, в том числе в контексте обеспечения безопасности. Фундаментальные исследования американских и западноевропейских авторов, изданные в первой декаде XXI в., посвящены критическому анализу турецкой внешнеполитической и

<sup>81</sup> Надеин-Раевский В.А. Экстремизм и терроризм в современной Турции // Пути к миру и безопасности. – 2017. – № 1 (52). – С. 182-204.

<sup>82</sup> Özkan M. Doğu Afrika Jeopolitiği ve Türkiye'nin Somali Politikası. – İstanbul: SETA Yayınları, 2014. – 135 p.

<sup>83</sup> Öztan G.G. Türkiye'de Militarizm. Zihniyet, Pratik, Propaganda. – İstanbul: Ayrıntı Yayınları, 2018. – 236 p.

<sup>84</sup> Цибенко В.В. Конструирование идеологического дискурса о воображаемой географии в Турции // Международная аналитика. – 2022. – № 13 (3). – С. 130-144.

<sup>85</sup> Шлыков П.В. Армия и военная элита в контексте политического развития Турции 2000-х и 2010-х годов // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. – 2020. – № 1. – С. 121-137.

<sup>86</sup> Yalçıntaş N., Kaynak M., Almaz A. Uluslararası Ekseninde Terör ve Türkiye. Terör nasıl bitirilir? – NOKTA KİTAP, 2011. – 344 p.

<sup>87</sup> Yayla A. Terör ve Terörizm Kavramlarına Genel Bakış // Ankara Üniversitesi SBF Dergisi. – 2015. – V. 45, № 2. – P. 335-385.

<sup>88</sup> Yeşiltaş M. AK Parti döneminde sivil-asker ilişkileri // Miş N., Aslan A. Kuruluşundan bugüne AK Parti-Siyaset. – İstanbul: SETA Kitapları, 2018. – 472 p.

<sup>89</sup> Bila F. İdeolojik kodlarıyla kağıt üstündeki PKK. 1. Baskı. – İstanbul: DOĞAN KİTAP, 2016. – 220 p.

<sup>90</sup> Alan E. Terör-PKK. 40 Yıllık İhanet. – Ankara: Bilgi Yayınevi, 2016. – 264 p.

<sup>91</sup> Veren N. FETO 1966-2016. – İstanbul: Destek Yayınları, 2016. – 176 p.

<sup>92</sup> Şık A. İmamın ordusu. – İstanbul: Kırmızı Kedi Yayınevi, 2017. – 384 p.

<sup>93</sup> Bayraklı E., Ulutaş U. FETÖ'nün anatomisi. 3. Baskı. – İstanbul: SETA Kitapları – 184 p.

<sup>94</sup> Arıkan H., Alemдар Z. (eds.) Turkey's Challenges and Transformation. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. – 310 p.

<sup>95</sup> Anas O. Three Transitions in Turkey's Foreign Policy. In: Anas O. (ed.) Turkey's Asia Relations. – Cham: Palgrave Macmillan, 2022. – 325 p.

оборонной стратегий после окончания Холодной войны, когда Турция укрепила свое положение в качестве одного из ключевых игроков на евразийском пространстве. В монографиях Л. Мартина, Д. Керидиса<sup>96</sup> и У. Хейла<sup>97</sup> большое внимание уделяется как политике Турции в Юго-Восточной Европе, на Ближнем Востоке и на Кавказе, так и ее многолетней политике по евроинтеграции.

Влияние национализма и кемализма на формирование турецкой стратегии безопасности было проанализировано американским политологом И. Лессером<sup>98</sup>. Рост значимости религиозного фактора (десекуляризация) в политической жизни, а также концепция стратегического «одиначества» Турции, вызванного ее уникальным геостратегическим положением и необходимостью постоянно обеспечивать свое присутствие и оказывать влияние на Балканы, Ближний Восток, Южный Кавказ, Восточное Средиземноморье и Причерноморье рассмотрены британским политологом Б. Парком<sup>99</sup>.

#### **Новизна диссертационного исследования:**

1. Разработан теоретико-методологический подход к анализу системы международной и региональной безопасности, который заключается в рассмотрении конфликта как структурообразующего элемента системы и ее особенностей сквозь призму системного подхода, позволяющего выявить взаимосвязь между системами безопасности и системами международных отношений. На основе данного подхода выделены концептуальные особенности современной полицентричной системы безопасности, а также введена авторская концепция «циклов конфликтности мира» для определения закономерностей смены фаз глобальной стабильности и кризисов, а также выявления преемственности отдельных элементов безопасности в рамках исторически сменяющих друг друга моделей международных отношений.

---

<sup>96</sup> Martin L., Keridis D. (eds.) *The Future of Turkish Foreign Policy*. Cambridge: MIT Press, 2004. – 354 p.

<sup>97</sup> Hale W. *Turkish Foreign Policy since 1774*. London: Routledge, 2012. – 360 p.

<sup>98</sup> Lesser I. *The Evolution of Turkish National Security Strategy*. In: Kerslake C., Öktem K., Robins P. (eds) *Turkey's Engagement with Modernity*. London: Palgrave Macmillan, 2010. – 473 p.

<sup>99</sup> Park B. *Turkey: The Security Policy of a 'Lonely' State*. In: Clarke M., Henschke A., Sussex M., Legrand T. (eds) *The Palgrave Handbook of National Security*. Cham: Palgrave Macmillan, 2021. – 415 p.

2. Выявлено доминирование идейно-ценностного фактора в вопросах, связанных с обеспечением безопасности Турции и обуславливающих складывание концепта турецкой идейно-ценностной безопасности, который проявляется в задействовании политической элитой страны внутренних и внешних идеологических установок. Определено, что Турция имеет определенный набор потребностей, в том числе экзистенциальных. Составлена классификация угроз Турции, подразделяемых на внутренние, внешние и гибридные. На основе «пирамиды потребностей» А. Маслоу как наиболее частного примера выработана соотносимая с потребностями государства «пирамида идей» Анкары, где особое место занимает феномен «мягкого милитаризма». Для объяснения военно-политической деятельности Турции внутри страны и за рубежом введено авторское понятие турецкого «мягкого милитаризма» – идеологемы, идейно дополняющей более глобальную неофициальную идеологию «неосманизма» в сфере безопасности.

3. Концептуально обосновано явление посредничества как самостоятельной внешнеполитической стратегии Турецкой Республики, реализуемой в условиях дихотомии «Запад–Незапад». Определен внешнеполитический подход Турции к урегулированию региональных и международных конфликтов на основе религиозного, этнического и военного (промилитаристского) факторов, которые применяются на широком географическом пространстве, выходящем за пределы традиционных сфер влияния Турции. Установлено, что в частных случаях в основе конфликтного урегулирования возможно применение нескольких факторов по модели «этнический+военный».

4. Установлены практические аспекты реализации модели политики «умной силы» в стратегии Турецкой Республики по урегулированию международных конфликтов. С опорой на метод межрегионального сравнительного анализа проведен анализ ключевых направлений и целей турецкой политики в конфликтных зонах Ближнего Востока и Северной Африки. Теоретически обоснованы пять ключевых механизмов реализации стратегии

Турции, включая применение модели ситуативных альянсов (*ad hoc*), легитимацию военных операций в третьих странах, стремление к институционализации через переговорные форматы, использование этнического и конфессионального факторов в политических целях (в первую очередь курдского и исламского). Установлено, что в основе современных подходов Турции к урегулированию конфликтов лежит не просто реакция на внешние угрозы, но целенаправленная политика геополитического расширения и многоуровневого присутствия, включающая дипломатическое, военное, инфраструктурное и идеологическое измерения.

5. Определено, что нормативно-правовой подход Турецкой Республики в сфере борьбы с терроризмом отличается высокой степенью политико-правовой ангажированности и является инструментом административного давления правящих элит, что усиливает вертикаль власти Турции и снижает ее авторитет в мире Запада, тем самым нанося ей определенный имиджевый урон. Установлена связь антитеррористической политики Турции с внешнеполитическим курсом государства, проявляющаяся в стремлении гармонизировать турецкое законодательство с потребностями стран-партнеров, что является препятствием для создания нормативно-правовой базы, реально отвечающей национальным интересам страны.

6. Выявлена и обоснована специфика турецкой стратегии в сфере антитеррористического сотрудничества как элемента отхода от политической зависимости от Запада и формирования многовекторного курса в отношении государств Незапада, отражающего стремление к укреплению суверенных позиций в международной системе безопасности. Определено, что сотрудничество в области борьбы с терроризмом с Западом фактически свелось к политике создания общего реестра угроз, контролируемого Турцией. Установлено, что взаимодействие Турции с Россией и странами Запада сопровождается нормативно-правовыми противоречиями и коллизиями, особенно в вопросах признания радикальных организаций, что формирует уникальное «срединное» положение

Турции – одновременно партнера и потенциального источника напряженности в международной антитеррористической повестке.

### **Основные положения, выносимые на защиту:**

1. Главной особенностью формирующейся полицентричной системы безопасности является ее повышенная конфликтогенность: конфликт представляет собой не рудимент, а неотъемлемую часть системы, с одной стороны, замедляющую ее развитие, с другой – катализирующую процесс поиска новых механизмов кризисного менеджмента.

Степень конфликтогенности системы определяется сменяющимися друг друга «циклами конфликтности мира»: «циклы условно конфликтного состояния» уступают место «столкновениям высокой степени интенсивности» (глобальным катаклизмам и крупным войнам, затрагивающим более двух континентов), которые затем, когда ресурсы конфликтующих сторон исчерпаны, вновь переходят в так называемое «мирное», или «условно конфликтное состояние». Ключевым признаком смены цикла конфликтности является появление новых и укрупнение старых «дуг нестабильности». Длительность цикла «условно конфликтного состояния», таким образом, является главным показателем стабильности среды. Циклы конфликтности способствуют не только процессу смены эпох, но и совершенствованию новых механизмов конфликтного урегулирования.

Элементы безопасности, заложенные в основу исторических систем международных отношений (Вестфальской, Венской, Версальско-Вашингтонской и Ялтинско-Потсдамской), имеют свойство переходить из одной системы безопасности в другую вне зависимости от временных рамок, в отличие от самих систем международных отношений. В связи с этим некоторые принципы безопасности Вестфальской системы (например, баланса сил) остаются актуальны для современной полицентричной системы международной и региональной безопасности.

2. Политико-правовой подход Турции к обеспечению международной и региональной безопасности основан на неофициальной идеологии «неосманизма» и ее производных, в частности, на феномене «мягкого милитаризма»,

порожденного базовой потребностью государства в безопасности и необходимостью признания международным сообществом права на борьбу с угрозами определенными методами.

«Мягкий милитаризм» Турции не имеет общих черт с «жестким милитаризмом» Германии и Японии 1930-1940-х гг. и не является идеологией в полной мере. Турецкий «мягкий милитаризм» представляет собой набор средств и методов по популяризации и политизации могущества турецкой армии в условиях реального уменьшения роли военных во внутривнутриполитической жизни страны, а также повышению имиджа ее зарубежных военных кампаний, национальных ОПК и ВПК – в первую очередь среди местного населения – в целях дальнейшей ретрансляции данных нарративов в турецком обществе и за его пределами. В своем развитии турецкий «мягкий милитаризм» трансформировался из «раннего милитаризма» (1923-1960 гг.) в «антиисламистский милитаризм» (1960-2007 гг.) и затем в «современный милитаризм» (2007 г. - н.вр.).

Политико-правовой дискурс Турции относительно безопасности сосредоточен вокруг основного спектра угроз: внутренних, выражающихся в вероятности подрыва всеобщего спокойствия и доверия внутри страны, внешних, угрожающих территориальной целостности и предполагающих внешние атаки и подрыв мироустройства в целом, и гибридных, как, например, террористическая деятельность, представляющая угрозу как извне (ИГИЛ<sup>100</sup>, курдские формирования Сирии и т.д.), так и изнутри (РПК, цветные революции).

При этом в результате достижения «базовых» потребностей Турции (суверенное существование в своих границах и внутривнутриполитическая стабильность) и продвижения концепта о Турции-защитнице как минимум ближневосточного региона стирается грань между национальной и региональной безопасностью: проблематика безопасности сопредельных регионов рассматривается властями в качестве ответственности турецкого государства и как часть национальной безопасности Турции.

---

<sup>100</sup> Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

3. В отличие от государств Запада, использующих преимущественно «жесткую силу» и оппозиционные силы для решения конфликтов, стадии урегулирования конфликтов Анкары подразделяются на несколько этапов: популистский (распространение идеологических нарративов в интересах Турции, навязывание международному сообществу турецкого мнения об определенных событиях), задействование прокси-сил (туркоманы в Сирии, националисты на Постсоветском пространстве), милитаристский (ввод войск, проведение военных операций), который, в целях исключения прямого вовлечения Турции в конфликт, заменяется на этап посредничества. Турция в условиях дихотомии «Запад–Незапад» реализует стратегию посредничества, сочетающую институциональное участие в западных структурах с активным взаимодействием с незападными акторами (Украиной, Постсоветским Востоком, Северным Кипром), что позволяет ей формировать модель внешнеполитического поведения, коррелирующую с неофициальной идеологией «неоосманизма» и феноменом «мягкого милитаризма».

Распространяемый правящей элитой страны нарратив о Турции как о глобальном «дипломатическом хабе» объясняет повышенную вовлеченность Анкары в кризисное урегулирование в ключевых пространствах: Ближнем и Среднем Востоке, Северной Африке, Восточном Средиземноморье (Северный Кипр) а также некоторых регионах Азиатско-Тихоокеанского региона (Мьянма, Синьцзян-Уйгурский автономный район).

Подход к разрешению конфликтов с религиозной спецификой применяется Турцией в основном в не граничащих с Турцией странах арабского мира и других регионах с преимущественно мусульманским населением; этнический подход распространяется на конфликты с вовлеченным в них тюркоязычным населением или близким Турции по этнокультурным признакам народам; военный (промилитаристский) подход с задействованием ВС Турции применяется преимущественно в зонах активных боевых действий, в том числе на приграничных территориях.

Частным случаем гибридного подхода, сочетающего военный и этнический фактор стал кипрский конфликт, где на начальном его этапе этнический подход, выступающий в качестве первичного и основанный на всесторонней поддержке турок-киприотов, дополнялся вторичным – военным, примененным однократно в наиболее критической для интересов Турции ситуации.

4. В условиях активной трансформации региональной безопасности на Ближнем Востоке и в Северной Африке (ускорившейся после событий ноября-декабря 2024 г. в Сирии и эскалации ирано-израильского конфликта в 2025 г.) Турецкая Республика выстраивает многовекторную стратегию урегулирования конфликтов, основанную на использовании политики «умной силы» (т.е. сочетании «мягкой» и «жесткой»), что отражает стремление Анкары укрепить свой статус и положение суверенного регионального лидера (с претензией на кросс-региональное лидерство). Эволюция внешнеполитического курса Турции — от политики «ноль проблем с соседями» к активному вмешательству в конфликты — свидетельствует о переосмыслении механизмов обеспечения национальной безопасности, расширения сфер влияния и укрепления геополитического положения в регионах.

Анализ политики Турецкой Республики в конфликтах на Ближнем Востоке и в Северной Африке позволил выделить пять ключевых тенденций: 1) стремление к институционализации участия в различных форматах урегулирования конфликтов (например, Астанинский процесс по Сирии); 2) легитимизация применения военной силы на территории третьих стран с целью защиты национальных интересов и безопасности границ; 3) формирование альянсов *ad hoc* с участием как локальных, так и региональных и мировых акторов при сохранении стратегической гибкости и мобильности; 4) акцентирование на курдской угрозе во внешней и внутренней политике на Ближнем Востоке; 5) попытки предложить собственную модель политической стабилизации в исламском мире (в том числе в рамках идеологии исламизма с турецкой спецификой). Вместе с тем, практика показывает одновременное сочетание роста амбиций и военно-политической активности Анкары за рубежом и ограниченности возможностей достижения

устойчивого мира и стабильности в регионе с учетом постоянной конкуренции за региональное лидерство и асимметрии интересов с ведущими региональными игроками

5. Широкая и размытая трактовка понятия «терроризм», закрепленная Законом № 3713 от 1991 г. «О борьбе с терроризмом», позволяет властной элите Турции причислять к террористическим деяниям любые неугодные действия, которые, к примеру, в российском законодательстве могли бы расцениваться как уголовные и административные правонарушения.

Отсутствие правового определения понятия «экстремизм» как такового в равной степени позволяет властям классифицировать широкий спектр общественно-политической активности, в том числе этнической и оппозиционной направленности, как террористическую деятельность, что, в свою очередь, на протяжении долгих лет обостряло курдскую проблему и позволяло Турции обнародовать за счет этого данные, согласно которым в стране зафиксирована «высокая» террористическая активность. Подобный подход не раз породил коллизии и сложности в адаптации Турции к западным стандартам законодательства и продолжает быть фактором, препятствующим развитию отношений и межведомственного антитеррористического сотрудничества со многими странами (США, Германия, Швеция и т.д.). Вместе с тем научные методы изучения данной проблемы в Турции являются весьма западноориентированными, а терроризм, как и история его возникновения, чаще всего рассматривается на основании распространенных американских и европейских подходов.

При этом борьба Турции с терроризмом во многом адаптирована под нужды внешней политики страны, однако недостаточно сопряжена со внутренними потребностями. В зависимости от внешнеполитического курса Анкары и набора партнеров меняется антитеррористическая политика Турции: от активного сотрудничества и возникновения новых угроз, сопряженных с угрозами западному миру, до охлаждения турецко-западных отношений и ужесточения государственной антитеррористической политики.

В эпоху правления Р.Т. Эрдогана борьба с терроризмом стала методом легализации и «укоренения» турецких военных на приграничных территориях с условием их дальнейшего закрепления (Сирия, Ливия).

6. Отход Турции от политической зависимости от западных партнеров, прежде всего США и НАТО, сопровождается «экстраполяцией» турецкой модели антитеррористического сотрудничества на альтернативных партнеров, в частности, на Россию. В то время как турецко-западное взаимодействие в этой сфере носит ограниченный формальный характер и не отвечает реальным интересам Турецкой Республики, партнерство с незападными государствами является более практикоориентированным и взаимовыгодным.

В рамках антитеррористического сотрудничества Турции с ЕС и НАТО Анкара придерживается принципа «единства угроз», проявляющегося в намерении изменить политику ряда европейских стран в соответствии с турецким антитеррористическим законодательством (Швеция, Финляндия).

Российско-турецкое взаимодействие в области противодействия террористическим угрозам обладает потенциалом развития и является примером партнерства между государствами с различными стратегиями и интересами в сфере международной и региональной безопасности.

Вместе с тем правовая неурегулированность и отсутствие взаимных документов о признании террористическими или как минимум экстремистскими турецких радикальных националистических групп, основанных на пантюркистской (идеологическо-экстремистской) идеологии (таких как «Серые волки», «Очаги идеалистов»), а также исламистских организаций («Братья-мусульмане»<sup>101</sup>, «Хайят Тахрир аш-Шам»<sup>102</sup>) ставит Турцию в «срединное» положение, при котором она сама может выполнять роль провоцирующего фактора, способствующего росту международной напряженности.

---

<sup>101</sup> Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

<sup>102</sup> Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

Сотрудничество с Москвой, несмотря на политико-правовые расхождения в трактовке понятий безопасности и терроризма, отражает стремление Турции к многовекторности и укреплению суверенных позиций в международной архитектуре безопасности.

**Теоретическая значимость** работы заключается в развитии научных представлений о гибридных стратегиях региональных держав в условиях трансформации международного порядка и эволюции понятий безопасности, милитаризма и посредничества. Работа вносит вклад в отечественную тюркологическую науку, а также актуализирует базу исследований, посвященных рассмотрению политики современной Турецкой Республики сквозь призму безопасности. Так, например, введенное в оборот понятие «мягкого милитаризма» продолжает учение о пересечении и взаимовлиянии в мировой политике «мягкой» и «жесткой» силы, и может применяться в разного рода регионоведческих исследованиях, изучающих умеренно милитаристскую политику государств как Востока, так и Запада. Созданная на основе теории об антропологии международных отношений модель «пирамиды идей» Турции может быть экстраполирована на другие государства, в первую очередь восточные – управляемые харизматическими лидерами.

**Практическая значимость** исследования связана с возможностью применения его результатов в деятельности государственных органов, аналитических структур Российской Федерации, а также научных организаций, занимающихся внешнеполитическим планированием, обеспечением региональной стабильности и выработкой антикризисных стратегий на Ближнем Востоке и постсоветском пространстве. Полученные выводы и обобщения могут быть использованы при разработке сценариев взаимодействия с Турцией как с прагматичным и ситуативным партнером в условиях высокой неопределенности международной среды. К примеру, описанная теория о «циклах конфликтности мира» на практике может быть применима к анализу сирийского конфликта и использована при прогнозировании сценариев его возможной трансформации и дальнейшего развития. Сделанные в работе выводы также могут быть

использованы в учебном процессе при составлении курсов, посвященных конфликтологии, политике Турецкой Республики в рамках современной системы международных отношений, а также идейно-ценностному фактору на Ближнем Востоке.

Результаты настоящего исследования **апробированы** в рамках различных зарубежных, всероссийских и международных конференций, круглых столов и др. Так, в 2023 г. результаты были представлены в рамках секционных докладов по следующим темам: «Роль Турции в треугольнике Москва–Анкара–Тегеран» на Международной конференции Института стран СНГ «Российско-иранское сотрудничество в меняющемся мире», 25 апреля 2023 г.; «Турция в Средней Азии: региональные тенденции» на Международном круглом столе НИИРК «Моделирование и прогнозирование процессов в Центральной Азии», 19 мая 2023 г.; «Влияние Турции в регионах России: тюркский фактор» на Международной научно-практической конференции «Россия и регионы мира: реглобализация», 24 мая 2023 г.; «Турция и постсоветское пространство: проблематика идеологической безопасности» на Международной научно-практической конференции «Стратегические векторы транзита постсоветских государств и геополитические вызовы государствам – участникам СНГ: анализ и прогноз», 26 октября 2023 г.

В 2024 г. в рамках следующих секционных докладов: «Турция и Иран в современной системе международных отношений» на Международной научной конференции «Исламская Республика Иран в эпоху глобальных трансформаций», 19 марта 2024 г.; «Турция как антропологическое государство» на Втором конгрессе исследователей международных отношений, 26 апреля 2024 г.; «Фактор Турции в армяно-азербайджанском конфликте» на Международной научной конференции «Границы на Постсоветском Востоке: история и современность», 10 сентября 2024 г.; «“Мягкая сила” Турции в Большой Евразии: региональные тенденции» на Международной научной конференции «Большая Евразия: состояние и перспективы», 18 октября 2024 г.

В ходе проведения диссертационного исследования были опубликованы следующие статьи в изданиях, входящих в список ВАК / «Белый список»:

1. Аватков В.А., Сбитнева А.И. Политический курс современной Турции. Главные особенности внутренней и внешней политики 2019 г. // Свободная Мысль. – 2020. – № 2. – С. 115-128.
2. Рудницкий А.Ю., Аватков В.А., Сбитнева А.И. Конфликтное взаимодействие Турции и Сирии: история и современность // Конфликтология / nota bene. – 2020. – № 2. – С. 26-34. – DOI: 10.7256/2454-0617.2020.2.33629.
3. Аватков В.А., Сбитнева А.И. Коридоры турецкого влияния: евроазиатский путь Анкары // Геоэкономика энергетики. – 2022. – Т. 19, № 3. – С. 6-20. – DOI: 10.48137/26870703\_2022\_19\_3\_6.
4. Аватков В.А., Сбитнева А.И. Новый национализм Турецкой Республики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2022. – № 2 (24). – С. 291-302. – DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-2-291-302.
5. Аватков В.А., Сбитнева А.И. Партийная система и политические партии турецкой республики // Гражданин. Выборы. Власть. – 2022. – № 2 (24). – С. 77-90.
6. Аватков В.А., Сбитнева А.И. Трансформация антитеррористической политики Турции в период правления Партии справедливости и развития // Вестник МГИМО-Университета. – 2022. – № 3 (15). – С. 143–174. – DOI: 10.24833/2071-8160-2022-3-84-143-174.
7. Сбитнева А.И. Технологии Турции XXI века: космическое измерение // Свободная мысль. – 2022. – № 3 (1693). – С. 121-130.
8. Сбитнева А.И. Через тернии к звездам: национальная Космическая программа Турции // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – Т. 15, № 2. – С. 191-208. – DOI: 10.23932/2542-0240-2022-15-2-10.
9. Аватков В.А., Сбитнева А.И. Турецкая Республика в преддверии столетия: эра Р.Т. Эрдогана // Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: Международные отношения. – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 595-608. – DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-595-608.

10. Аватков В.А., Сбитнева А.И. Турция - Запад: образцовый антагонизм? // Современная Европа. – 2023. – № 5 (119). – С. 31-43. – DOI: 10.31857/S0201708323050030.

11. Аватков В.А., Сбитнева А.И. Турция в современном мире: между демократией и авторитаризмом // Актуальные проблемы Европы. – 2023. – № 1 (117). – С. 270-288. – DOI: 10.31249/ape/2023.01.12.

12. Аватков В.А., Сбитнева А.И. Один в поле не воин: ведущие ЧВК Турции // Пути к миру и безопасности. – 2023. – № 2 (65). – С. 219-232. – DOI: 10.20542/2307-1494-2023-2-219-232

13. Сбитнева А.И. Россия и Турция: долгий путь к сотрудничеству. Интервью Генерального консула России в Стамбуле // Россия и современный мир. – 2023. – № 2 (119). – С. 275-281. – DOI: 10.31249/rsm/2023.02.17.

14. Майорова М.А., Сбитнева А.И. Идеологическое влияние Турции в регионах России: тюркский фактор // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2023. – Т. 25, № 1. – С. 134-149. – DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-134-149.

15. Аватков В.А., Сбитнева А.И. Между Западом и Незападом: Турция перед лицом геостратегического выбора // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2024. – Т. 26, № 1. – С. 131-142. – DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-131-142.

16. Аватков В.А., Сбитнева А.И. Турецкая диаспора современной Европы: вызов Евросоюзу // Актуальные проблемы Европы. – 2024. – № 3. – С. 191-206. – DOI: 10.31249/ape/2024.03.11.

17. Сбитнева А.И. Этноэкономика Европы: турецкий сегмент // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2024. – № 2 (17). – С. 153-167. – DOI: 10.31249/kgt/2024.02.08.

18. Крылов Д.С., Сбитнева А.И. Конфликтное взаимодействие Турции и США в рамках сирийского кризиса // Пути к миру и безопасности. – 2024. – № 1 (66). – С. 134-149. – DOI: 10.20542/2307-1494-2024-1-134-149.

19. Сбитнева А.И. Турция в Центральной Азии: региональные тенденции // Россия и новые государства Евразии. – 2024. – № 4. – С. 133-151. – DOI: 10.20542/2073-4786-2024-4-133-151.

20. Аватков В.А., Сбитнева А.И. Слова и смыслы во внешнеполитическом дискурсе Турции // Политическая наука. – 2025. – № 2. – С. 115-137. – DOI: 10.31249/poln/2025.02.05.

По своей **структуре** работа состоит из введения, трех глав, каждая из которых разделена на три параграфа, заключения, списка источников и литературы и приложений.

## **Глава 1. Турция в формировании полицентричной системы безопасности**

### **1.1. Концептуальные основы системы международной и региональной безопасности в современных международных отношениях**

Проблематика безопасности являлась центральной практически на всех этапах развития общественно-политических и государственных отношений. Представитель английской политической философии XVII в. Т. Гоббс описывал состояние общественной коммуникации как «войну всех против всех»<sup>103</sup>, делая акцент на эгоистически-агрессивной природе человека, склонного к постоянному соперничеству и борьбе за власть. Возникновение впоследствии государственно-властных отношений и разного рода институтов безопасности, призванных снизить перманентную конфликтность, с одной стороны, вывели вопрос безопасности из межличностной плоскости с другой – подняли его до межгосударственного уровня, не устранив сам фактор конфликтогенности. На смену межличностным конфликтам пришли межгосударственные противоречия, что существенным образом осложнило взаимодействие на международном уровне.

Последнее обстоятельство, в частности, объясняется антропогенностью государств мира, которые не существуют сами по себе, а управляются человеком или группой людей, для которых одновременно характерно два противоборствующих качества: стремление к защищенности и к конкурентной борьбе во имя обеспечения своих экзистенциальных потребностей и интересов, в конечном итоге провоцирующей разного рода столкновения и трения. Государства такого типа являются в некотором смысле «антропологическими»<sup>104</sup> – им присущ набор качеств и характеристик человека, или лидера, стоящего во главе аппарата управления. Вместе с тем антропологические государства имеют схожие с человеческими потребности, в основе которых – потребность в защищенности от угроз и вызовов, порождаемых международной средой.

---

<sup>103</sup> Hobbes T. *Leviathan*. London: Penguin Classics, 2007. – 688 p.

<sup>104</sup> Баталов Э.Я. *Антропология международных отношений*. – М.: Аспект Пресс, 2019. – С. 123.

Во главе антропологического государства, как правило, стоит лидер-харизматик<sup>105</sup>, а в вопросах обеспечения его безопасности не последняя роль отводится идейно-ценностному фактору и, следовательно, идейно-ценностной безопасности – набору сформированных аппаратом управления символических установок, а также закрепленных в общественном сознании неписанных смысловых моделей, идеологизирующих сферы безопасности и возводящих отдельные ее составляющие в идеологемы с целью создания благоприятного образа оборонной и наступательной политики государства как внутри самого государства, так и на международной арене. Ввиду важности человеческого измерения антропологические государства возникают преимущественно на Востоке, где личностное довлеет над институциональным. Сегодня примером таких государств является Турция, Сирия, Египет, Китай, Северная Корея и другие. Государства Ближнего Востока особенно подвержены нетрадиционным конфликтам, которые требуют своевременных нетрадиционных решений, по причине чего идеи и ценности задействуются там все активнее и чаще, чем на западном полушарии.

Так, например, помимо отсутствия явных угроз, безопасность раннереспубликанской Турции, в соответствии с «кемализмом», заключалась в светскости, олицетворением и реальным символом которой во властной системе стала армия, наделенная статусом гаранта невмешательства ислама в политику и в государственное регулирование. Светскость, таким образом, являлась не просто организационной формой взаимодействия государства и религиозных институтов, а фундаментальной компонентой идейно-ценностной безопасности Турции – отдельной идеологемой. Сегодня роль армии в политической плоскости Турции изменилась, однако она по-прежнему остается весьма идеологизированной и все более наделяется властной элитой новыми смыслами, становясь символом новой «контркемалистской» Турции.

---

<sup>105</sup> Надеин-Раевский В.А. Р.Т. Эрдоган как пример политика-харизматика // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – Т. 10, № 6. – С. 138-154.

Отдельное место армия занимает и в идейно-ценностной безопасности Египта, где военные вплоть до настоящего времени остаются неформальной четвертой ветвью власти и охраняют государство от политизации религии. В то же время Япония, которая относится к незападной парадигме с точки зрения общественного уклада и социокультурного устройства, в контексте идейно-ценностной безопасности все более тяготеет к Западу, примеряя на себя западные идеологемы.

Российский ученый, основоположник антропологии международных отношений Э.Я. Баталов разграничивал понятие человеческих и государственных потребностей, но, тем не менее, отмечал их пересекающиеся черты. Кроме того, по его мнению, национальные интересы, определяющие поведение игрока на международной арене и нередко являющиеся предметом войн и разногласий между государствами, порождаются ничем иным, как национальными потребностями, под которыми подразумеваются базовые нужды, необходимые для развития и процветания нации<sup>106</sup>. Высшей формой на уровне межгосударственного взаимодействия при этом являются международные потребности, складывающиеся из корректируемых условиями политических реалий национальных потребностей отдельных государств мира, базовой из которых, тем не менее, является потребность в безопасности.

Невозможность обеспечить потребности одними игроками приводит к конфликтному взаимодействию с другими, а затем и к полноценному конфликту, подрывающему безопасность обоих участников. Американский исследователь и представитель Чикагской школы политической и социологической мысли Г.Д. Лассуэлл, в свою очередь, говорил о том, что международный конфликт есть следствие личной незащищенности, порождаемой индивидуальными страхами, в конечном итоге приводящей к самообороне и нанесению превентивного удара<sup>107</sup>.

---

<sup>106</sup> Баталов Э.Я. Антропология международных отношений. – М.: Аспект Пресс, 2019. – С. 119.

<sup>107</sup> Lasswell H.D. World Politics and Personal Insecurity. A Study of Power. Illinois: Glencoe, 1950. – 307 p.

При этом стоит отметить, что в глобальном контексте состояние мира является столь же свойственным международной среде, как состояние эскалации и даже войны. Военный теоретик начала XIX в. К. Клаузевиц называл войну продолжением политических отношений, реализуемых иными средствами<sup>108</sup>, и даже более поздние либерально-идеалистические теории о возможности исключения вражды как таковой<sup>109</sup>, вдохновленные «Вечным миром» И. Канта<sup>110</sup>, не смогли в полной мере опровергнуть положения К. Клаузевица, поскольку вооруженные конфликты разной степени интенсивности по-прежнему остаются частью международного взаимодействия.

Несмотря на то, что, с учетом развитости международно-правовых и регулятивных институтов, XXI век обещал стать наиболее бесконфликтным за всю историю международных отношений, он, напротив, стал менее предсказуемым и более враждебным на локальном и региональном уровнях: в 2023 г. британским Международным институтом стратегических исследований (The International Institute for Strategic Studies) было зафиксировано 183 региональных вооруженных конфликта, что стало рекордным показателем за последние 30 лет<sup>111</sup>.

При этом общая доля крупномасштабных войн, под которыми в данном случае понимается интенсивное вооруженное противостояние, ежегодно приводящее к гибели не менее 1000 человек, неукоснительно сокращалась: если в период с 1950-х по 1980-е гг. они составляли треть от всех существовавших на тот момент конфликтов, то к 2010-м гг. их число сократилось до десятой части<sup>112</sup>. Все это в широком смысле означает, что мировое развитие, в том числе в контексте сменяющих друг друга систем безопасности – циклично.

---

<sup>108</sup> Клаузевиц К. О войне. – М.: Эксмо, 2021. – 512 с.

<sup>109</sup> Баталов Э.Я. Антропология международных отношений. – М.: Аспект Пресс, 2019. – С. 123.

<sup>110</sup> Кант И. К вечному миру (сборник) / пер. с нем. И.Д. Копцева, И.А. Шапиро, Ц.Г. Арзаканьяна, Ю.Н. Попова, Н. Виндельберга, А.В. Гульги, И.С. Андреевой, М.И. Левиной. – М.: РИПОЛ классик, 2019. – С. 43.

<sup>111</sup> Мингазов С. Аналитики заявили о рекордном за 30 лет числе региональных конфликтов в мире // Forbes. – 11.12.2023. – URL: <https://www.forbes.ru/society/502216-analitiki-iiss-zaavili-o-rekordnom-za-30-let-cisle-regional-nyh-konfliktov-v-mire> (дата обращения: 13.02.2025).

<sup>112</sup> Степанова Е.А. Вооруженные конфликты начала XXI века: типология и направления трансформации // Международные отношения и мировая экономика. – 2020. – Т. 64, № 6. – С. 26.

Исходя из этой цикличности и принимая во внимание тот факт, что бесконфликтное состояние утопично и не свойственно международной среде в принципе, можно отметить, что циклы условно конфликтного состояния сменяются столкновениями высокой степени интенсивности – глобальными катаклизмами, крупными войнами, прямо или косвенно затрагивающими более двух континентов, которые затем, когда ресурсы конфликтующих сторон исчерпаны, вновь переходят в так называемое «мирное», или условно конфликтное состояние.

Циклы конфликтности мира (за исключением последнего) с одной стороны тормозят развитие системы международных отношений, с другой – парадоксальным образом способствуют процессу смены эпох и совершенствованию новых механизмов конфликтного урегулирования. При этом, согласно теории циклов Дж. Модельски, глобальные войны также влекут за собой смену цикла государств-лидеров<sup>113</sup>, кроме того, они, как правило, сопровождаются сменой экономических волн<sup>114</sup>, что имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Средняя продолжительность одного цикла конфликтности в XX в. составляла приблизительно 20 лет, однако в последнее время разрыв между столкновениями высокой степени интенсивности и большими войнами, ввиду развития вооружений, в частности ядерных, увеличивается. Далеко не каждый конфликт переходит в войну, а длительность самих войн, т.е. самого опасного цикла конфликтности – сокращается, что, однако, не означает упрощения структуры конфликтов и их становление более безопасными.

Так, например, если Тридцатилетняя война длилась 30 лет, то впоследствии Первая мировая война сократилась до 4 лет, а длительность Второй мировой войны составила 6 лет. Безусловно, сегодня Тридцатилетняя война рассматривается скорее как региональный европейский конфликт, но во время указанных событий

---

<sup>113</sup> Модельски Дж. Эволюция глобальной политики (I) // Полис. Политические исследования. – 2005. – № 3. – С. 62–82.

<sup>114</sup> Тауш А. Геостратегические соображения по поводу циклов Кондратьева, глобализации и войн // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 10. – С. 114.

она была сопоставима с мировыми и, несмотря на то что не имела характер планетарного, однозначно представляла собой международный конфликт. При этом в вопросе определения циклов конфликтности в равной степени имеет значение периодизация конфликтов. Так, например, по мысли американского политолога и государственного деятеля Г. Киссинджера, период с 1914 по 1945 гг. можно охарактеризовать как «Вторую тридцатилетнюю войну<sup>115</sup>» и, следовательно, еще один серьезный цикл конфликтности.

При этом все последующие конфликты – и региональные, и мировые – были гораздо опаснее и серьезнее как с точки зрения военных технологий, так и масштабов. Таким образом, сокращение цикла конфликтного состояния не означает, что войны стали проще и безопаснее – напротив: с созданием ОМУ и в особенности в случае его применения, цикл конфликтности и вовсе может теоретически сократиться до минут, что, однако, не означает понижения общей конфликтогенности системы.

Удлинение циклов – за исключением последнего (масштабной войны) – в целом является показателем эффективности международной системы безопасности, оперативно реагирующей на возникающие угрозы и предотвращающей разрушительные конфликты. При этом чем больше цикл условно конфликтного состояния, тем стабильнее среда. На эффективность глобальных сдерживающих механизмов, не позволяющих переходить серьезным конфликтам и региональным войнам в войны глобальные, в свою очередь, указывает продолжительность цикла столкновений высокой степени интенсивности, который должен быть продолжительнее всех.

Предвестник нового цикла конфликтности – возникновение новых и укрупнение старых «дуг нестабильности»<sup>116</sup>, охватывающих все более обширные геополитические пространства. Под ними профессор В.Н. Колотов понимает инструмент создания системных проблем безопасности прежде всего в Евразии,

---

<sup>115</sup>Kissinger H. Leadership: Six Studies in World Strategy – London: Pinguin Press, 2022. – 528 p.

<sup>116</sup> Колотов В.Н. Современное состояние евразийской дуги нестабильности: расстановка зон влияния и перенос нестабильности с западного фронта на восточный // Сравнительная политика. – 2014. – Т. 5, № 2. – С. 28-42.

состоящий из 8 региональных сегментов, в частности ближневосточного<sup>117</sup>, где в масштабах региона продолжают попытки создания управляемой дестабилизации<sup>118</sup>, уже достаточно давно частично вышедшей из-под контроля своих создателей.

Э.Я. Баталов считал, что потребность в обеспечении общественной безопасности по описанным выше причинам сложилась задолго до изобретения оружия массового уничтожения, в том числе ядерного, однако неконтролируемое распространение подобных изобретений и повышающаяся в связи с этим конфликтность привели к тому, что эффективное обеспечение безопасности стало возможным только посредством использования инструментов и принципов коллективной безопасности<sup>119</sup>. Таким образом понятие безопасности постепенно начало обретать системность.

В настоящее время для анализа международных отношений сквозь призму безопасности применителен системный подход, который в теоретической плоскости наиболее полно представлен школой реализма и неореализма. Ее представители исходят из анархичности международной среды и особое внимание уделяют концепту «силы» как одному из главных критериев успешности и конкурентоспособности государства на международной арене. Под силой, в свою очередь, больше не имеется в виду исключительно военная сила, на которую ссылались представители теории классического реализма, – современные реалии диктуют новые трактовки, в соответствии с которыми сила представляет собой сочетание военных и невоенных средств.

Теоретики политического неореализма в своих учениях в большей степени используют такие понятия, как «иерархия» и «структура», однако базово

---

<sup>117</sup> Колотов В.Н. Система дуг нестабильности в Евразии и проблемы безопасности РФ // Виперсон. – 27.09.2016. – URL: <https://viperson.ru/articles/sistema-dug-nestabilnosti-v-evrazii-i-problemy-bezopasnosti-rf> (дата обращения: 10.01.2025).

<sup>118</sup> Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки. Коллективная монография / Отв. ред. В.Н. Колотов. – СПб.: СПбГУ, Восточный факультет; Изд-во «Студия НП-Принт», 2013. – 576 с. – URL: <https://orient.spbu.ru/images/knigi/Kolotov-Evraz-duga.pdf> (дата обращения: 01.03.2025)

<sup>119</sup> Баталов Э.Я. Антропология международных отношений. – М.: Аспект Пресс, 2019. – С. 121.

отталкиваются от конфигурации именно международной системы, предопределяющей типологию политики отдельных государств в области безопасности. Так, например, структурные реалисты, в частности К. Уолтц, утверждали, что именно состояние международной системы является определяющим фактором поведения государств и их стратегии безопасности<sup>120</sup>. Отталкиваясь от этой логики, К. Уолтц заключил, что биполярные системы являются наиболее стабильными, в то время как однополярные, ввиду концентрации силового фактора на одном главном игроке, – наименее устойчивыми.

Тем не менее, на практике именно крушение биполярной системы, в свою очередь порожденной мировой войной, привело к возникновению опасной – хотя и кратковременной – однополярности, которую А.Д. Богатуров характеризует как «плюралистическую однополярность»<sup>121</sup> с доминированием США. Таким образом, с одной стороны – биполярная система может считаться безопасной лишь в случае идеологического истощения и физической ликвидации одного из ее субъектов, что означает недопущение крупного конфликта между двумя неизбежно конкурирующими акторами; с другой – в результате такого исхода в любом случае наступит однополярное правление, которое, не будучи вовремя остановленным, может стать для международной системы еще более разрушающим.

В связи с этим А.Д. Богатуров также обращает внимание на фактор рациональности: если в период биполярности формата СССР–США оба игрока мыслили категориями рациональности, то у современных США идеологически подпитываемое стремление достичь «военно-стратегической неуязвимости»<sup>122</sup> превалирует над разумным началом. Этим же объясняется и поведение 46-го президента США Д. Байдена, своими действиями создавшего прямую угрозу

---

<sup>120</sup> Waltz K. *Theory of International Politics*. Reading, Mass.: Addison-Wesley Publishing Co., 1979. – P. 245.

<sup>121</sup> Богатуров А.Д. *Международные отношения и внешняя политика России: Научное издание*. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. – 480 с.

<sup>122</sup> Богатуров А.Д. *Контрреволюция ценностей и международная безопасность // Международные процессы*. – 2008. – Т. 6, №2 (17). – С. 6-7.

российско-американского ядерного столкновения в 2024 г.<sup>123</sup>, и заявление кандидата на пост главы Пентагона администрации 47-го президента США П. Хегсета о намерении модернизировать ядерную триаду Соединенных Штатов<sup>124</sup>. Примечательно, что подобное поведение современные США демонстрируют даже при окончательно не оформившейся полицентричности, что свидетельствует о еще больших глобальных рисках возникновения в сложившихся реалиях очередной «плюралистической однополярности».

Вследствие этого возникают идейно-ценностные основы безопасности, которые в современных условиях не обязательно сочетаются с другими идеологемами политического курса государства, разделяя его идеологическую надстройку на: общую идеологию и идеологию безопасности. Идеалы некоторых акторов о собственной безопасности в реальности приводят к состоянию опасности других. Подобная формула «безопасность через опасность» реализуется сегодня рядом государств как мирового, так и регионального масштаба, числе которых США, Израиль, Турция и др. Так, например, Вашингтон, создавая дуги нестабильности, опоясывающие ключевые регионы мира, отдаляет от себя потенциально опасную конфликтную среду.

Подобная политика в свою очередь увязывается с теорией «наступательного реализма», предложенной представителем Чикагской школы Дж. Миршаймером<sup>125</sup>. Согласно ей американская политика является лишь следствием стремления Вашингтона добиться абсолютной безопасности путем укрепления собственной мощи и помещения потенциально опасных акторов в более уязвимое положение. Опасность подобной наступательности состоит в возникновении в конечном итоге «дилеммы безопасности» и состоянии патологической враждебности<sup>126</sup>, при

---

<sup>123</sup> Байден признал создание США угрозы ядерной конфронтации с Россией // Известия. – 13.01.2025. – URL: <https://iz.ru/1821617/2025-01-13/baiden-priznal-sozdanie-ssha-ugrozy-iadernoi-konfrontacii-s-rossiei> (дата обращения: 17.02.2025).

<sup>124</sup> США нужно модернизировать ядерную триаду, заявил кандидат в шефы Пентагона // РИА Новости. – 14.01.2025. – URL: <https://ria.ru/20250114/hegset-1993716364.html> (дата обращения: 10.02.2025).

<sup>125</sup> Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics. New York: W.W. Norton & Company, 2001. – 555 p.

<sup>126</sup> Каширина Т.В. Российско-американские отношения на современном этапе // Современная наука и инновации. – 2016. – №3. – С. 270-274.

которой наращивание военного потенциала одной стороной ведет к аналогичным действиям другой или, в случае многополярности, других сторон, по своей сути приводя к ситуации, схожей в период биполярной конфронтации. Современные реалии, однако, отягчаются отсутствием сдерживающих элементов, в частности международных договоров о нераспространении и применении определенных типов оружия, а также слабостью международного права в целом. Создание безъядерных и демилитаризованных зон сменилось превращением не только многих из них, но и отдельных регионов мира в испытательные полигоны новейших вооружений третьих стран.

Примечательно, что если раньше описанный подход могли позволить себе преимущественно мировые государства, то теперь наступательный реализм опускается на все более низкий уровень. На Ближнем Востоке проактивную наступательность демонстрирует Турция<sup>127</sup>, проводя нелегитимные с точки зрения международного права военные операции в Ираке и Сирии, где бросает вызов Израилю и другим более состоявшимся в контексте военной мощи и политического статуса государствам.

А. Уолферс, описывая анархичность международной среды, отождествлял государства на мировой арене с бильярдными шарами, постоянно сталкивающимися друг с другом в борьбе за свои национальные интересы<sup>128</sup>. Сегодня можно говорить о том, что в роли «шаров» выступают не только государства и негосударственные акторы, но и целые региональные подсистемы. Продолжая мысль одного из основоположников культурно-цивилизационного подхода С. Хантингтона, утверждавшего, что причина конфликтов состоит в культурном различии и «столкновении цивилизаций»<sup>129</sup>, можно говорить о том, что после 2022 г. происходит столкновение западной и незападной систем и,

---

<sup>127</sup> Панин В.Н. Политический процесс на Ближнем Востоке: влияние Российской Федерации и США : автореф. дис. .... доктора политических наук : 23.00.02. / В.Н. Панин. – Пенза, 2004. – 43 с.

<sup>128</sup> Wolfers A. The Pole of Power and the Pole of Indifference // World Politics. – 1951. – V. 4, № 1. – P. 36-63.

<sup>129</sup> Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon and Schuster, 2011. – 368 p.

следовательно, соответствующих систем безопасности<sup>130</sup>. Это, в частности, проявляется в трактовке угроз: так, например, в Стратегии национальной безопасности США Россия и ее политика провозглашается угрозой европейской и глобальной безопасности<sup>131</sup>.

При этом понятие «система безопасности» не укоренилось в политической теории. Несмотря на попытки сторонников системного подхода сформулировать общие критерии безопасности мироустройства на основе существовавших некогда систем международных отношений, определение системы безопасности не нашло отражения в дискурсе реалистов – вероятно, по причине того, что представители этого политического учения исходили из положения о том, что безопасность – в особенности международная – в принципе не может быть четко систематизирована.

Наиболее предметно проблематикой международной безопасности в теоретической плоскости занималась Копенгагенская школа международных отношений, созданная в 1950-х гг. на основе норвежского Института исследований мира. Принципиально важным является тот факт, что представители Копенгагенской школы, во-первых, отчасти оперируют понятием «система»; во-вторых, вводят понятие «комплексов безопасности», занимаясь проблематикой в большей степени на региональном уровне; и в-третьих, отталкиваются от междисциплинарности безопасности как таковой, подчеркивая, что размытые рассуждения о безопасности глобальной, по сути, не имеют смысла без изучения ее региональной составляющей<sup>132</sup>.

Безопасность, согласно теории представителей Копенгагенской школы, находится в тесной связи с пространственным фактором. Отечественные

---

<sup>130</sup> Каширина Т.В. Стратегии национальной безопасности США в контексте об отношениях с Россией (1994–2022) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2023. – Вып. 4 (853). – С. 77.

<sup>131</sup> National Security Strategy. October 2022. // Washington D.C.: The White House. – URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 12.08.2025).

<sup>132</sup> Лукин А.Л. Теория комплексов региональной безопасности и Восточная Азия // Научно-теоретический журнал «Ойкумена». – 2011. – № 2 (17). – С. 7-19.

исследователи И.Ю. Окунев и В.В. Виноградов в связи с этим отмечают принципиальную важность разграничения в контексте безопасности понятий «территориальность» и «пространственность». Второе по своему наполнению является шире и не предполагает фиксированных границ и элемента суверенитета<sup>133</sup>. Так, например, физические границы Турецкой Республики, на которые распространяется государственный суверенитет, не всегда совпадают с ее пространственным пониманием безопасности, выходящим далеко за географические пределы и охватывающим более обширную область. Такого рода «воображаемая география», которую В.В. Цибенко увязывает с присущим турецкой властной элите фатализмом и «географией судьбы»<sup>134</sup>, предопределяет политику Турции в области обеспечения безопасности и объясняет природу трансграничных военных операций страны в соседних Сирии, Ираке, а также желание официальной Анкары усилить военное влияние как на пост-, так и неосманском направлениях внешнеполитической деятельности<sup>135</sup>.

Подобная модель поведения свойственна не только государствам, но и другим акторам современных международных отношений, в частности, международным организациям и другим специализированным объединениям. К примеру, в Лиссабонской стратегии регионального военно-политического блока НАТО<sup>136</sup>, принятой в 2010 г., в равной степени отмечается, что, несмотря на первостепенность евроатлантического пространства, интересы альянса, особенно в вопросах безопасности, военного сотрудничества и предотвращения конфликтов, не ограничиваются указанным регионом и распространяются на весь мир<sup>137</sup>. Это,

---

<sup>133</sup> Окунев И.Ю., Виноградов В.В. Комплексы региональной безопасности (Опыт пространственного автокорреляционного и кластерного анализа) // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2021. – №4 (65). – С. 32.

<sup>134</sup> Цибенко В.В. Конструирование идеологического дискурса о воображаемой географии в Турции // *Международная аналитика*. – 2022. – № 13 (3). – С. 130-144.

<sup>135</sup> Аватков В.А. Внешнеполитический курс Турецкой Республики в рамках современной системы международных отношений : дис. ... доктора политических наук : 23.00.04 / В.А. Аватков. – Москва, 2020. – 387 с.

<sup>136</sup> Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organizations. 19-20 November 2010. // Brussels: NATO Public Diplomacy Division. – URL: [https://www.nato.int/nato\\_static\\_fl2014/assets/pdf/pdf\\_publications/20120214\\_strategic-concept-2010-eng.pdf](https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_publications/20120214_strategic-concept-2010-eng.pdf) (дата обращения: 12.08.2025).

<sup>137</sup> Петрович-Белкин О.К. Концептуальные основания расширения невоенной деятельности НАТО. – 2011. – С. 21

по мнению авторов документа, дает Североатлантическому альянсу право на ряд действий, выходящих за рамки изначального поля ответственности, в том числе на критикуемое в первую очередь Россией и другими странами Незапада «расширение на Восток».

Географическое положение, по мысли основоположников Копенгагенской школы Б. Бузана и О. Вейвера<sup>138</sup>, имеет определяющее значение для безопасности отдельных акторов, ограниченных определенным геополитическим пространством – региональным комплексом безопасности, под которым, в свою очередь, понимается мини-система, где безопасность одного актора, включая процессы секьюритизации и десекуритизации, неизбежно влияет на представления о безопасности другого актора. Секьюритизация предполагает объявление определенного объекта в качестве экзистенциальной угрозы, а также убеждение в этом других и утверждения в общественно-политическом дискурсе соответствующего нарратива об объекте как потенциально опасном. Так, например, в рамках ближневосточного комплекса объектом секьюритизации, приложенным Турецкой Республикой, становятся действия Израиля в отношении Палестины и Сирии, которые, по словам Р.Т. Эрдогана, «несут угрозу миру и стабильности в регионе<sup>139</sup>».

Б. Бузан и О. Вейвер выделяли следующие оформленные комплексы региональной безопасности: восточноазиатский, южноазиатский, ближневосточный, южноафриканский, центральноафриканский, североамериканский, южноамериканский, европейский и постсоветский. Принципиально важно при этом, что одна страна может принадлежать лишь одному комплексу. Однако радикальные изменения международной архитектуры диктуют новые «оговорки». Так, например, положение Турции по-разному характеризуется с точки зрения предложенного подхода.

---

<sup>138</sup> Buzan B., Waever O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – P. 196.

<sup>139</sup> Эрдоган: США и Запад должны остановить Израиль в Сирии // ТАСС. – 20.12.2024. – <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22730517> (дата обращения: 12.03.2025).

С одной стороны, согласно теории комплексов региональной безопасности, географически Турецкая Республика больше соответствует характеристике государства-«инсулятора<sup>140</sup>», расположенного на стыке и явно не принадлежащего к какому-то конкретному комплексу. С другой – 97% ее территории находятся в Азии, что предопределяет ее принадлежность к анатолийскому комплексу региональной безопасности, который, однако, не выделяется отдельно представителями Копенгагенской школы. В то же время в российской научной традиции Турцию, граничащую с Сирией, Ираком и Ираном, относят к региону Ближнего и Среднего Востока, а ряд ее действий, в частности секьюритизация курдского вопроса, легитимизирующая военные операции турецкой стороны, напрямую влияют на безопасность сопредельных пространств. Сама Турция при этом видит свою миссию в поддержании глобальной безопасности путем создания в различных комплексах региональной безопасности подконтрольных проводников (агентов) безопасности – акторов, сознательно или бессознательно действующих в турецких интересах, а также в логике несуществующего в реальности военного альянса и отождествляющие угрозы Турции со своими собственными.

В соответствии с турецким видением мира, помимо анатолийского, вполне логичным выглядело бы выделение тюркского макрокомплекса безопасности, в свою очередь состоящего из ряда субкомплексов – центрально-азиатского, частично – юго-восточного, ближневосточного и в широком смысле евразийского. Иными словами, с точки зрения Турции объектом секьюритизации в равной степени может выступать общепринятое географическое деление, в том числе предложенные Б. Бузаном и О. Вейвером комплексы безопасности,<sup>141</sup> не учитывающие ее интересы и, следовательно, исключаящие Турцию из канвы

---

<sup>140</sup> Лукин А.Л. Теория комплексов региональной безопасности и Восточная Азия // Научно-теоретический журнал «Ойкумена». – 2011. – № 2 (17). – С. 7-19.

<sup>141</sup> Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – P. 196.

международной архитектуры безопасности и лишаящие ее права на участие в решении экзистенциально важных проблем.

Возвращаясь к международному уровню анализа безопасности, стоит подчеркнуть, что исследуемые представителями неореализма системы международных отношений соответствовали аналогичным системам безопасности: Вестфальской, Венской, Версальско-Вашингтонской и Ялтинско-Потсдамской. Однако если оригинальные системы международных отношений являются историей, то элементы систем безопасности, изначально возникшие в определенные исторические периоды, могут переходить из одной системы в другую вне зависимости от временных рамок. Системы международных отношений представляют собой набор правил игры, придуманный великими державами в определенных временных рамках для конкретного круга участников.

Весьма сложно представить, что новый – более структурированный и осложненный новыми вызовами и угрозами – мир, который как минимум больше не носит исключительно европоцентристский характер, вернется к истинно «вестфальскому» состоянию. В настоящее время многие принципы Вестфалья, которые де-юре остаются актуальными и сегодня, как, например, верховенство международного права, де-факто видоизменились и утратили свое реальное значение, несмотря на то что нашли отражение в Уставе ООН. В то же время принцип баланса сил и многие другие, связанные с проблематикой обеспечения безопасности, сохранялись и дожили до современной системы безопасности.

Столкновение интересов по линии Запад–Незапад, в свою очередь, изначально шло по сценарию игровой конфронтационной стабильности<sup>142</sup>, заложенной в основу Ялтинско-Потсдамской (биполярной) системы безопасности. Отличие состоит лишь в том, что в указанный период времени она была не только конфронтационной, но и стратегической, а современная система безопасности

---

<sup>142</sup>Дегтерев Д., Дегтерев А. Теория игр и международные отношения // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 2. – С. 79-89.

характеризуется в первую очередь отсутствием стратегического мышления у ключевых акторов ее западной парадигмы.

На международной арене, в частности, в рамках украинского кейса, Россия вновь отстаивает базовый принцип венской системы безопасности, связанный с сохранением территориального статуса-кво и запретом пересматривать границы после войн и иных конфликтов, на нарушении которого, напротив, настаивает европейское сообщество; США и коллективный Запад, в свою очередь, на Ближнем Востоке и в Северной Африке активным образом применяют другой принцип той же системы: коллективного вмешательства в дела государств, которым угрожают революции – даже несмотря на то, что в современных условиях реальные цели иные и подобное вмешательство является прямым катализатором революционных процессов. Формирование новых региональных военно-политических альянсов и организаций, а также расширение старых (НАТО в большом Евроатлантическом регионе; ОДКБ на постсоветском пространстве; AUKUS в Индо-Тихоокеанском регионе; оборонные форматы Турция – Грузия – Азербайджан на Южном Кавказе) олицетворяют один из принципов версальско-вашингтонской системы по созданию систем коллективной региональной безопасности, которые в современной системе конкурируют друг с другом.

Единственный принцип, который провозглашался во всех системах международных отношений, но не прижился ни в одной из них по причине низкой вероятности его абсолютной достижимости – принцип обеспечения мира и недопущения войны. Само существование сменяющих друг друга циклов конфликтности мира свидетельствует о его эфемерности. Исходя из имеющихся циклов и положения о том, что крупномасштабная война – наиболее негативный сценарий для международной системы безопасности, ведущий к ее коренному слому и трансформации (не обязательно благоприятной для международного сообщества), сегодня имеет смысл несколько трансформировать данный принцип. В современном прочтении он сводится, скорее, не к предотвращению конфликтов как таковых, а к необходимости недопущения именно глобальных войн, поскольку идея полноформатного устойчивого мира для всех является утопичной.

Наряду с формированием полицентричной системы международных отношений формируется и современная полицентричная система международной безопасности, вбирающая в себя черты и элементы предшествующих ей систем, адаптированные к современным реалиям. Одна из главных особенностей этой системы состоит в том, что локальные и кросс-региональные конфликты являются не паразитирующим фактором, а частью системы. Иными словами, для адекватного функционирования и развития механизмов безопасности системе необходим элемент, являющийся одновременно и угрозой, и стимулом к качественным изменениям, позволяющим избежать прямого перехода от цикла конфликтов высокой степени интенсивности к необратимому циклу глобальной войны. В силу глобализации, взаимозависимости и «сжатия мира»<sup>143</sup>, последствия конфликтов, возникающих на локальном и, тем более, региональном уровнях, отражаются на более высоких – кросс-региональном и мировом уровнях, – заставляя вовлекаться в процесс их управления<sup>144</sup> все большее количество надрегиональных игроков.

При этом принципиально важно, что в рамках современной системы безопасности управление не является синонимом урегулирования. Именно по этой причине реальную угрозу системе международных отношений и системе международной безопасности представляют лишь глобальные войны с низкой степенью управляемости. Главные акторы современной системы международных отношений – государства – в условиях полицентричной реальности являются, по сути, менеджерами конфликтности. В связи с этим нередко встает вопрос рациональности подобного менеджмента, поскольку не все из государств исходят из благополучия системы, ставя национальную безопасность в приоритет безопасности международной.

---

<sup>143</sup> Waltz K. *Theory of International Politics*. Reading, Mass.: Addison-Wesley Publishing Co., 1979. – P. 201.

<sup>144</sup> Карпович О.Г. *Современные концепции управления международными конфликтами в миротворческих операциях* : автореф. дис. ... доктора политических наук : 23.00.04 / О.Г. Карпович. – Москва, 2012. – 54 с.

Опасность подобного состояния, называемого «дилеммой безопасности»<sup>145</sup>, заключается в том, что не все из таких «менеджеров» осознают потенциальные риски, а именно тот факт, что нарушение основ системы международной безопасности в соответствии с «эффектом домино» по цепочке обрушит и другие «несущие конструкции» в виде безопасности отдельно взятых государств. Французский философ Ж. Деррида, например, критиковал США, претендующих на роль гегемона, за бездействие в вопросе предотвращения террористической угрозы<sup>146</sup>, являющейся проблемой глобального масштаба.

В связи с этим один из принципов-правил современной системы безопасности заключается в главенстве национальной безопасности до тех пор, пока методы ее достижения отдельными акторами международной системы не ставят под угрозу защищенность глобальной системы. Государства из числа мировых лидеров, таким образом, выступают одновременно регуляторами степени и опасности, и безопасности системы. Так, для США, например, состояние безопасности означает, когда опасности подвержены другие регионы. Попытка создания «управляемого хаоса» на Ближнем Востоке и военное столкновение Европы с Россией в рамках украинского кризиса является тому подтверждением. В соответствии с логикой таких государств, иногда в целях предотвращения глобального конфликта имеет смысл создать ряд маленьких очагов напряженности. В связи с этим конфликт в полицентричной системе безопасности выполняет в том числе «отвлекающую» функцию: конфликт, происходящий в одном регионе, может сдерживать конфликт в другом и отвлекать внимание мирового сообщества от иных проблем.

Таким образом, конфликты в различных их проявлениях являются неотъемлемой частью формирующейся полицентричной системы международной и региональной безопасности. Мировая история циклична: периоды относительного мира сменяются крупными войнами, в равной степени влияющими

---

<sup>145</sup> Herz J.H. Political Realism and Political Idealism. – Chicago: University of Chicago Press, 1951. – P. 183.

<sup>146</sup> Бахтин Г.О. Смерть в политической философии Ж. Деррида: терроризм, секрет, смертная казнь и кризис современного национального государства // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2021. – № 2 (17). – С. 185.

на трансформацию международного порядка. Именно крупные войны, как правило, становятся поворотными моментами, меняющими структуру международных отношений. Международные конфликты при этом все чаще воспринимаются не только как опасность, но и как элемент, способствующий обновлению системы.

Современная система безопасности стала сложнее: она включает не только военные, но и культурные, пространственные и политические аспекты. Проблематика обеспечения безопасности представляет собой важнейшую задачу, стоящую перед мировым сообществом. Все большую роль в процессе формирования новой системы безопасности, в отличие от положения дел начала XXI века, начинают играть «средние державы» и региональные государства, стремящиеся выйти на надрегиональный уровень развития, одним из примеров которого является Турецкая Республика.

В условиях складывания полицентричного мира особое значение приобретают идейные и символические факторы, которые особенно сильны в странах Востока, где армия и другие институты нередко становятся носителями ценностей и гарантиями стабильности и устойчивости государств. На региональном уровне, как показывает пример Турции, вопросы безопасности часто выходят за официальные границы и зависят от восприятия угроз и интересов. В таких условиях безопасность невозможна без гибкого управления конфликтами. Поэтому основная задача современного подхода к безопасности – не исключить конфликты полностью, а не допустить их перерастания в глобальную войну.

## **1.2. Политико-правовые подходы Турции к обеспечению международной и региональной безопасности**

В силу своих геополитических особенностей Турецкая Республика, расположенная на стыке двух континентов и вплотную примыкающая к наиболее «горячим точкам» Ближнего Востока, уделяла серьезное внимание проблематике безопасности практически на протяжении всей своей истории. Серия приграничных вооруженных конфликтов, ставших результатом «арабской весны»,

наряду с появлением новых вооруженных формирований и террористических элементов, возвели проблематику безопасности в ранг первостепенных проблем, решение которых является приоритетом Турции эпохи Р.Т. Эрдогана.

Современная Турция стремится решать вопросы регионального масштаба, но в равной степени имеет собственную позицию относительно проблем глобального характера. Так, например, Анкара активным образом выступает за реформирование ООН<sup>147</sup>, в частности, основополагающего органа организации – Совета Безопасности, а с 1996 г. является членом Конференции по разоружению, являющейся, в свою очередь, одной из наиболее важных переговорных площадок по проблематике, тесно взаимодействующих с ООН.

Согласно информации МИД Турецкой Республики, официальная Анкара является подписантом следующих международных договоров и соглашений, касающихся проблематики глобальной и региональной безопасности: Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), Конвенции о запрещении химического оружия (КЗХО), Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (КБТО), Оттавской конвенции о запрете противопехотных мин, Конвенции о конкретных видах обычного оружия, Гаагского кодекса поведения по предотвращению распространения баллистических ракет и др.<sup>148</sup>.

В связи со сложной обстановкой на Ближнем Востоке и ускоряющейся глобализацией, Турция также активно вовлечена в решение проблемы незаконной миграции. Турция является членом Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (КОООН), а также подписантом дополнительных протоколов, регулирующих вопросы незаконного ввоза мигрантов и торговли

---

<sup>147</sup> Эрдоган счел нынешнюю структуру ООН недостаточной для выполнения задач // ТАСС. – 21.09.2025. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/25115179> (дата обращения: 27.08.2025).

<sup>148</sup> Silahların Kontrolü ve Silahsızlanma // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. – URL: <https://www.mfa.gov.tr/silahlarin-kontrolu-ve-silahsizlanma.tr.mfa> (дата обращения: 27.08.2025).

людьми<sup>149</sup>. С точки зрения международного сотрудничества знаковым является заключенный 18 марта 2016 г. между Турцией и Европейским союзом Миграционный меморандум, призванный снизить поток сирийских беженцев в Эгейском регионе<sup>150</sup>.

Однако с точки зрения руководства Турецкой Республики безопасность – понятие более широкое, помимо прямых угроз, есть и всегда были косвенные, потенциал которых может раскрыться только в среднесрочной или долгосрочной перспективе. Еще на этапе, предшествующем образованию в 1923 г. республиканского государства, Турция столкнулась с вопросом экзистенциальной безопасности, порожденным главным вызовом: желанием великих держав-победительниц Первой мировой войны без остатка разделить владения Османской империи на зоны влияния, что, в свою очередь, ставило ребром вопрос о прекращении турецкой государственности как таковой и последующем закате турецкой нации. Не ратифицированный последним османским парламентом Севрский договор, а затем вынужденный Лозаннский договор в равной степени рассматривались руководством Турецкой Республики сквозь призму национальной безопасности и предопределили характер ее политики в этой области.

Как уже отмечалось, Турция исторически представляла собой государство, подверженное как внутренним, так и внешним угрозам. Немаловажным фактором, влияющим на формирование подходов Турецкой Республики к безопасности, является ее самопозиционирование в качестве наследницы империи, окруженной «недружественными» силами, в частности, из числа ее географических соседей. Так, например, несмотря на членство обеих стран в НАТО, Анкара имеет территориальные противоречия с Грецией; на протяжении длительного времени весьма неопределенными было ее взаимодействие с правительством Б. Асада в Сирии, а также с Арменией.

---

<sup>149</sup> Türkiye’de düzensiz göç // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. – URL: [https://www.mfa.gov.tr/turkiye\\_duzensiz-goc.tr.mfa](https://www.mfa.gov.tr/turkiye_duzensiz-goc.tr.mfa) (дата обращения: 27.08.2025).

<sup>150</sup> 18 Mart 2016 Tarihli Türkiye-AB Zirvesi Birdirisi // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı Avrupa Birliği Başkanlığı. – 18.03.2016. – URL: [https://www.ab.gov.tr/files/ab\\_iliskileri/18\\_mart\\_2016\\_turkiye\\_ab\\_zirvesi\\_bildirisi\\_.pdf](https://www.ab.gov.tr/files/ab_iliskileri/18_mart_2016_turkiye_ab_zirvesi_bildirisi_.pdf) (дата обращения: 27.08.2025).

Существование внутригосударственных угроз в республиканской Турции обусловлено в первую очередь особенностями социально-политической культуры государства<sup>151</sup>, предполагающей активное вовлечение населения в политический процесс и, следовательно, формирование разного рода организаций и общественно-политических движений, многие из которых имеют общественно-опасный характер.

В частности, речь идет о деятельности в стране ряда радикальных националистических, сепаратистских, экстремистских и других групп, таких как: «Серые волки» («Bozkurt»), считающиеся в Турции террористическими Рабочая партия Курдистана (РПК) и Организация «фетхуллахистов» («FETÖ»), а также ряде религиозных исламистских объединений. К угрозам, исходящим «извне», относится прежде всего опасность возникновения вооруженных региональных конфликтов, в которые Турецкая Республика – как один из центров силы регионального пространства – может быть потенциально вовлечена. При этом в классификации угроз Турции также можно выделить «промежуточный» тип, к которому относится терроризм, являющийся одновременно и внутривнутриполитической, и внешней угрозой по причине активности в стране как международных террористических группировок, так и «локальных» групп и объединений, функционирующих преимущественно на территории Турецкой Республики или в приграничных районах соседних государств.

Так или иначе существование подобных факторов, подрывающих внутригосударственную стабильность Турции, вынуждает государство формировать специализированные институты обеспечения безопасности, нацеленные на поддержание общественного порядка и предотвращение попыток его подрыва. Одной из особенностей обеспечения безопасности Турции является тот факт, что у истоков системы безопасности в этой стране долгое время находились военные<sup>152</sup>. В целом подобная специфика свойственна ряду государств

---

<sup>151</sup> Социальный протест на современном Востоке / Под редакцией Д.В. Стрельцова. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. — С. 100.

<sup>152</sup> Karpat H.K. Osmanlı'dan Günümüze Asker ve Siyaset. — İstanbul: Timaş Yayınları, 2019. — С. 28-29.

Ближнего Востока – ярким примером является Арабская Республика Египет, где военные долгое время держали политический процесс в стране под своим контролем<sup>153</sup>. Однако Турецкую Республику от других кейсов отличает роль, предписанная военным в политическом процессе. Так, в случае с Турцией военные на протяжении десятилетий олицетворяли не военную диктатуру, а представляли собой элемент политической системы государства, отвечающий за сохранение одного из шести важнейших принципов «кемализма», а именно «светскости».

В период нахождения в правящих кругах Турции военных основой безопасности считалось недопущение перехода власти в руки происламских элит. Основным методом борьбы с противниками светского режима являлись военные перевороты, которых в истории страны XX века насчитывается четыре. В частности, руководство государства насильственным образом сменялось военным генералитетом в 1960 г., когда со своего поста был отстранен президент страны М.Д. Байяр, а также сложил свои полномочия премьер-министр А. Мендерес; 1971 г., запомнившимся смещением премьер-министра С. Демиреля; 1980 г., который привел к принятию новой конституции и 1997 г., значащимся в историографии как «постмодернистский» и завершившимся принятием документа о сложении полномочий и отставке премьер-министра Турции и – по совместительству – главы происламистской Партии благоденствия Н. Эрбакана<sup>154</sup>. Вместе с тем стоит отметить, что попытки создания военными специальных органов обеспечения безопасности предпринимались и ранее – в 1933 г., например, был создан Высший совет обороны, который в 1949 г. сменил Высший совет национальной обороны. Среди основных задач этих структур было формирование ключевых принципов оборонной политики страны, а также информирование компетентных органов

---

<sup>153</sup> Васильев А.М., Коротаев А.В., Исаев Л.М. Военные вновь у власти? Выборы в Египте // Азия и Африка сегодня. – 2014. – № 10 (687). – С. 2.

<sup>154</sup> Yeşiltaş M. AK Parti döneminde sivil-asker ilişkileri // Miş N., Aslan A. Kuruluşundan bugüne AK Parti. Siyaset. – İstanbul: SETA Kitapları, 2018. – С. 182.

власти об их обязанностях в рамках стратегии обеспечения национальной безопасности<sup>155</sup>.

С началом военных переворотов появились более институционализированные структуры, ответственные за вопрос обеспечения безопасности в Турции. Одной из таких структур стал созданный в 1961 г. в соответствии с принятой в том же году конституцией Совет национальной безопасности (СНБ). Изначально СНБ был ключевой вспомогательной организацией военных в вопросе подготовки и совершения ими государственных переворотов. Положение дел существенным образом изменилось в 2003 г. – спустя год после прихода к власти правящей сегодня Партии справедливости и развития (ПСР), внешнеполитический курс которой был ориентирован на вступление в Европейский Союз, что, в свою очередь, требовало отстранения от власти военных.

Первые реформации затронули Совет уже в 2003 г., следующие – в 2017 г. после принятия пакета конституционных поправок. В настоящее время СНБ, несмотря на то что остается одним из важнейших органов, отвечающих за безопасность, по своей сути скорее представляет собой совещательную площадку для обсуждения существующих проблем, связанных с обеспечением государственной безопасности и других вопросов, находящихся на повестке дня, а также для осуществления обмена мнениями на самом высоком уровне. Отдельно стоит отметить функционирующую при СНБ Систему управления информационной безопасностью, целью работы которой является: защита информационных активов Турецкой Республики от возможных угроз; обеспечение непрерывной деятельности бизнеса; предотвращение нарушений, связанных с безопасностью, и минимизация их последствий; снижение вследствие этого потерь рабочих мест до минимально возможного уровня, а также контроль обязательного соблюдения законов и стандартов<sup>156</sup>.

---

<sup>155</sup> Milli Güvenlik Kurulu ve Milli Güvenlik Kurulu Genel Sekreterliği hakkında genel bilgi // Т.С. MGK Genel Sekreterliği. – URL: <https://www.mgk.gov.tr/index.php/kurumsal/hakkimizda> (дата обращения: 27.02.2025).

<sup>156</sup> Bilgi Güvenliği Yönetim Sistemi Politikası // Т.С. MGK Genel Sekreterliği. – URL: <https://www.mgk.gov.tr/index.php/kurumsal/bilgi-guvenligi> (дата обращения: 27.02.2025).

Говоря о нормативно-правовой основе Совета, стоит отметить, что его деятельность регулируется Конституцией Турецкой Республики от 1982 г.<sup>157</sup>, Законом № 2945 «О Совете национальной безопасности и Генеральном секретариате Совета национальной безопасности» от 9 ноября 1983 г.<sup>158</sup>, а также Указом президента № 6 «Об Организации и задачах Генерального секретариата Совета национальной безопасности» от 15 июля 2018 г.<sup>159</sup> В состав СНБ входят следующие лица: президент Турецкой Республики, заместитель главы государства, министр юстиции, министр обороны, министр внутренних дел, глава МИД Турции, начальник Генштаба, а также командиры Сухопутных войск, Военно-морского флота и командующий Военно-воздушными силами. Заседания проводятся раз в два месяца и возглавляются либо президентом Турецкой Республики, либо его заместителем в случае отсутствия первого<sup>160</sup>.

Что касается других структур, ответственных за состояние государственной безопасности и выработку национальной политики в данной области, то одной из них является Национальная разведывательная организация Турции (МІТ), созданная в 1965 г. и сменившая функционировавшую до этого Национальную службу безопасности, созданную еще в 1926 г. приказом М.К. Ататюрка<sup>161</sup>. Правовой основой МІТ является Закон № 2937 «О государственной разведывательной деятельности и Национальной разведывательной организации»<sup>162</sup>, который определяет ее задачи. Среди них: разработка и выполнение планов, которые относятся к национальной политике страны; сбор,

---

<sup>157</sup> Türkiye Cumhuriyeti Anayasası 1982 // Türkiye Büyük Millet Meclisi. – URL: [https://www.tbmm.gov.tr/anayasa/anayasa\\_2018.pdf](https://www.tbmm.gov.tr/anayasa/anayasa_2018.pdf) (дата обращения: 28.02.2025).

<sup>158</sup> Milli Güvenlik Kurulu ve Milli Güvenlik Kurulu Genel Sekreterliği Kanunu // T.C. Cumhurbaşkanlığı Mevzuat Bilgi Sistemi. – URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.2945.pdf> (дата обращения: 28.02.2025).

<sup>159</sup> Milli Güvenlik Kurulu Genel Sekreterliğinin Teşkilat ve Görevleri Hakkında Cumhurbaşkanlığı Kararnamesi // T.C. Cumhurbaşkanlığı Mevzuat Bilgi Sistemi. – URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/19.5.6.pdf> (дата обращения: 28.02.2025).

<sup>160</sup> Türkiye Cumhuriyeti Anayasası 1982 // Türkiye Büyük Millet Meclisi. – URL: [https://www.tbmm.gov.tr/anayasa/anayasa\\_2018.pdf](https://www.tbmm.gov.tr/anayasa/anayasa_2018.pdf) (дата обращения: 28.02.2025).

<sup>161</sup> Milli İstihbarat Teşkilatı tarihçesi // Milli İstihbarat Teşkilatı. – URL: [http://www.mit.gov.tr/ikinci\\_bolum\\_D1\\_1.html#D1](http://www.mit.gov.tr/ikinci_bolum_D1_1.html#D1) (дата обращения: 28.02.2025).

<sup>162</sup> 2937 sayılı Devlet İstihbarat Hizmetleri ve Milli İstihbarat Teşkilatı Kanunu // TBMM Mevzuat Bilgi Sistemi. – URL: <https://mevzuat.tbmm.gov.tr/mevzuat/faces/kanunmaddeleri?pkanunlarno=41906&pkanunnumarasi=2937> (дата обращения: 28.02.2025).

обработка, анализ и хранение информации, документов и других данных, связанных с вопросами обороны, внешней разведки, кибербезопасностью, а также борьбой с терроризмом и международной преступностью. При этом задачи по обеспечению внешней и национальной безопасности, в том числе по борьбе с террористической угрозой, могут выполняться по личному поручению президента государства<sup>163</sup>. Данный факт, в частности, говорит о значимости влияния лидера Турецкой Республики на государственные органы и наличии у него определенного контроля над вопросами, связанными с безопасностью.

Стоит отметить, что с приходом к власти ПСР данная организация, наряду с рядом других, подверглась существенным изменениям, а ее деятельность во многом стала подводиться под стандарты европейских и американских спецслужб<sup>164</sup>. К примеру, 2014 г., ввиду принятия нового закона о разведывательной организации, ознаменовался реформами, затронувшими не только внутреннюю структуру организации и основные направления деятельности, которые были в значительной степени изменены, но и права сотрудников организации, а также отдельные аспекты стратегической работы<sup>165</sup>.

Сегодня в структуру Национальной разведывательной организации входит Управление дознания по безопасности, ответственное за расследование вопросов в области безопасности, поиск информации в архивах и т.п., Управление контрразведки, работа которого направлена на выявление и оперативное предотвращение случаев шпионской деятельности в отношении Турции, Управление внешних операций, нацеленное на защиту национальных интересов государства как внутри страны, так и за ее пределами, Управление разведки в области безопасности, в компетенцию которого входит сбор данных и выявление реальных или потенциальных угроз, Управление электронно-технической разведки, ответственное за сбор, анализ и предоставление полученных данных в

---

<sup>163</sup> Ibid.

<sup>164</sup> Çahmutoğlu E. Türkiye'nin istihbarat ve siber güvenlik politikaları / İnat K., Aslan A., Duran B. Kuruluşundan bugüne AK Parti. Dış politika. 2. Baskı. – İstanbul: SETA Kitapları, 2018. – С. 478

<sup>165</sup> Ibid.

специализированные ведомства и Управление сигнальной разведки, ориентированное на получение разного рода информации за счет перехвата сигналов связи и ее профессиональной обработки<sup>166</sup>.

Что касается структуры безопасности современной Турецкой Республики, то в настоящее время основными субъектами, определяющими и осуществляющими политику в области национальной безопасности страны, формально являются: президент, Совет национальной безопасности, Министерство национальной обороны Турции, Вооруженные силы Турецкой Республики; второстепенными субъектами, в свою очередь, выступают Министерство иностранных дел и Национальная разведывательная организация. Данная структура определяется статьями 117 и 118 Конституции 1982 г., а также связанными с ними поправками от 2001 г., 2003 г., 2011 г. и Законом № 2945 «О Совете национальной безопасности», принятом в 1983 г. и измененном в 2003 г.<sup>167</sup>. До конституционных реформ 2017 г. в данный список также входил Кабинет министров, который, однако, впоследствии был упразднен.

При этом интересен тот факт, что первыми в данном списке фигурируют именно глава государства и СНБ, который фактически полностью находится в подчинении президента и, как уже отмечалось, является преимущественно совещательным органом. В то же время такие важные организации, как, например, военные ведомства вовсе отнесены к вторичным структурам. В компетенцию Вооруженных сил Турции, Министерства национальной обороны и относящихся к ним ведомств – Управления начальника Генштаба, Командования Сухопутных войск, Командования ВМФ и Командования ВВС – сегодня входит обеспечение прежде всего военной безопасности<sup>168</sup>, которая, тем не менее, в равной степени во многом контролируется первым лицом государства.

---

<sup>166</sup> MİT Başkanlığı Teşkilat Yapılanması // Millî İstihbarat Teşkilatı. – URL: <https://www.mit.gov.tr/teskilat.html> (дата обращения: 28.02.2025).

<sup>167</sup> Polat B. Türkiye’de Güvenlik, Güvenlik Yapılanması ve İstihbarat // Akademik Araştırma Enstitüsü. – URL: <https://akademikarastirma.org/turkiyede-guvenlik-guvenlik-yapilanmasi-ve-istihbarat/> (дата обращения: 28.02.2025).

<sup>168</sup> Yeşiltaş M. AK Parti döneminde sivil-asker ilişkileri // Miş N., Aslan A. Kuruluşundan bugüne AK Parti. Siyaset. – İstanbul: SETA Kitapları, 2018. – С. 200.

И если изначально изменения ранее привилегированного положения военных, в том числе резонансные уголовные дела 2008 г. «Бальоз» и «Эргенекон», которые привели к аресту высокопоставленных военнослужащих<sup>169</sup>, были преимущественно связаны с курсом Турции на евроинтеграцию и выражались в идеологической борьбе, то последние реформации, затронувшие структуру безопасности страны, напрямую связаны с попыткой осуществления в 2016 г. военного переворота и последующим запуском политики по усиленному преследованию его предполагаемых организаторов. Переворот 15 июля 2016 г., несмотря на неудачу, был достаточно болезненно воспринят правящей элитой по причине того, что безопасность в то время составляла основу внутривнутриполитического процесса Турции – большое внимание в программе ПСР на парламентских выборах 2014 г. было уделено именно вопросам безопасности, а риторика самого лидера партии в лице Р.Т. Эрдогана и других представителей ПСР сводилась к необходимости ее обеспечения и борьбы с элементами, нацеленными на разрушение государственных основ<sup>170</sup>. Интересным является тот факт, что в конечном итоге арест ряда военных, обвиняемых в подготовке неудачного путча, также был вписан правящей элитой страны в негласную концепцию обеспечения безопасности во имя всеобщего благосостояния.

Стоит также отметить, что попытка переворота является поводом для ряда экспертных дискуссий, в ходе которых, как правило, выражается мнение относительно того, что инцидент с переворотом в целом соответствовал интересам Р.Т. Эрдогана. Слабая организация путча, фактическое бездействие спецслужб и последующие рассуждения о военнослужащих в негативном контексте не только сплотили вокруг лидера Турции определенную часть населения, но и позволили ему на вполне обоснованных основаниях отстранить от власти ряд неугодных ему элит под предлогом нарушения ими конституционного строя, а также взять под свой личный контроль ряд вопросов, связанных с обеспечением безопасности, что

---

<sup>169</sup> Ibid. С. 183.

<sup>170</sup> Аватков В.А. Оборона через лидерство: Турция накануне референдума о конституции // Валдайские записки. – 2017. – № 65. – С. 7.

особенно четко отразилось на современной структуре безопасности страны и полномочиях отдельных органов<sup>171</sup>.

Помимо всех вышеперечисленных органов в современной Турции также существуют специализированные правоохранительные ведомства, ответственные в первую очередь за внутригосударственную стабильность и сохранение общественного порядка. К таким относятся Министерство внутренних дел Турции, Главное командование внутренних войск (Жандармерия), подчиняющееся МВД, Главное управление безопасности, Управление по безопасности и общественному порядку, Главная миграционная служба и Береговая охрана. В компетенции Министерства внутренних дел входит поддержание общественного порядка, охрана безопасности сухопутных и водных границ, территориальных вод, миграционная политика и другие вопросы<sup>172</sup>.

При этом принципиально значимым является тот факт, что в последнее время одной из наиболее актуальных проблем Турции в сфере безопасности является терроризм и многие вопросы, касающиеся обеспечения безопасности, сводятся именно к ее решению. По этой причине еще одним важным направлением деятельности Министерства внутренних дел является противодействие террористической угрозе. В задачи ведомства в данной области входит публикация справок и докладов, содержащих основные выводы и результаты борьбы с разного рода террористическими организациями, в частности, с членами «Исламского государства (ИГ/ИГИЛ)<sup>173</sup>», а также списки лиц, подозреваемых в связях с локальными или международными запрещенными организациями или непосредственно в терроризме<sup>174</sup>.

---

<sup>171</sup> Эль-Лаббад М. Семь причин провала государственного переворота в Турции // Международный дискуссионный клуб Валдай. – 29.07.2016. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sem-prichin-provala-gosperevorota/> (дата обращения: 01.03.2025).

<sup>172</sup> Т.С. İçişleri Bakanı. Hakkımızda // Т.С. İçişleri Bakanı – URL: <https://www.icisleri.gov.tr/hakkimizda> (дата обращения: 01.03.2025).

<sup>173</sup> Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

<sup>174</sup> Аватков В.А. Особенности борьбы с терроризмом в Турецкой Республике на современном этапе // Вестник РУДН. – 2017. – Т. 17, № 4. – С. 678.

Кроме того, существует ряд подведомственных Министерству органов и спецподразделений в их составе, ответственных за предотвращение угрозы распространения или воздействия терроризма. Отдел по борьбе с терроризмом, к примеру, является составной частью Главного управления по безопасности и выполняет работу по урегулированию и повышению эффективности задержания правонарушителей, подозреваемых в террористической деятельности, а также установлению размеров финансового вознаграждения лицам, которые оказали помощь в захвате преступников, сообщили необходимым учреждениям о местах их возможного нахождения или предоставили любую иную важную для следствия информацию<sup>175</sup>. Деятельности Главного управления обычно также оказывают содействие местные Управления по безопасности, расположенные в провинциях страны и ответственные за осуществление операций (могут проводиться сразу в нескольких муниципалитетах) по отслеживанию и задержанию преступников, обвиняемых или подозреваемых в терроризме.

Отдельного внимания заслуживают различные исследовательские, аналитические и другие центры, которые специализируются на вопросах безопасности. На территории Турецкой Республики многие из таких учреждений являются государственными или подведомственными тем или иным органам власти. В качестве наглядного примера можно привести созданный в 2006 г. Центр по борьбе с международным терроризмом и транснациональной преступностью (UTSAM), функционирующий на базе Исследовательского центра Полицейской академии Турции<sup>176</sup>. Именно такие учреждения занимаются подготовкой стратегий безопасности, специализированных отчетов, статей и докладов, которые позднее рассматриваются компетентными лицами и в случае соответствия профилю принимаются и публикуются государственными структурами в качестве официальных документов.

---

<sup>175</sup> Terörle Mücadele Kanunu Kapsamına Giren Suçların Faillerinin Yakalanmasına Yardımcı Olanlara Verilecek Ödül Hallında Yönetmelik // Resmi Gazete – URL: <http://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2015/08/20150831-1.htm> (дата обращения: 01.03.2025).

<sup>176</sup> Uluslararası Terörizm ve Sınıraşan Suçlar Araştırma Merkezi // UTGAM – URL: [https://utgam.org/Sayfa\\_pid\\_4\\_cid\\_2\\_lang\\_TR.html](https://utgam.org/Sayfa_pid_4_cid_2_lang_TR.html) (дата обращения: 01.03.2025).

Кроме того, в целях усиления координации действий и повышения уровня подготавливаемых материалов такого рода центры вправе осуществлять совместную деятельность с другими аналогичными аналитическими подразделениями, которая обычно проявляется в издании совместных материалов, организации тематических круглых столов, экспертных конференций и других мероприятий. Известны также случаи межведомственных проектов в области безопасности государственного уровня, в частности – осуществляемое Министерством обороны, Министерством финансов и Министерством по развитию жилищного строительства возведение стены в приграничном с Ираном районе Агры, преследующей цель ограничить трансграничные перемещения боевиков международных террористических групп и других радикальных элементов<sup>177</sup>.

Более того, в Турции отсутствуют в открытом доступе такие «предметные» официальные документы, как Концепция внешней политики или Стратегия национальной безопасности, которые, например, существуют в Российской Федерации. Вместо них известно о наличии закрытых источников – принятой в 2005 г. Советом национальной безопасности «Красной книге» или «секретной конституции», ставшей прототипом Концепции национальной безопасности государства<sup>178</sup>. Стоит отметить, что в подготовке документа принимали участие как гражданские лица, так и военнослужащие, что частично объясняет его закрытый характер. Тем не менее, исходя из имеющейся общеизвестной информации, Концепция не содержит в себе определения безопасности, а лишь описывает наиболее важные для Турции угрозы, изучив которые все же можно выделить основные направления обеспечения безопасности государства и сформировать относительно подходящее для Турции определение этому понятию.

---

<sup>177</sup> Аватков В.А. Особенности борьбы с терроризмом в Турецкой Республике на современном этапе // Вестник РУДН. – 2017. – Т. 17, № 4. – С. 678.

<sup>178</sup> Гурьев А.А. Новая концепция национальной безопасности Турции // Институт Ближнего Востока. – 07.11.2005. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=3905> (дата обращения: 01.03.2025).

К основным внутренним угрозам «Красная книга» относит деятельность левых и крайне левых группировок, сепаратизм, а также экстремистскую религиозную деятельность, например, исламский радикализм. В качестве одной из главных внешних угроз Турецкой Республики в список, в свою очередь, вошел международный терроризм<sup>179</sup>. Тем не менее, подобная классификация объясняется в том числе общественно-политическими реалиями, в условиях которых был принят документ. Так, терроризм, вероятно, появился в документе среди угроз, исходящих извне, на фоне совершенных в 2001 г. терактов в США. Поэтому стоит учитывать, что с момента издания документа угрозы могли измениться, а их список – существенно расшириться.

Так, уже в обновленной версии Концепции, изданной в 2010 г., угрозы дополнились вопросами, связанными с безопасностью поставок продовольствия и энергоресурсов, а также кибербезопасностью и рядом других<sup>180</sup>. В этой связи, опираясь на классическое для современной науки определение безопасности, можно сформулировать тезис о том, что безопасность для Турции эпохи «ранней» ПСР – это как минимум «состояние защищенности от всех вышеперечисленных угроз».

При этом Совет национальной безопасности дает лишь краткую трактовку понятию «национальная безопасность», отмечая, что это – «благосостояние не только народа, но и государства, конституционного порядка, а также – явление, имеющее правовые, политические, социальные, экономические и культурные аспекты<sup>181</sup>», следовательно, каждое действие государства и личности оценивается с точки зрения национальной безопасности. Кроме того, действия (даже регионального характера), которые продолжаются в том же месте в течение

---

<sup>179</sup> В Турции утверждена новая стратегия национальной безопасности // РИА Новости. – 25.10.2005. – URL: <https://ria.ru/20051025/41883227.html> (дата обращения: 02.03.2025).

<sup>180</sup> Milli Güvenlik Siyaset Belgesi kabul edildi // CNN Türk. – 22.11.2010. – URL: <https://www.cnnturk.com/2010/turkiye/11/22/milli.guvenlik.siyaset.belgesi.kabul.edildi/597105.0/index.html> (дата обращения: 02.03.2025).

<sup>181</sup> T.C'nin Ulusal Güvenlik Politikaları ve Güvenlik Stratejilerin Gelişimi // T.C. Adalet Bakanlığı. – URL: <https://edb.adalet.gov.tr/Resimler/SayfaDokuman/12520201430363-ULUSALG%C3%9CVENL%C4%B0Kxxx.pdf> (дата обращения: 02.03.2025).

длительного времени, то есть представляют постоянную угрозу безопасности государства и угрожают всему существованию государства, унитарной государственной структуре, влияют на всю страну в совокупности и нарушают существующий порядок (например, РПК), – также оцениваются в рамках национальной безопасности<sup>182</sup>.

В этой связи среди полномочий современного турецкого государства, как правило, выделяются две области: внешняя политика государства, включающая в себя защиту территориальной целостности от внешних атак и обеспечение мира в целом, а также внутренняя, выражающаяся в сохранении всеобщего спокойствия и доверия внутри страны. В целом вопрос обеспечения безопасности в настоящее время является одним из наиболее актуальных на повестке дня для Турции.

При этом важно, что сегодня в стране – по крайней мере в открытых источниках – нет единого общепринятого определения этому понятию. Политико-правовые подходы государственных органов Турецкой Республики во многом ограничиваются формированием круга основных угроз и созданием механизмов, нацеленных на их ликвидацию. Попытки дать определение безопасности содержатся на официальных сайтах различных ведомственных и других организаций, однако и они, как правило, не отличаются четкостью посылов.

Несмотря на активную деятельность государственных структур Турецкой Республики, направленную на обеспечение безопасности, для предотвращения угроз международного уровня иногда их бывает недостаточно. Кроме того, ускоряющиеся процессы глобализации приводят к тому, что повышается количество, опасность и масштабы ряда угроз, а вместе с этим – усиливается и межгосударственный уровень взаимодействия. Превалирующее количество акторов международных отношений осознает, что справиться с таким объемом вызовов и противостоять угрозам в одиночку без содействия в этом вопросе мирового сообщества не представляется целесообразным и возможным. В настоящее время главным координирующим органом по вопросам безопасности

---

<sup>182</sup> Ibid.

является СБ ООН, однако не менее важным является двустороннее и многостороннее сотрудничество государств в этой сфере, а также – формируемые ими механизмы и институты обеспечения глобальной безопасности.

С приходом к власти в Турции Р.Т. Эрдогана внешнеполитический курс Турции приобрел идеологические черты так называемого «неоосманизма»<sup>183</sup> – неофициальной концепции, рассчитанной на повышение роли Турции на международной арене и возвращения ей прошлого имперского величия. Современная Турецкая Республика больше не ощущает себя региональным игроком, несмотря на то что фактически остается им. Подобное стремление к великодержавности вынуждает ее встраиваться в разного рода международно значимые процессы, в том числе так или иначе связанные с вопросом обеспечения безопасности. Если обратиться к истории, станет понятно, что в вопросах безопасности республиканская Турция почти всегда находилась в составе каких-либо военно-политических блоков и союзов.

После Второй мировой войны в 1952 г. Турецкая Республика стала членом НАТО, а, следовательно, и связующим звеном этого альянса между Западом и Востоком<sup>184</sup>. Присоединение Турции к прозападному блоку на том этапе в целом соответствовало реалиям начинавшейся Холодной войны, в рамках которой Турция всецело развернулась в сторону Запада, а также стремлению Анкары к европеизации и вступлению в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС). При этом необходимо отметить, что Турция была интересна Западу с точки зрения своего стратегически важного геополитического расположения и рассматривалась американскими коллегами, в частности, как опорный пункт НАТО не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и в Черноморском регионе.

Турецкая Республика активно начала подводить собственную систему безопасности под стандарты Североатлантического альянса, что в первую очередь затронуло вопрос военной техники. Так, с течением лет на вооружение были

---

<sup>183</sup> Аватков В.А. Неоосманизм. Базовая идеология и геостратегия в Турции // Свободная мысль – 2014. – № 3. – С. 71.

<sup>184</sup> Киреев Н.Г. История Турции XX век. – М.: ИВ РАН: Крафт+, 2007. – С. 203.

приняты американские истребители F-16 и F-35, танки производства США – «M48 Patton III» и «M60» и Германии – «Leopard 1» и «Leopard 2», а также американские системы ПРО «Patriot»<sup>185</sup>. Кроме того, Турция использовала европейские и американские запчасти в производстве собственных вооружений, которые, однако, на момент начала ее сотрудничества с НАТО, исчислялись небольшим количеством. Существенным изменениям также подверглась структура и принципы деятельности ряда органов, ответственных за обеспечение безопасности.

Своего пика сотрудничество Турецкой Республики с Соединенными Штатами в области безопасности достигло в период 1990-2000-х гг. Во время войны в Персидском заливе, например, Вооруженные силы США активно использовали расположенную на территорию Турции авиабазу Инджирлик для полетов и нанесения ударов по объектам соседнего Ирака, а также аэродромы в Батмане, Муше и Диярбакыре для осуществления дозаправки. Позднее Турция стала привлекаться американскими силами для участия в совместных военных учениях и операциях. В 2001-2014 гг., например, Турецкая Республика принимала участие в деятельности Международных сил содействия безопасности (ISAF) в Афганистане<sup>186</sup>.

Тем не менее, положение дел стало меняться уже к 2008 г. К тому времени в Турции в значительной степени «окрепла» пришедшая к власти в 2002 г. Партия справедливости и развития, а на внутривластной арене появились новые политики, выступающие за частичный пересмотр турецко-американских отношений и ее отношений с западным миром в целом, а также – увеличение значимости Турции во внешнеполитических делах. В частности, одним из таких лиц был бывший министр иностранных дел и экс-премьер-министр Турции А.

---

<sup>185</sup> Васильев А. Южные силы: что представляет из себя турецкая армия // Популярная Механика. – 25.02.2021. – URL: <https://www.popmech.ru/weapon/574604-yuzhnye-sily-chto-predstavlyayet-iz-sebya-tureckaya-armiya/> (дата обращения: 04.03.2025).

<sup>186</sup> Свистунова И.А. В поисках новой модели: отношения Турции и США в сфере безопасности // Вестник МГИМО-Университета. – 2019. – № 2 (47). – С. 54-55.

Давутоглу, считавший, что сотрудничество двух стран в рамках НАТО свелось к тому, что каждая из сторон преследовала цель укрепить свои позиции в мире.

Так, впервые Турция публично продемонстрировала свой отход от обязательств в сфере безопасности и от США в целом во время военных действий в Грузии в 2008 г., когда власти страны не пропустили через Черноморские проливы военные суда Соединенных Штатов, что вызвало резкую критику Белого Дома и завершилось дипломатическим скандалом<sup>187</sup>. Следующим испытанием турецко-американского взаимодействия стала попытка совершения путча в Турции в июле 2016 г. Разногласия начались с того, что американская разведка не проинформировала Турцию о готовящемся перевороте, после чего правящие круги США и вовсе отказались экстрадировать проживавшего в Пенсильвании Ф. Гюлена – духовного лидера, которого Анкара обвиняла в организации переворота<sup>188</sup>. Более того, Р.Т. Эрдоган неоднократно во всеуслышание заявлял о том, что Турция может выйти из НАТО, в том числе потому, что военно-политический блок оказывает содействие террористическим группировкам в лице Сил самообороны сирийских курдов, и, следовательно, не поддерживает контртеррористические инициативы Турции<sup>189</sup>.

Таким образом, «образцовое партнерство», как было принято называть турецко-американское сотрудничество на протяжении долгих лет, вскоре вылилось в системный кризис и вынудило Турцию искать новых союзников и формировать собственную архитектуру безопасности. При этом важно, что если ранее Турция не представляла себя вне западных институтов безопасности, то сегодня президент страны Р.Т. Эрдоган во всеуслышание заявляет о том, что «безопасность Европы невозможно представить без Турции<sup>190</sup>».

---

<sup>187</sup> Саможнев А. Босфор закрыт. Турция не пускает американские военные корабли в Черное море // Российская Газета. – 18.08.2008. – URL: <https://rg.ru/2008/08/18/turcia-usa.html> (дата обращения: 04.03.2025).

<sup>188</sup> Братерский А. США дали понять Турции, что битва за экстрадицию Гюлена только началась // Газета.ru. – 05.08.2016. – URL: [https://www.gazeta.ru/politics/2016/08/05\\_a\\_9762977.shtml](https://www.gazeta.ru/politics/2016/08/05_a_9762977.shtml) (дата обращения: 04.03.2025).

<sup>189</sup> Эрдоган заявил, что НАТО оставила Турцию один на один с террористами // РИА Новости. – 12.01.2021. – URL: <https://ria.ru/20210112/turtsiya-1592727788.html> (дата обращения: 04.03.2025).

<sup>190</sup> Эрдоган счел невозможным обеспечение безопасности Европы без Турции // ТАСС. – 11.04.2024. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23662159> (дата обращения: 30.05.2025).

После кризиса со странами Запада, выдвижения новых условий для продолжения военного сотрудничества в рамках программ Североатлантического альянса и введения Европейским Союзом санкций Турецкая Республика активизировала разработку своих собственных вооружений и осуществила диверсификацию импорта военной продукции. В 2017 г. Россия и Турция заключили контракт на сумму 2,5 млрд долл. о покупке ЗРК, а в 2019 г. вместо традиционных «Patriot» в Турцию были успешно начаты первые поставки российских зенитно-ракетных комплексов С-400 «Триумф», приобретение которых Анкарой вызвало резкую критику западных коллег по причине несовместимости данных систем с оборудованием, используемым НАТО<sup>191</sup>, членом которого Турция продолжает оставаться. Усмотревшие в российских вооружениях угрозу, Соединенные Штаты, вероятно, стремясь оказать влияние, после долгих предупреждений приняли решение об исключении Турции из программы по совместному производству и поставке истребителей F-35, что в действительности не только не отдалило Турецкую Республику от России, но и – напротив – подтвердило правильность ее намерения продолжать сотрудничество.

В том же 2019 г. президент Турции посетил авиасалон МАКС в подмосковном Жуковском, где проявил интерес к авиационной технике российского производства, в частности истребителям Су-35 и Су-57<sup>192</sup>, которые могут стать альтернативой американским боевым самолетам. Кроме того, Турция достигла определенных успехов в области собственного производства. Среди наиболее важных и ожидаемых разработок Турции в военно-технической сфере, помимо танков, беспилотных летательных аппаратов, стрелкового оружия и других изобретений, стоит упомянуть проект новейшего истребителя пятого поколения Turkish Fighter-X (TF-X), призванного создать турецкий аналог американским F-

---

<sup>191</sup> Госсекретарь США потребовал от Турции «не держать» российские С-400 // РБК. – 24.03.2021. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/03/2021/605b85f59a7947765f9d1e2b> (дата обращения: 17.03.2025).

<sup>192</sup> Россия готова обсудить поставки Су-57 и Су-35 в Турцию // Вести RU. – 12.03.2021. – URL: <https://www.vesti.ru/article/2535793> (дата обращения: 17.03.2025).

35, который символично планировалось построить к столетию Республики – 2023 г., а первый испытательный полет провести в 2025 или 2026 г.<sup>193</sup>.

Известно, что турецкая сторона выдвинула требование о передаче ей технологий С-400<sup>194</sup>, Россия, в свою очередь, предположительно, по причине того, что данный вопрос является проблемой национальной безопасности, однозначного ответа не дала. По словам Р.Т. Эрдогана на саммите БРИКС в Казани в октябре 2024 г., Турецкая Республика намерена интегрировать российские комплексы в национальную систему ПВО «Стальной купол»<sup>195</sup>. В целом факт того, что Турция заинтересована в вооружениях России является положительной тенденцией и сигналом к тому, что в плане безопасности, в том числе военной, Анкара планомерно выходит из орбиты влияния США и уверенно движется в сторону Российской Федерации. Вместе с тем, Турции свойственна двойственная политика, поскольку, несмотря на антизападные заявления, в ноябре 2024 г. глава Министерства национальной обороны Турции заявил, что все вопросы по использованию Анкарой российских С-400 урегулированы, и Турция вновь сделала запрос на покупку американских истребителей F-35<sup>196</sup>.

Россия и США – не единственные страны, с которыми Турция взаимодействует в сфере безопасности. Важным направлением сотрудничества Турции также является Азия, в частности, Китай. Стремление развивать контакты с данной страной были продиктованы необходимостью установить какие-либо контакты на Востоке, расширив при этом свое влияние. Пекин, в свою очередь, заинтересован во встраивании Турции в инициативу «Шелкового пути» и в процесс формирования нового пояса безопасности в Азии. Эти задачи стали импульсом для

---

<sup>193</sup> TAI TF-X Stealth Fighter // Airforce Technology. – URL: <https://www.airforce-technology.com/projects/tai-tf-x-stealth-fighter/> (дата обращения: 17.03.2025).

<sup>194</sup> Турция назвала условие покупки у России второго комплекта С-400 // РИА Новости. – 11.01.2021. – URL: <https://ria.ru/20210111/turtsiya-1592580215.html> (дата обращения: 17.03.2025).

<sup>195</sup> Эрдоган пообещал решение по закупке С-400 у России для «Стального купола» // РБК. – 25.10.2024. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/671b59729a79470ae0ec8ed3> (дата обращения: 16.03.2025).

<sup>196</sup> Турция после смены позиции США пообещала развернуть С-400 за 12 часов // РБК. – 26.10.2024. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/26/11/2024/67461e5c9a79476a67165d48> (дата обращения: 16.03.2025).

развития двусторонних отношений с КНР прежде всего в сфере экономики, которые затем сменились военно-техническим сотрудничеством.

Так, Китай стал главным торговым партнером Турции на Дальнем Востоке и крупнейшим партнером в мире после Германии и России<sup>197</sup>. Что касается вопроса безопасности, то даже несмотря на обострение ситуации в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) в 2009 г. в связи с массовыми протестами и высказываниями Р.Т. Эрдогана об «уйгурском геноциде», активным образом развивались военно-технические контакты Турции и Китая. В 2010 г. отношения двух стран вышли на уровень «стратегического партнерства»<sup>198</sup>, однако настоящим «прорывом» в двусторонних отношениях стало проведение первых в истории турецко-китайских совместных учений ВВС двух стран в Конье. Интересно отметить, что в мероприятии принимала участие неоднородная с точки зрения технологий боевая техника: в Турцию Китай отправил истребители МиГ-29 и Су-27, приобретенные в свое время у России, в то время как сама Турция тестировала истребители F-16 американского производства<sup>199</sup>.

После этих событий с разницей почти в месяц КНР и Турецкая Республика «закрепили» военные контакты проведением новых учений – на этот раз сухопутных<sup>200</sup>. Несмотря на то, что учения прошли на уровне подразделений спецназа, за непривычным в политических кругах китайско-турецким маневром наблюдало все мировое сообщество, в то время как Вашингтон продолжал выражать обеспокоенность предыдущим мероприятием, проведенным на стратегически важной для блока НАТО авиабазе в Конье<sup>201</sup>. Еще одним значимым событием для развития отношений между Китаем и Турцией в сфере безопасности

---

<sup>197</sup> Dong M. Asya'da Güvenlik Sorunu ve Çin // TASAM. – 23.12.2013. – URL: [http://www.tasam.org/tr-TR/Icerik/25738/asyada\\_guvenlik\\_sorunu\\_ve\\_cin\\_-\\_turk\\_isbirligi](http://www.tasam.org/tr-TR/Icerik/25738/asyada_guvenlik_sorunu_ve_cin_-_turk_isbirligi) (дата обращения: 18.03.2025).

<sup>198</sup> Türkiye-Çin Halk Cumhuriyeti Siyasi İlişkileri // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. – URL: <http://www.mfa.gov.tr/turkiye-cin-halk-cumhuriyeti-siyasi-iliskileri.tr.mfa> (дата обращения: 18.03.2025).

<sup>199</sup> Yılmaz S. Türkiye-Çin askeri tatbikatı // 21. Yüzyıl Türkiye Enstitüsü. – 04.10.2010. – URL: <http://www.21yyte.org/tr/arastirma/cin-halk-cumhuriyeti/2010/10/04/5615/turkiye-cin-askeri-tatbikatı> (дата обращения: 18.03.2025).

<sup>200</sup> Türkiye-Çin ortak tatbikatı // T24. – 09.11.2010. – URL: <http://t24.com.tr/haber/turkiye-cin-ortak-tatbikatı,110237> (дата обращения: 18.03.2025).

<sup>201</sup> Турецко-китайские отношения // Центр стратегических оценок и прогнозов. – 12.12.2010. – URL: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/416/tureczko-kitajskie-otnosheniya-883> (дата обращения: 18.03.2025).

стала победа китайской компании в рамках тендера на экспорт ЗРК дальнего радиуса действия HQ-9 в 2013 г., однако впоследствии, из-за давления США и заявлений о несовместимости данной системы ПРО с НАТО, результаты тендера были отменены.

Тем не менее, позднее Турция заявила о своем намерении совместно с Китаем создать собственную систему ПРО, не интегрированную с Североатлантическим альянсом<sup>202</sup>, что еще раз подтвердило решимость Турции отклониться от западоцентричного курса. Что касается антитеррористического сотрудничества, то во время своего визита в Пекин в августе 2017 г. министр иностранных дел Турции заявил о готовности государства признать «Исламское движение Восточного Туркестана» террористической организацией, добавив, что Турция не допустит деятельность против Китая. В ответ его коллега высказался относительно важности совместных антитеррористических инициатив<sup>203</sup>.

Не менее важной страной, с которой Турция развивает контакты в области безопасности, является Азербайджанская Республика, сотрудничество с которой основывается на принципе «одна нация – два государства». Контакты в области безопасности страны начали практически с момента распада СССР и возникновения Азербайджана как независимого государства. Так, уже в 1992 г. стороны подписали Соглашение о сотрудничестве в области военного образования<sup>204</sup>, а в 1996 г. – межправительственное Соглашение о сотрудничестве в военно-технической и военно-образовательной областях<sup>205</sup>. При этом Баку относится к тому числу союзников Турции, которые воспринимают ее в качестве «старшего партнера» – Турецкая Республика поддерживает Азербайджан в рамках Нагорно-Карабахского конфликта, организовывает совместные военные учения

---

<sup>202</sup> Турция решила создать при помощи Китая независимую от НАТО систему ПРО // Взгляд – 19.02.2015. – URL: <https://vz.ru/news/2015/2/19/730519.html> (дата обращения: 18.03.2025).

<sup>203</sup> Turkey and China Pledge Security Cooperation as Ties Warm // Bloomberg – 03.08.2017. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-08-03/turkey-and-china-pledge-close-security-cooperation> (дата обращения: 18.03.2025).

<sup>204</sup> Yüce A. Azərbaycan-Türkiye Askeri İşbirliği Faaliyetlerinin Hukuki Temeli // Azərbaycan Ali Hərbi Məktəbi Elmi Əsərlər Məcmuəsi. – 2016. – № 1 (26). – С. 9.

<sup>205</sup> Парубочая Е.Ф. Сотрудничество Турции и Азербайджана в военной сфере на рубеже XX-XXI веков // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2015. – № 6. – С. 25.

под своей эгидой, самые крайние из которых состоялись в феврале 2021 г. в турецком Карсе<sup>206</sup>, а также поставляет Баку вооружения собственного производства, в частности, системы залпового огня, вертолеты Т-129 АТАК, а также беспилотные летательные аппараты Bayraktar ТВ-2. При этом на фоне обострения российско-азербайджанских отношений в июле 2025 г. в СМИ появилась информация о том, что в Азербайджане может быть построена турецкая военная база<sup>207</sup>.

Аналогичное сотрудничество в сфере безопасности, основанное преимущественно на экспорте турецких вооружений, складывается в настоящий момент с Украиной, которая является одним из основных покупателей турецких БПЛА Bayraktar ТВ-2, стоящих у нее на вооружении. Так, в 2020 г. стороны подписали Соглашение о военно-техническом сотрудничестве, в соответствии с которым Турция предоставит Киеву финансы на покупку техники своего производства, а также заключили Меморандум о намерениях в области оборонно-промышленных проектов<sup>208</sup>. Вскоре после этого стало известно о подписании сторонами очередного Соглашения о передаче Турции технологий и совместном производстве корветов и ударных беспилотников для нужд армии Украины<sup>209</sup>.

Кроме того, Турция активным образом расширяет деятельность по укреплению своего зарубежного присутствия. Так, например, в 2017 г. Турция открыла свою самую большую зарубежную военную базу в Сомали, а также военную школу и учебный центр для подготовки сомалийских военнослужащих.

Таким образом, понятие безопасности и его наполнение, особенно для расположенной в конфликтогенном регионе Турции, динамично меняется в

---

<sup>206</sup> Türkiye ve Azerbaycan askerlerinin 'Kış Tatbikatı' hazırlıkları Kars'ta sürüyor // Anadolu Ajansı. – 01.02.2021. – URL: <https://www.aa.com.tr/tr/turkiye/turkiye-ve-azerbaycan-askerlerinin-kis-tatbikati-hazirliklari-karsta-suruyor/2129964> (дата обращения: 18.03.2025).

<sup>207</sup> В Азербайджане будет размещена крупнейшая в регионе военная база НАТО // EADaily. – 05.07.2025. – URL: <https://eadaily.com/ru/news/2025/07/05/v-azerbaydzhanе-budet-razmeshchena-krupneyshaya-v-regione-voennaya-baza-nato> (дата обращения: 07.07.2025).

<sup>208</sup> Украина и Турция подписали новое военное соглашение // ТАСС. – 29.12.2020. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9742159> (дата обращения: 20.03.2025).

<sup>209</sup> Турция будет производить для армии Украины корветы и ударные беспилотники // ТАСС. – 14.12.2021. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10254791> (дата обращения: 20.03.2025).

зависимости от переживаемых политических реалий и фактора появления новых вызовов и угроз. То, что вкладывает Турция в это понятие на современном этапе можно охарактеризовать как необходимость обезопасить себя от террористической деятельности в различных ее проявлениях, поскольку основное внимание структур, отвечающих за обеспечение безопасности, сконцентрировано в большей степени именно на этом вопросе.

### **1.3. Идеино-ценностная безопасность Турции: международный и национальный уровень**

Сфера деятельности Турции, связанная с обеспечением безопасности, как и иные вопросы политического характера, находится в тесном переплетении с идейно-ценностной картиной мира, продвигаемой властной элитой страны. В основу внешнеполитического курса страны заложена неофициальная идеология «неоосманизма», предполагающая преемственность османского наследия современным турецким государством. Турции как потомку сломленной империи свойственен «синдром ущемленности системой международных отношений»<sup>210</sup>. Во многом процесс осмысления себя сопровождается мифологизацией собственной истории и созданием неформализованных идейных концептов, или «тотальных мифов»<sup>211</sup>, призванных обслуживать интересы страны – в первую очередь на внешнеполитической арене. Так, одним из таких мифов является нарратив о «Турции-лидере», сформированный Партией справедливости и развития, считающей Турецкую Республику лидером трех геополитических пространств: постосманского, тюркского и исламского.

Деятельность Турции в области безопасности как на глобальном, так и на национальном уровнях, в равной степени сопряжена с неоосманским дискурсом и формируется сквозь призму этой идеологемы. Так, Анкара рассматривает себя в качестве защитника всех упомянутых выше пространств от возникающих угроз.

---

<sup>210</sup> Аватков В.А. Сквозь кризисы к стабильному «неоосманизму». Политические итоги Турции 2021 года // Свободная мысль. – С. 115-126.

<sup>211</sup> Лассуэлл Г.Д. Язык власти // Политическая лингвистика / пер. с англ. М.В. Толмачевой. – 2006. – No 1. – С. 264–280.

Именно по этой причине Турецкая Республика весьма редко ведет речь о национальной безопасности, фактически отождествляя ее с безопасностью региональной.

Являясь антропологическим государством, Турция, подобно лидерам, стоящим во главе, относит потребности в обеспечении безопасности к разряду базовых. При этом каждой из потребностей Турции в той или иной области, как правило, соответствует один или несколько идейно-ценностных концептов. Отталкиваясь от теории пирамиды потребностей А. Маслоу (является частной и наиболее упрощенной моделью с точки зрения ее применения в политологической плоскости), представляется целесообразным очертить пирамиду идей Турции – иерархию, отражающую первичные (обеспечивающие суверенитет) и вторичные (обеспечивающие статус и способствующие выстраиванию благоприятного образа страны на мировой арене) потребности государства, в основе политического видения которого доминирует идейно-ценностный фактор (Приложение А). С точки зрения проблематики безопасности особую важность имеют именно «первичные» идеи, отвечающие за обеспечение государственного суверенитета и соответствующие первичным потребностям Турецкой Республики.

«Физиологические потребности» для Турции означают ее суверенное существование в своих границах и внутривнутриполитическую стабильность, которая проявляется в отсутствии разного рода переворотов, антивластных митингов, экономических кризисов и иных потрясений. Иными словами – это потребность государства в защищенности, исключающая его переход в статус «несостоявшегося государства» (failed state).

Принимая во внимание тот факт, что Турция рассматривает свои физические границы как результат исторической несправедливости, она активным образом продвигает идею о «воображаемой географии<sup>212</sup>», в соответствии с которой ее границы должны быть шире, чем те, что обозначены на карте. Стабильность в

---

<sup>212</sup> Цибенко В.В. Конструирование идеологического дискурса о воображаемой географии в Турции. Международная аналитика. – 2022. – № 13(3). – С. 130-144.

политическом смысле обеспечивается за счет «эрдоганизма», приходящего на смену традиционному «кемализму».

Турецкая Республика, будучи восточным государством, должна не только сама быть лидером на внешнеполитической арене, но и управляться лидером во всех смыслах этого слова. Р.Т. Эрдоган, таким образом, является лидером-харизматиком<sup>213</sup>, основная задача которого заключается в сплочении вокруг себя турецкого общества. Стоит отметить, что в основном действующий президент Турции популярен у консервативной религиозной части населения, в то время как другая его часть придерживается принципов светскости, заложенных в основу республиканского государства М.К. Ататюрка. Именно по этой причине правительство ПСР активным образом реализует политику «контр-кемализма», в том числе и в области безопасности.

Что касается государственной безопасности, то для официальной Анкары она означает безопасность государственного строя и общества, которое должно быть защищено от угроз. Одной из главных угроз современности Турция признает терроризм, проблема ликвидации которого решается в том числе через так называемый «мягкий милитаризм» – неофициальную политику, подразумевающую милитаризацию страны не столько с помощью увеличения объемов военного производства и усовершенствования ОПК, сколько посредством задействования инструментов «мягкой силы» в оборонной стратегии страны, в результате чего складывается образ Турции как сильной военной державы и турецкой армии как основного гаранта национальной, региональной и даже глобальной безопасности.

В то время как ряд игроков для достижения своих целей использует разнообразные политико-правовые механизмы, экономические рычаги и инструменты «мягкой силы», другие акторы, в том числе Турция, не отрицая вышеперечисленные методы, в лучших традициях политического реализма предпочитают акцентировать внимание преимущественно на силовом факторе, тем

---

<sup>213</sup> Надеев-Раевский В.А. Р.Т. Эрдоган как пример политика-харизматика. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – № 10 (6). – С. 138-154.

самым формируя противоречивый тренд на милитаризацию мировой политики в целом и международных отношений в частности.

Особую важность в этом контексте приобретает тот факт, что под «милитаризацией» в данном случае понимается не столько стандартное усовершенствование организационных навыков армии или технических возможностей военно-промышленного комплекса (что является вполне естественным для обеспечения национальных интересов любого государства), сколько процесс политизации военной сферы и сосредоточения на силовом факторе сразу нескольких элементов внутригосударственной политики, которая с течением времени экстраполируется на внешнеполитическую плоскость.

На пространстве Ближнего и Среднего Востока, где сегодня сконцентрировано наибольшее количество международно-значимых процессов, одним из центров сил, в последнее время усиливающих тенденцию к укреплению своего внутри- и внерегионального влияния в том числе за счет военной составляющей, является Турецкая Республика, для которой такого рода процесс скорее представляет собой видоизмененную модель достаточно военизированной политической системы государства прошлых лет.

Армия и военная составляющая в целом еще со времен Османской империи играли определяющую роль в наступательной и оборонительной политике государства того времени<sup>214</sup>, по причине чего постоянно совершенствовались султанатом. Так, например, с целью улучшения боеспособности войск и повышения международного авторитета империи в 1793 г. Селимом III была проведена крупная реформа армии<sup>215</sup>, после чего военные преобразования продолжились уже в период Танзимата<sup>216</sup>.

---

<sup>214</sup> Tarihçe // Türk Silahlı Kuvvetleri Genelkurmay Başkanlığı. – URL: <https://www.tsk.tr/Sayfalar?viewName=Tarihce> (дата обращения: 10.08.2024).

<sup>215</sup> Karpat H.K. Osmanlı'dan Günümüze Asker ve Siyaset. – İstanbul: Timaş Yayınları, 2019. – С. 28-29.

<sup>216</sup> Ibid. С. 37.

После провозглашения в 1923 г. Турецкой Республики, которая в свою очередь была создана не без участия военных<sup>217</sup>, в стране началась достаточно длительная эпоха «раннего милитаризма», обусловленная осуществлением чреды государственных переворотов и повышением в политических делах роли военнослужащих, с тех пор являющихся гарантом неприкосновенности базовых принципов кемализма, включая светскость.

Ситуация в значительной степени изменилась лишь в начале 2000-х годов, после прихода к власти в Турции Партии справедливости и развития (ПСР), основополагающие направления внешней политики которой мало коррелировали с существующим на тот момент внутривнутриполитическим положением дел. Курс на вступление в ЕС и расширение связей с демократическим Западом, к которым впоследствии добавилось непримиримое желание президента Р.Т. Эрдогана сконцентрировать полноту власти в своих руках, не позволяли Турции сохранять статус-кво в вопросе привилегированного положения военных.

С 2007 г. политическая роль армии и военнослужащих постепенно нивелировалась, а в 2008 г. по обвинению в организации государственного переворота и попытке изменения конституционного строя государства против них было возбуждено два уголовных дела – «Бальоз» и «Эргенекон»<sup>218</sup>. Кроме того, практически сразу после утверждения ПСР у власти были существенно снижены военные расходы Турции (не считая внебюджетных трат), которые в те годы в пропорциональном исчислении в значительной степени уступали аналогичным расходам на нужды в сфере образования и здравоохранения<sup>219</sup>.

Очередным событием, задавшим тренд на дальнейшее ограничение политической деятельности военных, стала попытка осуществления государственного переворота 15 июля 2016 г., успешно предотвращенная властями Турции и повлекшая за собой массовые кадровые чистки и аресты

---

<sup>217</sup> Аватков В.А. Армия Турецкой Республики при правлении Партии справедливости и развития. – Москва: ИД «Международные отношения», 2018. – С 7.

<sup>218</sup> Yeşiltaş M. AK Parti döneminde sivil-asker ilişkileri // Kuruluşundan bugüne AK Parti. Siyaset. – İstanbul: SETA Kitapları, 2018. – С. 182.

<sup>219</sup> Belge M. Militarist Modernleşme Almanya, Japonya ve Türkiye. – İstanbul: İletişim Yayınları, 2014. – С 750.

военнослужащих. Однако однозначно утверждать, что военные тогда были окончательно отстранены от политики нельзя.

В действительности генералитет Турецкой Республики был лишен возможности осуществления властных полномочий и попыток оказания прямого влияния на политику государства. Вместо этого военные и силовой фактор в целом начали косвенно использоваться политиками в лице правящей элиты страны в качестве политического инструмента для реализации своих интересов, а также повышения имиджа государства сначала на внутренней, а затем на международной арене.

Таким образом, несмотря на то, что реализуемый годами внутривластный курс ПСР, направленный на ослабление политической роли армии и военных, предположительно, должен был также способствовать постепенному отходу Турции от идей милитаризации, сегодня в стране наблюдается противоположное явление – современная общественно-политическая сфера жизни государства, наоборот, становится все более военизированной. Отличие милитаризма Турции эпохи военных переворотов от современности состоит, прежде всего, в идейном содержании, конечном целеполагании и способах продвижения и развития данных идей.

Современный турецкий милитаризм, акцентирующий внимание не столько на роли военных, сколько на идее популяризации могущества турецкой армии, а, следовательно, и самой Турции, пока в большинстве случаев имеет завуалированный неявный характер и аккуратно распространяется властями страны, в первую очередь, среди местного населения в целях дальнейшей ретрансляции данных идей в турецком обществе и за его пределами. Такого рода «мягкий милитаризм», безусловно, нельзя сравнивать, к примеру, с «жестким милитаризмом» Германии и Японии 1930-1940-х годов, где идеи расширения силового влияния и всеобщей военизации пропагандировались на официальном уровне и закладывались в основу государственной идеологии, в процесс реализации постулатов которой должны были быть вовлечены все без исключения. При этом важно отметить, что в среднесрочной перспективе турецкий «мягкий»

милитаризм вполне может трансформироваться в его «жесткую» форму и стать частью официальной государственной идеологии.

Стремление современной Турции к политической милитаризации не представляет собой милитаристскую идеологию в чистом виде, а является скорее составной частью обновленной политики «неоосманизма»<sup>220</sup> последних лет – комплекса неофициальных внутри- и внешнеполитических идеологем, призванных укрепить международное влияние Турецкой Республики. В этом контексте представляется необходимым рассмотреть базовые «внутренние» и «внешние» компоненты милитаризма современной Турции, среди которых особую важность приобретают:

1. военная активность государства за рубежом;
2. динамичное развитие вооружений и ВПК;
3. идеологические методы властных или провластных кругов страны.

Одним из главных признаков современного турецкого милитаризма является проведение Турцией единоличных военных кампаний за пределами государственных границ и участвовавшие случаи ввода воинского контингента на зарубежные территории. При этом стоит особенно подчеркнуть, что деятельность Турецкой Республики по дислокации турецких военных на территориях иностранных государств зачастую не согласовывается с официальными правительствами этих стран и нередко расценивается ими как незаконная и противоречащая нормам международного права.

Начало активизации международных военных компаний Турции приходится на 2015 год, когда Анкара ввела свои войска в Ирак под предлогом необходимости подготовки местных военизированных формирований «Пешмерга», ведущих борьбу против ИГИЛ<sup>221</sup>, в военном лагере Башика<sup>222</sup>. В 2017 г. Турецкая Республика вновь начала на иракской территории военные действия

---

<sup>220</sup> Tokdoğan N. Yeni Osmanlıcılık: Hınç, Nostalji, Narsisizm. İstanbul: İletişim Yayınları, 2018, – 197 p.

<sup>221</sup> Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

<sup>222</sup> Türkiye'nin Başika'da Yürüttüğü Eğitim Faaliyeti Hk. // T.C. Dışişleri Bakanlığı – URL: [http://www.mfa.gov.tr/no\\_303\\_-8- aralik-2015\\_turkiye\\_nin-basika\\_da-yurutug-egitim-faaliyeti-hk\\_tr.mfa](http://www.mfa.gov.tr/no_303_-8- aralik-2015_turkiye_nin-basika_da-yurutug-egitim-faaliyeti-hk_tr.mfa) (дата обращения: 10.08.2024).

преимущественно антикурдского характера, а затем нередко подвергала позиции курдских отрядов воздушным бомбардировкам в знак протеста против проводимой курдами политики. Кроме того, в 2019-2021 гг. военные Турции осуществляли на севере Ирака серию антитеррористических операций «Лапа», «Коготь орла-1» и «Коготь орла-2», одной из целей которых турецкие аналитики называют в том числе демонстрацию миру возможностей Вооруженных сил Турции<sup>223</sup>.

Помимо Ирака, пространством для проведения военных кампаний турецкой армии после событий «арабской весны» также стала Сирийская Арабская Республика, на территории которой в период с 2016 по 2020 годы ВС Турции провели четыре наземных антитеррористических операции – «Щит Евфрата», «Оливковую ветвь», «Источник мира» и «Весенний щит», вызвавшие резкую критику сирийских властей. Тем не менее, несмотря на неодобрительную международную реакцию, значимость данных операций впоследствии особенно подчеркивалась представителями высшего руководства Турции, в частности, президентом Р.Т. Эрдоганом, в ходе различных митингов много рассуждавшим о пользе и исключительно миротворческой миссии проводимых Анкарой кампаний<sup>224</sup>. При этом интересно, что вскоре после начала операции «Источник мира» в некоторых провинциях Турции были запущены масштабные рекламные кампании в поддержку действий Турецкой Республики в Сирии. В Эрзуруме, например, на улицах города появились баннеры с изображением турецкого солдата и символичной подписью: «Наша славная армия, осуществляющая операцию “Источник мира”, наши сердца с Вами»<sup>225</sup>.

За пределами ближневосточного региона Турецкая Республика в последнее время также проявляет активность на африканском континенте. В ноябре 2019 г. Турция подписала с Правительством национального согласия Ливии (ПНС)

---

<sup>223</sup> 13 Maddede Peçe Harekatı'nın Önemi // TÜRKSAM. – URL: <http://turksam.org/13-maddede-pence-harekatinin-onemi>

<sup>224</sup> Cumhurbaşkanı Erdoğan'dan Barış Pınarı Harekâtını açıklaması: 490 terörist etkisiz hale getirildi // Hürriyet. – 13.10.2019. – URL: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/son-dakika-cumhurbaskani-erdogandan-onemli-aciklamalar-41349824> (дата обращения: 10.08.2024).

<sup>225</sup> SGK'dan Barış Pınarı Harekâtına destek // HaberTürk. – 11.10.2019. – URL: <https://www.haberturk.com/erzurum-haberleri/72534718-sgkdan-baris-pinari-harekatina-destek> (дата обращения: 10.08.2024).

соглашение о безопасности и военном сотрудничестве, а в январе 2020 г., несмотря на негативную реакцию мирового сообщества, ввела на территорию страны войска, предназначенные для воздушной, наземной и морской поддержки правительства Ф. Сарраджа<sup>226</sup>. Кроме того, Турция проводит достаточно масштабную деятельность в сфере безопасности в Сомали. В частности, Анкара оказывает Могадишо поддержку в области борьбы с терроризмом и пиратством, выделяет денежные средства на реструктуризацию сомалийской армии и полиции, а также осуществляет работу по созданию школ профессиональной подготовки сержантов наземных, воздушных и морских вооруженных сил<sup>227</sup>.

Вместе с тем, говоря о зарубежной военной деятельности Турции, необходимо учитывать тот факт, что под «военной активностью» государства понимается не только осуществление военных операций и содействие другим странам в модернизации их военных структур, но и политика укрепления военного присутствия за счет размещения военных баз, которая в последние годы в особенности свойственна Турции.

Так, например, в 2017 г. Турция открыла свою самую большую зарубежную военную базу в Сомали, а также военную школу и учебный центр для подготовки сомалийских служащих. В целом Турецкая Республика имеет военные базы в 4-х важнейших для нее регионах – на Кавказе, Ближнем Востоке, Балканах и в Европе – и в 12-ти странах мира, в том числе на территории Ливана, Афганистана, Азербайджана, Катара, Сирии, Ирака, Боснии и Герцеговины, Косово, Албании, Турецкой Республики Северного Кипра и т.д.<sup>228</sup>. При этом, по информации турецких СМИ, в среднесрочной перспективе Турция также планирует закрепиться на пространстве Судана, в частности, построить морской порт на острове Севакин,

---

<sup>226</sup> Турецкий президент Эрдоган отправил войска в Ливию // Российская Газета. – 06.01.2020. – URL: <https://rg.ru/2020/01/06/tureckij-prezident-erdogan-otpravil-vojska-v-liviiu.html> (дата обращения: 10.08.2024).

<sup>227</sup> Özkan M. Doğu Afrika Jeopolitiği ve Türkiye'nin Somali Politikası // ResearchGate. – İstanbul: SETA Yayınları, 2014. – С. 93. – URL: [https://www.researchgate.net/profile/Mehmet\\_Ozkan/publication/281344365\\_Dogu\\_Afrika\\_Jeopolitigi\\_ve\\_Turkiye%27nin\\_Somali\\_Politikasi/links/55e2b3f908aecb1a7cc83cb3/Dogu-Afrika-Jeopolitigi-ve-Tuerkiyenin-Somali-Politikasi.pdf](https://www.researchgate.net/profile/Mehmet_Ozkan/publication/281344365_Dogu_Afrika_Jeopolitigi_ve_Turkiye%27nin_Somali_Politikasi/links/55e2b3f908aecb1a7cc83cb3/Dogu-Afrika-Jeopolitigi-ve-Tuerkiyenin-Somali-Politikasi.pdf) (дата обращения: 10.08.2024).

<sup>228</sup> Türkiye'nin yurt dışındaki askeri varlığı 3 kıtada 12 ülkeye yükseldi // Borsa Gündem. – 02.01.2020. – URL: <https://www.borsagundem.com/haber/turkiyenin-yurt-disindaki-askeri-varligi-3-kitada-12-ulkeye-yukseldi/1460929> (дата обращения: 10.08.2024).

предназначенный для обслуживания военных и гражданских судов, и направить туда своих военных<sup>229</sup>.

Очередным фактором, позволяющим говорить о Турции как о государстве, имеющем черты милитаризма, является активное развитие обороноспособности армии, а также деятельность, направленная на производство и усовершенствование в максимально короткие сроки возможностей военной техники.

Общая характеристика показателей Турецкой Республики в военной области выглядит следующим образом: по данным исследовательского центра Global Firepower на 2025 г., в рейтинге военной мощи Турция занимает 9-е место из 145<sup>230</sup>. Вместе с тем, исходя из информации Стокгольмского института исследования проблем мира (SIPRI) за 2024 г., в общем списке стран по военным расходам Турецкая Республика занимала 17 место, а затраты государства на военную промышленность составляли около 25 млрд долларов<sup>231</sup>. При этом говоря о потенциале турецкой армии, также необходимо принимать во внимание тот факт, что с 1952 г. Турция является членом НАТО, а ее армия по-прежнему остается второй по численности в альянсе после США<sup>232</sup>.

На протяжении многих лет основу вооружения Турции, в особенности в сфере авиации, преимущественно составляла американская техника<sup>233</sup>. В последние годы, в связи с планомерным ухудшением турецко-американских отношений и принятием Вашингтоном решения об исключении Турции из программы совместного производства истребителей F-35, ситуация в значительной степени изменилась. Так, Турция начала развивать военно-техническое сотрудничество с Российской Федерацией: в 2019 г. были начаты первые поставки в Турцию

---

<sup>229</sup> Türkiye Osmanlı topraklarına geri dönüyor // Yeni Şafak. – 03.01.2018. – URL: <https://www.yenisafak.com/gundem/turkiye-osmanli-topraklarina-geri-donuyor-2951575> (дата обращения: 10.08.2024).

<sup>230</sup> 2025 Military Strength Ranking // Global Firepower. – URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php> (дата обращения: 12.07.2025).

<sup>231</sup> SIPRI Military Expenditure Database // SIPRI. – URL: <https://milex.sipri.org/sipri> (дата обращения: 10.08.2024).

<sup>232</sup> Сравнительный анализ вооруженных сил России и Турции // Центр стратегических оценок и прогнозов. – URL: <http://csef.ru/ru/oborona-i-bezopasnost/340/sravnitelnyj-analiz-vooruzhennyh-sil-rossii-i-turczii-8104> (дата обращения: 10.08.2025).

<sup>233</sup> Türk Silahlı Kuvvetleri'nin teknik donamını // Sputnik. – 16.02.2018. – URL: <https://tr.sputniknews.com/infografik/201802161032286302-turkiye-sillahl-ordu-asker-tsk-fl6-leopar/> (дата обращения: 10.08.2024).

российских ЗРК С-400 «Триумф», фактически заменивших американские системы Patriot, а в ходе посещения авиасалона МАКС-2019 Р.Т. Эрдоган проявил интерес к самолетам Су-35 и Су-57 российского производства, которые при дальнейшем двустороннем сотрудничестве России и Турции в перспективе могут стать достойной альтернативой американской боевой авиатехнике.

Помимо частичного внедрения некоторых российских вооружений, в Турецкой Республике наблюдается отчетливая тенденция к ускоренному развитию собственной военной техники и ее экспорту в такие страны как, например, Азербайджан, Казахстан, Киргизия и Украина. При этом известно, что большая часть техники, задействованной в ходе операции «Источник мира» в Сирии, в отличие от той, что использовалась во время предыдущих военных кампаний, представляла собой преимущественно вооружения турецкого производства, И. Демир, занимавший тогда пост министра национальной обороны Турции, комментируя начало операции, многозначительно заявил, что Турция, несмотря на все препятствия со стороны западных коллег, будет решительно идти по пути полностью независимой оборонной промышленности и отказа от иностранных вооружений<sup>234</sup>.

В настоящий период времени среди наиболее важных и ожидаемых разработок Турции в военно-технической сфере, помимо уже представленных ранее танков, беспилотных летательных аппаратов, стрелкового оружия и других изобретений турецкого производства, стоит упомянуть проект новейшего истребителя пятого поколения Turkish Fighter-X (TF-X), призванного создать турецкий аналог американскому F-35<sup>235</sup>.

Важнейшим элементом современного турецкого милитаризма является также его идеологическая составляющая, представляющая собой совокупность методов, направленных на возвеличивание национальной армии Турции в глазах местного

---

<sup>234</sup> Yerli ve milli teknoloji TSK'ya güç veriyor // TRT Haber. – 16.10.2019. – URL: <https://www.trthaber.com/haber/turkiye/yerli-ve-milli-teknoloji-tskya-guc-veriyor-436131.html/amp> (дата обращения: 10.08.2024).

<sup>235</sup> TAI TF-X Stealth Fighter // Air Force Technology. – URL: <https://www.airforce-technology.com/projects/tai-tf-x-stealth-fighter/> (дата обращения: 10.08.2024).

населения и мирового сообщества. Одним из таких методов, набирающих в последнее время особую популярность, является активная политизация военной сферы государства, а также использование милитаристской риторики, в частности, военных лозунгов в политическом контексте.

«Каждый турок рождается солдатом» (тур. – her Türk asker doğar) – гласит популярное в турецких военных кругах выражение, которое в последнее время не только олицетворяет один из воинских слоганов, но и активно укрепляется в политическом дискурсе. Именно этими словами, например, члены правящей Партии справедливости и развития в целях поддержки военной операции «Источник мира» встретили министра национальной обороны Турции Х. Акара в кулуарах одного из партийных заседаний. Сам Х. Акар при этом не остался безучастным и в знак солидарности с коллегами символическим жестом совершил воинское приветствие<sup>236</sup>.

Более того, в октябре 2019 г. произошел другой случай, позволяющий говорить о милитаризации не только политической сферы жизни турецкого общества, но и спорта. Так, во время одного из отборочных матчей чемпионата Европы 2020 г. футболисты сборной Турции неоднократно исполняли воинское приветствие, тем самым выражая свою поддержку операции Турции на северо-востоке Сирии. Особую важность в этом контексте приобретает тот факт, что в ответ на намерение УЕФА наказать провокаторов президент Р.Т. Эрдоган подверг резкой критике инициированное Союзом европейских футбольных ассоциаций расследование в отношении спортсменов, а в его Twitter-аккаунте появилось фото турецких футболистов, исполняющих воинский жест, и подпись: «Продемонстрируем всему миру наше национальное единство в эти дни. Эта победа его только усиливает...»<sup>237</sup>.

---

<sup>236</sup> Bakan Hulusi Akar'dan salonu ayağa kaldıran ker selami // A Haber. – 16.10.2019. – URK: <https://www.ahaber.com.tr/gundem/2019/10/16/hulusi-akaran-salonu-ayaga-kaldiran-asker-selami> (дата обращения: 10.08.2024).

<sup>237</sup> «Потенциально провокационное поведение»: УЕФА может наказать сборную Турции за военное приветствие // RT. – 15.10.2019. – URL: <https://russian.rt.com/sport/article/677517-turciya-uefa-sankcii-voennoe-privetstvie> (дата обращения: 10.08.2024).

Вместе с тем отдельно стоит рассмотреть феномен публичного восхваления и героизации в Турции «шехидов» (тур. – *şehit*) – военных, погибших при исполнении служебного долга (как правило, в ходе военных операций, в бою), а также распространения идеи о том, что смерть в подобных условиях является почетной. Помимо большого количества повсеместных ежедневных информационных сводок, содержащих биографию и подробное описание подвигов погибших турецких военнослужащих<sup>238</sup>, которые в равной степени выполняют функцию массового распространения данного явления, самым ярким примером пропагандистского поведения представителя правящей элиты является выступление президента Турции Р.Т. Эрдогана на предвыборном митинге в городе Кахраманмараш в 2018 г., во время которого лидер государства, заметив в толпе маленькую плачущую девочку в военной форме, пригласил ее на сцену, сказав примерно следующее: «...Бордовые береты не плачут (отсылка к головному убору ребенка, стилизованному под униформу спецназа сухопутных войск Турции). Если ты погибнешь на войне, то будешь покрыта турецким флагом и похоронена со всеми почестями...»<sup>239</sup>.

При этом стоит отметить, что в то время, как реакция мирового сообщества на подобную «акцию» лидера Турции в отношении ребенка была весьма неоднозначной, на самом митинге происходящее сопровождалось бурными аплодисментами и нескрываемым одобрением действий президента со стороны присутствовавших, что позволяет говорить о высокой степени эффективности подобных промилитаристских манипуляций властей как минимум в отношении населения консервативной юго-восточной части страны.

Особую важность также приобретает тот факт, что все три вышеописанных события в свое время получили обширное освещение в местных турецких СМИ, а также социальных сетях. В этой связи стоит отметить, что информационно-

---

<sup>238</sup> 4 asker şehit oldu // *Hürriyet*. – 11.10.2019. – URL: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/4-asker-sehit-oldu-41349113> (дата обращения: 10.08.2024).

<sup>239</sup> Erdoğan'dan kürsüye çıkarttığı çocuğa: Şehit olursa inşallah bayrağı da örtecekler // *Cumhuriyet*. – 24.02.2018. – URL: <http://www.cumhuriyet.com.tr/haber/turkiye/933083/erdogandan-kursuye-cikartigi-cocuga-sehit-olursa-insallah-bayragi-da-ortecekler.html> (дата обращения: 10.08.2024).

коммуникационное пространство всегда играло особую роль в процессе осуществления милитаристской пропаганды Турции. Так, например, достаточно интересной стала реакция крупнейшей турецкой компании оборонной промышленности «ASELSAN» на начало ВС Турции операции «Источник мира» в Сирии. В день старта переброски военных компания разместила в официальном Twitter-аккаунте рекламный ролик в поддержку военной кампании, в завершающей части которого появляется следующая надпись: «Мы всегда и везде на стороне турецкой армии»<sup>240</sup>.

Подход к объяснению сложившейся в Турции ситуации и рассмотрению турецкого милитаризма через взаимосвязь понятий «гражданского» и «военного» предлагает турецкий исследователь Г.Г. Озтан. В частности, он говорит о том, что институт военной службы в Турции представляет собой не только кузницу военного дела, но и определенную структуру формирования турецкого общества. В этом контексте прослеживается мысль исследователя о том, что в сознании рядовых граждан Турции, в первую очередь мужчин, существующая в стране милитаристская пропаганда с детства закладывает идею о чрезмерной важности и необходимости прохождения военной службы, без которой, к примеру, невозможно дальнейшее трудоустройство и создание семьи. Таким образом, в сознании турецких граждан формируется «формула идеального гражданина», в соответствии с которой под «идеальным гражданином» прежде всего понимается идеальный солдат<sup>241</sup>. В более широком смысле данную теорию подтверждает используемый Вооруженными силами Турции слоган «Мощная Турция – мощная армия» (тур. – güçlü Türkiye – güçlü ordu)<sup>242</sup>, в соответствии с которым военная сфера в Турции на официальном уровне рассматривается в качестве одного из важнейших элементов сильного и успешного государства и несокрушимой нации,

---

<sup>240</sup> Her aman ve her yerde Türk Silah Kuvvetlerimizin yanındayız // Twitter. – 10.10.2019. – URL: <https://twitter.com/aselsan/status/1182014548301303809> (дата обращения: 10.08.2024).

<sup>241</sup> Öztan G.G. Türkiye’de Militarizm. Zihniyet, Pratik, Propaganda. – İstanbul: Ayrıntı Yayınları, 2018. – С. 214.

<sup>242</sup> TSK’nin tartışılan sloganı değişti // Milliyet. – 28.06.2010. – URL: <https://www.milliyet.com.tr/amp/siyaset/tsknin-tartisilan-slogani-degisti-1256313> (дата обращения: 10.08.2024).

что в действительности является частью хорошо продуманной имиджевой политики страны.

Таким образом, турецкая политика «мягкой милитаризации» внутри- и внешнеполитических процессов государства, по своей сути представляющая собой госзаказ правящей партии, в краткосрочной перспективе с наибольшей степенью вероятности будет укрепляться, поскольку для такого сценария в современной Турции существует ряд условий и предпосылок. Принимая во внимание сдержанность, а в большинстве случаев – поддержку гражданского населения в вопросе укрепления в обществе такого рода тенденций, а также благосклонность к промилитаристской пропаганде политической элиты страны, в том числе оппозиции, можно констатировать, что на внутривнутриполитической арене Турции идеи ПСР действительно находят своеобразный отклик и в той или иной степени являются успешными.

Однако вопрос заключается в том, насколько такого рода политика, конечной целью которой все же является повышение статуса Турецкой Республики именно на международной арене, будет оправдывать себя в контексте существующих внешнеполитических реалий. В этой связи стоит отметить, что модель турецкого «мягкого милитаризма» скорее больше подходит для осуществления исключительно внутривнутриполитических целей государства по консолидации населения вокруг какой-либо общенациональной идеи, в рамках которой сближающим фактором сегодня является армия.

Нежизнеспособность турецкого милитаризма во внешней среде объясняется, прежде всего, принципиальной разницей восприятия внутри- и внешнеполитическими субъектами предмета милитаристской политики Турции, которым также выступает армия в широком смысле этого слова. Если внутри страны механизмы по возвеличиванию военной сферы работают либо по причине политической неосведомленности и недостаточного уровня образования населения, либо, что маловероятно, простого чувства патриотизма, то на международной арене подобная милитаристская деятельность Турции может не

только не вызывать одобрения, но и наоборот – являться сдерживающим фактором в вопросах выстраивания отношений и развития сотрудничества.

Вероятно, при формировании внешнеполитического вектора турецкого милитаризма правящие круги Турецкой Республики не учли важный нюанс, заключающийся в том, что, в отличие от положения дел внутри страны, на международной арене почитать и уважать Турцию только лишь за ее в действительности относительно мощную армию и не менее относительные успехи в военном станут не все акторы международного сообщества.

В том случае, если властная элита страны, напротив, рассчитывала заполучить международный авторитет путем «устрашения» мирового сообщества силовым фактором, то такого рода планы в еще большей степени заранее были обречены на неудачу: в данном контексте «мягкий милитаризм» граничил бы с его «жесткой» вариацией, а значит автоматически внес Турцию в число так называемых «стран-изгоев», угрожающих всеобщему миру и стабильности.

Тем не менее, в настоящий период времени достаточно амбициозная деятельность Турецкой Республики по увеличению количества зарубежных военных баз и несанкционированному военному вмешательству в приграничные государства с одной повышает авторитет Турции глазах части мирового сообщества, с другой – в большинстве случаев вызывает негативную реакцию ключевых акторов международных отношений, нередко обостряя взаимодействие Турции с ее союзниками, в том числе в рамках Североатлантического альянса.

Таким образом, основополагающие принципы полицентричного мироустройства, в систему которого Турция стремится встроиться в качестве надрегионального игрока, предполагают формирование определенного баланса сил, и в целом мало соотносятся с легализацией военно-политической деятельности Турецкой Республики на территориях иностранных государств. Следовательно, до тех пор, пока на международной арене будет действовать закрепленный в Уставе

ООН принцип неприменения силы или угрозы силой<sup>243</sup>, а несанкционированные военные кампании продолжают расцениваться как акт агрессии, на внешнеполитическом пространстве идеи турецкого милитаризма, даже в его «мягкой» форме, с наибольшей степенью вероятности не найдут отклика у международного сообщества, в том числе у ключевых военно-политических союзников Анкары.

### **Выводы по главе**

Современное понимание безопасности в международных отношениях претерпело фундаментальную трансформацию, выйдя за рамки классических реалистских интерпретаций, ориентированных на военную мощь и территориальную оборону. В условиях формирующейся полицентричной и конфликтогенной мировой системы безопасность представляет собой сложную конструкцию, в которой переплетаются идеологические и символические ресурсы, отражающие как внутренние, так и внешние элементы устойчивости государства.

Комплексный анализ политико-правовых подходов Турции к обеспечению безопасности позволил выделить специфику национальной модели, сочетающей историческую «травму» геополитической утраты с идеологической наследственностью «кемализма» и адаптацией страны к современным вызовам. В данной модели безопасность встраивается в систему вертикали власти, подчиняясь логике президентского контроля, но при этом сохраняет гибкость через децентрализованные механизмы реагирования, включая разведывательные, военные и гуманитарные каналы. Одной из особенностей политико-правовых подходов Турции к пониманию безопасности и классификации угроз является отсутствие открытых внешнеполитических документов и доктрин в этой области.

Особого внимания заслуживает концепт «мягкого милитаризма», представляющий собой форму символического и идеологического использования военного ресурса в целях внутренней консолидации общества и создания

---

<sup>243</sup> Устав ООН // ООН. – URL: <https://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-i/index.html> (дата обращения: 10.08.2024).

соответствующего национальным интересам внешнеполитического образа государства и армии. В условиях политической эволюции Анкары армия сохраняет статус структурообразующего института, однако не столько через институциональное доминирование и прямое вовлечение в политические дела, сколько посредством участия в производстве смыслов, легитимации власти и мобилизации общества. За пределами Турции промилитаристская риторика, как правило, воспринимается не как выражение субъектности, а как угроза региональной стабильности и нарушение принципов международного права, в том числе основополагающих положений Устава ООН. Таким образом, несмотря на то, что, по мысли правящих кругов Турецкой Республики, «мягкий милитаризм» является универсальным концептом для решения как внутри-, так и внешнеполитических задач, его внешнеполитический потенциал в некоторой степени ограничен низкой степенью восприимчивости внешнего мира к распространяемым Турцией идеологическим нарративам и действиям.

## **Глава 2. Турция в урегулировании международных конфликтов на Западе и Незападе**

### **2.1. Подходы Турции к урегулированию международных и региональных конфликтов**

Современная Турецкая Республика преследует цель встроиться одновременно в региональную и международную систему безопасности, что объясняет ее вовлеченность в региональные и надрегиональные конфликты. Более того, позиция лидера Турции о том, что «Мир больше пяти» (постоянных членов Совета Безопасности ООН)<sup>244</sup>, наиболее точно отражает подход государства, в соответствии с которым проблемы глобального характера, в том числе и такие как решение международных конфликтов, должны находиться не только в ведении международных акторов. При этом в условиях нахождения мира в цикле «условно конфликтного состояния» – положении, предшествующем глобальному конфликту и характеризующимся множеством локально-региональных столкновений, Турецкая Республика в большинстве случаев предпочитает роль медиатора и задействует иные – более жесткие – методы урегулирования в ситуациях, затрагивающих ее «экзистенциальные потребности».

Вооруженный конфликт в Сирии, в урегулировании которого Турция принимала активное участие, является не единственным столкновением, затрагивающим интересы современной Анкары. Политика, реализованная Анкарой для урегулирования сирийского конфликта, является частным примером классического поведения Турции в случае, когда протестное движение в короткие сроки перерастает в полноценный вооруженный конфликт, представляющий угрозу ее интересам и безопасности, однако Турецкой Республике свойственно применение и других подходов к разрешению региональных и международных конфликтов.

Стоит отметить, что объединяющим фактором, характеризующим политику Турции в урегулировании практически всех видов конфликтов, является

---

<sup>244</sup> Erdoğan R.T. Daha Adil Bir Dünya Mümkün. İstanbul: Turkuvaz Kitap, 2021. – P. 132.

обязательная поддержка официальной Анкарой одной из конфликтующих сторон, как правило подаваемая как простое «посредничество». Турецкой Республике свойственно прямое или косвенное участие в конфликте на стороне одной из противоборствующих сил даже в том случае, если инициатива носит примирительный или миротворческий характер и предполагает, что медиаторы должны придерживаться позиции нейтралитета. Такое восприятие может быть объяснено исторической привычкой: политика Турции почти всегда характеризовалась поиском союзников, а также их внезапным изменением ввиду маятниковости внешнеполитического курса, что является еще одной особенностью поведения государства в условиях повышенной конфликтности и нестабильности.

Во время Второй мировой войны, например, политика нейтралитета, объявленная Турцией, вошла в отечественную историографию как «недружественный (по отношению к Советскому Союзу) нейтралитет»<sup>245</sup>, поскольку, формально не участвуя в военных действиях, Турецкая Республика осуществляла торговлю с фашистской Германией, а на границе с СССР (в регионе Кавказа) практически с начала войны были дислоцированы многочисленные дивизии турецкой армии<sup>246</sup>. При этом позднее, осознав неизбежность капитуляции Германии, Турция приступила к выстраиванию контактов с союзниками, но дипломатические отношения с Германией разорвала лишь в августе 1944 г.<sup>247</sup>.

Суть современной турецкой политики в целом осталась неизменной: она проводится в тех же рамках, которые лишь наполняются новыми идеями и смыслами. Цель участия Турецкой Республики в урегулировании международных и региональных конфликтов в широком смысле – обеспечение безопасности во имя всеобщего благосостояния и поддержания международной стабильности; в более узком – защита национальных интересов наряду с распространением своего влияния и – в случаях возникновения приграничных конфликтов – обеспечение

---

<sup>245</sup> Киреев Н.Г. История Турции XX век. – М.: ИВ РАН: Крафт+, 2007. – С. 199.

<sup>246</sup> Поцхверия Б.М. Внешняя политика Турции после Второй мировой войны / Отв. ред. П.П. Моисеев. – М.: Наука, 1976. – С. 521.

<sup>247</sup> Вступление Турции во Вторую мировую войну // ТАСС. – 28.02.2015. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/1784494> (дата обращения: 30.03.2025).

собственной безопасности. Говоря о конкретных подходах, применяемых Турцией в контексте урегулирования отдельных кейсов межгосударственных и других конфликтов, можно выделить следующую классификацию: подход, базируемый на религиозном факторе; подход, в основе которого заложен этнический фактор, и военный (милитаристский) подход. При этом важно, что все вышеперечисленные подходы, как уже отмечалось ранее, в большинстве случаев на практике в той или иной форме содержат в себе посредническую компоненту.

Подход к разрешению конфликтов с религиозной спецификой – применяется Турцией в основном в странах арабского мира или регионах с преимущественно мусульманским населением. Официальные лица и правящая элита неоосманской Турецкой Республики, прежде всего, в лице правящей Партии справедливости и развития (ПСР), возникшей вследствие закрытия двух происламистских партий<sup>248</sup>, рассматривают государство не только в качестве ключевого игрока регионального и надрегионального пространства, но и как лидера исламского мира, а в последнее время – как основного адвоката и защитника мусульманских народов. При этом достаточно интересным является тот факт, что, во-первых, рассуждая об объединении всего исламского мира под своей эгидой Турция, в соответствии с основным законом страны, является светской, а, во-вторых, что ее адвокация – в лучших традициях турецкой политики посредничества – имеет значимый перевес в сторону мусульман-суннитов, права и интересы которых Турция отстаивает в большей степени.

Одним из наиболее ярких примеров конфликта, в рамках которого Турцией применяется такого рода конфессиональный и граничащий с панисламизмом подход, является самое продолжительное в современной истории арабо-израильское противостояние. В этом конфликте Турецкая Республика принимает косвенное участие, в большей степени призывая международные структуры обратить внимание на происходящее, тем самым защищая интересы единоверцев в

---

<sup>248</sup> Ислам на современном Востоке / Отв. ред.: В.Я. Белокреницкий, А.З. Егорин. – М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004. – С. 226.

лице палестинцев и нередко делая акцент именно на религиозной составляющей. При этом важно, что пропалестинская риторика Анкары нередко усиливается за счет имеющихся разногласий с руководством Израиля и исторических претензий Турции как наследницы Османской империи на «оккупированные» земли. Показательно, например, что еще А. Давутоглу, будучи премьер-министром Турции, называл Иерусалим не иначе как «Аль-Кудс» (арабское наименование города) и провозглашал данный вопрос «внутренним делом<sup>249</sup>» Турции.

Лидер Турции Р.Т. Эрдоган использует резкие антиизраильские высказывания в своей риторике. Примечательно, что глава Турецкой Республики обращает внимание общественности на «ущемления» прав мусульманских народов преимущественно на международных общественных или исламских площадках, где сконцентрировано наибольшее количество представителей исламского мира и религиозных элит.

Например, Р.Т. Эрдоган рассуждал о «бесчеловечной блокаде в Газе и незаконной деятельности по созданию поселений<sup>250</sup>» в ходе 74-й Генеральной ассамблеи ООН, а в 2019 г. обратился к присутствующим с трибуны Организации исламского сотрудничества (ОИС) на чрезвычайном заседании Исполнительного комитета организации со следующими словами: «Главная обязанность организации – защищать права нашей первой киблы в Иерусалиме, которая подвергается постоянным преследованиям и нападениям со стороны властей Израиля. Нам необходимо защищать права Палестины перед лицом жестокости Израиля<sup>251</sup>». Не осталась без внимания и популистская риторика Р.Т. Эрдогана, адресованная в том числе внутривосточным религиозным кругам. В декабре 2017 г., выступая на конгрессе «Партии справедливости и развития», президент

---

<sup>249</sup> Корочкина В.А. Исламский фактор в отношениях между Турцией, Палестиной и Израилем // Труды Института Востоковедения РАН. – 2019. – № 20. – С. 224.

<sup>250</sup> Birleşmiş Milletler 74. Genel Kurulu'nda Yaptıkları Konuşma // Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı. – 24.09.2019. – URL: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/109804/birlesmis-milletler-74-genel-kurulu-nda-yaptiklari-konusma> (дата обращения: 30.03.2025).

<sup>251</sup> İslam İşbirliği Teşkilatı Acil İcra Komitesi Toplantısında Yaptıkları Konuşma // Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı. – 22.03.2019. – URL: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/102639/islam-isbirligi-teskilati-acil-icra-komitesi-toplantisinde-yaptiklari-konusma> (дата обращения: 30.03.2025).

Турции обвинил Израиль в репрессиях и назвал его «государством-террористом<sup>252</sup>».

После обострения обстановки в Газе в октябре 2023 г. Р.Т. Эрдоган и вовсе перешел к жестким высказываниям, неоднократно сравнивая премьер-министра Израиля Б. Нетаньяху с А. Гитлером<sup>253</sup>. Тем не менее, стоит отметить, что подобная риторика, озвучиваемая первыми лицами Турецкой Республики, в действительности имеет деструктивный характер и, предположительно, скорее приведет к дальнейшей эскалации межнациональных и межконфессиональных противоречий, чем к урегулированию многолетнего арабо-израильского конфликта.

Важную роль в содействии мусульманскому населению Турция также оказывает посредством некоммерческих гуманитарных и других общественных организаций, функционирующих в основном на территории Восточного Иерусалима. Среди них Турецкое агентство по международному сотрудничеству и координации (ТІКА), реализующее массу проектов на оккупированных землях; поддерживаемый Р.Т. Эрдоганом «Фонд защиты прав и свобод человека и гуманитарной помощи» (ІНН); запрещенная в Израиле Организация по оказанию и развитию гуманитарной помощи «Kanadil», связанная с ХАМАС, и ряд других<sup>254</sup>.

Другим кейсом, где именно религиозный фактор стал определяющим в вопросе поддержки одной из конфликтующих сторон, является начальный этап цветной революции в Египте. С начала протестных выступлений в Арабской Республике Египет Турция совместно с Катаром – как одна из главных сил так называемой «суннитской дуги» – начала кампанию по защите интересов поддерживаемой ими стороны начинающегося конфликта<sup>255</sup>. Подход Турции

---

<sup>252</sup> Эрдоган назвал Израиль государством-террористом // Интерфакс. – 10.12.2017. – <https://www.interfax.ru/world/591208> (дата обращения: 30.03.2025).

<sup>253</sup> Президент Турции сравнил Нетаньяху с Гитлером // Lenta.ru. – 21.06.2025. – URL: <https://lenta.ru/news/2025/06/22/prezident-turtsii-sravnii-netanyahu-s-gitlerom/> (дата обращения: 29.06.2025).

<sup>254</sup> Корочкина В.А. Исламский фактор в отношениях между Турцией, Палестиной и Израилем // Труды Института Востоковедения РАН. – 2019. – № 20. – С. 224.

<sup>255</sup> Долгов Б.В. Феномен «арабской весны» 2011- 2016 гг.: Причины, развитие, перспективы. Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Алжир: монография / Отв. ред. И.Д. Звягельская. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – С. 155.

заклучался в оказании косвенной вербально-идеологической и другой поддержки экс-президенту Египта М. Мурси, аффилированному с «Братьями-мусульманами»<sup>256</sup>, идейные концепты которых разделяет Р.Т. Эрдоган.

Так, например, с целью приостановить протестные движения в Египте в 2013 г. молодежным крылом Партии справедливости и развития (ПСР) перед диппредставительствами Египта в Стамбуле и Анкаре были организованы акции под преимущественно происламистскими лозунгами «Мурси, умма с тобой!»<sup>257</sup> и другими. Несмотря на то, что тогда посредничество Анкары и Дохи не завершилось успехом, Р.Т. Эрдоган еще на протяжении долгого времени после свержения М. Мурси критиковал Европейский Союз<sup>258</sup> за отсутствие должной реакции и озвучивал антиегипетскую риторику против недружественного правительства А.Ф. ас-Сиси.

При этом интересно, что впоследствии Турция брала на себя роль медиатора в конфликте непосредственно между представителями суннитской ветви ислама, защищая своего давнего союзника – Катар. После того, как в 2017 г. сразу 8 арабских государств разорвали с Катаром дипломатические отношения и объявили экономическую блокаду лидер Турецкой Республики не только осудил монархии Персидского залива, но и совершил турне, в ходе которого посетил Саудовскую Аравию, Кувейт и Катар с целью примирения сторон. При этом важно, что Турция воспользовалась шансом укрепить свое влияние в регионе, практически сразу после начала кризиса разместив на военной базе в Катаре свой военный контингент<sup>259</sup>. Несмотря на то, что катарский «дипломатический кризис» не представляет собой вооруженный конфликт, он является показательным с точки

---

<sup>256</sup> Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

<sup>257</sup> İstanbul ve Ankara'da Mursi'ye destek gösterişeri (Акции в поддержку Мурси в Стамбуле и Анкаре) // Anadolu Ajansı. – 03.07.2013. – URL: <https://www.aa.com.tr/tr/dunya/istanbul-ve-ankarada-mursiye-destek-gosterileri/234597> (дата обращения: 31.03.2025).

<sup>258</sup> Эрдоган возмущен «Запад не осудил военный переворот в Египте» // News.ru. – 05.07.2013. – URL: <https://www.newsru.co.il/mideast/05Jul2013/erdogan8012.html> (дата обращения: 31.03.2025).

<sup>259</sup> Турция завершила переброску военных на базу в Катар // РИА Новости. – 20.07.2017. – URL: <https://ria.ru/world/20170720/1498811897.html> (дата обращения: 31.03.2025).

зрения готовности Турции отстаивать свои интересы даже в тех случаях, когда противостоять приходится таким политическим «тяжеловесам», как Эр-Рияд.

Аналогичная политика при разрешении региональных и субрегиональных конфликтов проводится Турцией и на Азиатском континенте. К примеру, в Южной Азии Турецкая Республика, несмотря на заявления о необходимости диалога между Пакистаном и Индией, активным образом поддерживает «братский» исламский Пакистан по кашмирскому вопросу, получая взамен поддержку Исламабада в ее борьбе с курдской Рабочей партией Курдистана (РПК), а также одобрение политики военных операций в Сирии. Не менее важным для Турции является и тот факт, что Пакистан разделяет позицию Турции по арабо-израильской проблематике, а также является одним из главных импортеров турецкой военной техники, тем самым способствуя Анкаре в том числе и в создании туркоцентричной системы безопасности в Азии. В настоящее время Турция поставляет Пакистану ударные вертолеты Т-129 АТАК, производимые турецкой оборонной компанией Turkish Aerospace Industries<sup>260</sup>.

Отдельным направлением внешнеполитической посреднической деятельности Турции в области урегулирования межэтнических и межрелигиозных конфликтов является Мьянма, где мусульмане народа рохинджа подвергаются систематическим преследованиям со стороны властей. Турецкая Республика как гарант обеспечения прав мусульман поставляет в регион гуманитарную помощь, а также критикует действия правящих элит Мьянмы, привлекая внимание общественности к проблеме. Как и в случае с Палестиной, Р.Т. Эрдоган предпочитает делать это посредством произнесения громких речей с трибуны ОИС.

Так, в 2017 г. на саммите Организации исламского сотрудничества по науке и технологиям в Астане лидер Турции заявил о жестоком обращении с

---

<sup>260</sup> Бородина М.Ю., Рыжов И.В. Особенности взаимоотношений Турции с государствами исламского мира // Труды Института Востоковедения РАН. – 2019. – № 20. – С. 212.

«мусульманскими братьями<sup>261</sup>» и несправедливом отношении к представителям национального меньшинства. Позднее на организованном ПСР мероприятии, посвященном празднованию Курбан-Байрама, глава Турции назвал происходящее «геноцидом<sup>262</sup>», добавив, что обсуждал данный вопрос с генеральным секретарем ООН и продолжит делать все возможное, чтобы донести до мирового сообщества факт происходящего в штате Ракхайн.

Что касается конфликтов, которые так или иначе затрагивают тюркоязычное население или близкие Турции по этнокультурным признакам народы, то в их урегулировании применяется иной подход. Вместе с тем стоит подчеркнуть, что в некоторых случаях решение определенной проблемы или конфликта требует применения совокупности подходов, которые могут сочетаться и взаимодополняться. Этнический фактор при урегулировании межгосударственных конфликтов задействован в политике Турции по решению кипрского вопроса.

При этом на начальном этапе конфликта этнический подход, выступающий в качестве первичного и основанный на всесторонней поддержке турок-киприотов, дополнялся вторичным – военным, примененным однократно в наиболее критической для интересов Турции ситуации. Так, изначально Турецкая Республика, принимавшая участие в процессе урегулирования ситуации, выступала против присоединения острова к Греции и отстаивала права общины турок-киприотов, однако после свержения президента Кипра греческими путчистами в 1974 г. Турция изменила тактику, перейдя от переговоров к жестким военным методам. Турция ввела на территорию острова свои войска, а в 1983 г. – единственная из зарубежных стран – признала образованную Турецкую Республику Северного Кипра<sup>263</sup>.

---

<sup>261</sup> Эрдоган заявил о готовности Турции помочь беженцам из Мьянмы // ТАСС. – 10.09.2017. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4549266> (дата обращения: 01.04.2025).

<sup>262</sup> Эрдоган назвал события в Мьянме «геноцидом мусульман» // РИА Новости. – 01.09.2017. – URL: <https://ria.ru/20170901/1501608067.html> (дата обращения: 01.04.2025).

<sup>263</sup> Druşotis M. Kıbrıs 1970-1974. EOKA B, Yunan Darbesi ve Türk İstilası. – Lefkoşa: Galeri Kültür Yayınları, 2006. – P. 477.

Отдельного внимания заслуживает политика Турецкой Республики на постсоветском пространстве. Специфика конфликтов, происходящих в данном регионе, заключается в том, что практически каждый из них носит межэтнический характер. Что касается Турции, то особым объектом ее интересов исторически является Нагорно-Карабахский конфликт, эскалация которого произошла осенью 2020 г. С начала вооруженных столкновений в начале 1990-х гг. Турция поддерживала «братский» Азербайджан, отношения с которым с момента обретения им независимости выстраиваются по принципу «одна нация – два государства». В 1993 г. Турция, например, существенно помогла Баку, закрыв турецко-армянскую границу<sup>264</sup>, а в период эскалации конфликта в 2020 г. стала одной из миротворческих сил, отвечающих за недопущение интенсификации конфликта.

В обоснование подобной посреднической деятельности власти Турции приводят аргумент о том, что безопасность дружественного Азербайджана расценивается Турцией как своя собственная, а, следовательно, вопрос ее обеспечения входит в сферу интересов Турецкой Республики, что подтверждает доминирование идейно-ценностных аспектов в вопросах, связанных с обеспечением безопасности. При этом, несмотря на отсутствие прямого участия военных подразделений Турции в конфликте, в ходе столкновений 2020 г. армянские военные обвиняли Анкару в фактическом участии в войне на стороне Азербайджана, в качестве доказательств обнародовав данные о том, что ВВС Турции координируют удары азербайджанских беспилотных летательных аппаратов<sup>265</sup>.

Несмотря на то, что Турция отвергла данные обвинения, вероятность турецкого содействия вполне велика учитывая тот факт, что на вооружении азербайджанской армии стоит преимущественно турецкая военная техника. При этом важно, что планы Анкары в Нагорном Карабахе осуществились не в полной

---

<sup>264</sup> Маркедонов С.М. Азербайджан: без друзей и без врагов // Россия и мусульманский мир. – 2007. – № 11. – С. 66.

<sup>265</sup> Минобороны Армении утверждает, что Турция корректирует удары БПЛА Азербайджана по Карабаху // ТАСС. – 11.10.2020. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9686347> (дата обращения: 01.04.2025).

мере, поскольку в созданном по итогам военных действий миротворческом центре по контролю за прекращением огня были представлены не только турецкие, но и российские миротворцы, ограничившие свободу действий Турции и направившие ее на путь постконфликтного миростроительства. Тем не менее, Р.Т. Эрдоган считает себя полноправным триумфатором, называя победу в Карабахе «общей победой» не только Анкары и Баку, но и всего «тюркского мира»<sup>266</sup> – особой подсистемы международных отношений, которую Турция активным образом формирует под своей эгидой.

Последнее особенно важно в контексте того, что в соответствии с логикой турецких провластных элит все тюркские республики постсоветского пространства входят в зону влияния Турции, а вопрос урегулирования возникающих в регионе конфликтов, исходя из этого, – в список первоочередных внешнеполитических задач Турецкой Республики. Особенно показательной в этом смысле стала реакция Турции на эскалацию приграничного киргизо-таджикского конфликта весной 2021 г., в рамках которого Турция одной из первых выступила за мирное разрешение проблемы и предложила свои посреднические усилия в процессе урегулирования<sup>267</sup>, в то же время заявив о готовности поставить Бишкеку свои БПЛА и РЗСО.

Данный кейс также интересен с точки зрения того, что это первый в истории случай, когда страна-член НАТО в перспективе может принять участие в разрешении разногласий между двумя странами-участниками ОДКБ. При этом в случае дальнейшего развития конфликта и при отсутствии других – более влиятельных – игроков в киргизо-таджикском споре Турция, предположительно, с наибольшей степенью вероятности в конечном итоге будет отстаивать интересы тюркской Киргизии, входящей в ряд туркоцентричных институтов и структур.

---

<sup>266</sup> Березовский Г. «Парад победителей»: Эрдоган приехал в Баку // Газета.ру. – 11.10.2020. – URL: [https://www.gazeta.ru/politics/2020/12/09\\_a\\_13392853.shtml](https://www.gazeta.ru/politics/2020/12/09_a_13392853.shtml) (дата обращения: 01.04.2025).

<sup>267</sup> Турция готова поддержать урегулирование между Таджикистаном и Киргизией // РИА Новости. – 01.05.2021. – URL: <https://ria.ru/20210501/turtsiya-1730855028.html> (дата обращения: 01.04.2025).

Помимо описанных выше подходов, в последнее время Турецкая Республика, которая стремится укреплять свое влияние не только в политическом, но и в военном смысле, при возникновении конфликтных ситуаций все чаще опирается на промилитаристский военный подход. Подход, основанный на задействовании военной силы, применяется Турцией преимущественно в зонах активных боевых действий, в частности, в ранее упомянутой Сирии, а также в Ливии и Йемене. При этом стоит отметить, что в каждом из регионов ориентированная на применение «жесткой силы» политика Турции имеет свою специфику.

Если в сирийском конфликте Турецкая Республика стремится устранить источник угроз путем проведения единоличных крупномасштабных военных операций, чередуя их с мирным переговорным процессом, то в Ливии, например, Анкара придерживается несколько иной тактики, посылая свой военный контингент в зону конфликта в качестве вспомогательной силы, а также реализуя свои интересы посредством аффилированной с Турцией ЧВК SADAT.

При этом стоит отметить, что в то время, как официальные лица Турции критикуют недоказанное участие бойцов других иностранных частных военных компаний в Ливии, мировые информационные агентства сообщают об аналогичной деятельности турецких ЧВК в Йемене, где Турция, формально не участвуя в войне, укрепляет свое военное влияние. В рамках данного конфликта Турция еще в 2015 г. поддержала инициированную Саудовской Аравией операцию в Йемене, заявив, что будет оказывать техническую и разведывательную поддержку коалиции, не принимая активного участия в военных действиях<sup>268</sup>.

При этом известно, что военизированная группировка или ЧВК «SADAT», возглавляемая А. Танрыверди, – отставным офицером и бывшим военным советником Р.Т. Эрдогана – не только осуществляет консультационные военные услуги, но и представляет собой логистический и тренировочный центр

---

<sup>268</sup> Осипян А.О. Турция и война в Йемене: трансформация подходов // Институт Ближнего Востока. – 14.02.2019. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=53351> (дата обращения: 01.04.2025).

джихадистов, причем не только в Йемене, но также в Турции, Сирии и Ливии<sup>269</sup>. Кроме того, Турция поддерживает деятельность в регионе исламистской партии «аль-Ислах» и «Братьев-мусульман<sup>270</sup>», а аффилированные с организацией структуры сами приглашают Анкару к сотрудничеству. Так, например, во время панельной дискуссии, организованной в июне 2020 г. Турецко-Йеменской Ассоциацией, финансируемой «Братьями-мусульманами<sup>271</sup>», глава Ассоциации М. Хумайкани заявил, что йеменцы ждут, когда такой настоящий партнер и союзник, как Турция, официально вступит в войну в Йемене<sup>272</sup>.

Таким образом, политика Турции в урегулировании международных и региональных конфликтов характеризуется сочетанием идеологических, этнических и военных подходов, направленных на защиту национальных интересов и усиление геополитического влияния. Анкара активно использует религиозный фактор в отношениях с мусульманскими странами, этнический – в делах тюркоязычных народов, а также прибегает к военной силе в случае прямой угрозы своей безопасности. Несмотря на заявленные цели по стабилизации регионов, действия Турции зачастую сопровождаются элементами одностороннего вмешательства, что одновременно способствует как укреплению ее позиций, так и росту напряженности в зонах конфликтов.

## **2.2. Участие Турецкой Республики в урегулировании международных конфликтов в рамках дихотомии «Запад-Незапад»**

Дихотомии в международных отношениях, представляя собой двойственные конструкции, играют важную роль в упрощенном моделировании сложных и многоуровневых процессов мировой политики. Они выполняют функцию аналитических инструментов, позволяющих структурировать глобальное

---

<sup>269</sup> Bozkurt A. Turkey's paramilitary group SADAT enlisted Yemen's radical cleric al-Zindani, a US-designated terrorist // Nordic Monitor. – 10.01.2021. – URL: <https://nordicmonitor.com/2021/01/turkeys-paramilitary-group-sadat-enlisted-yemens-radical-cleric-al-zindani-a-us-designated-terrorist/> (дата обращения: 03.04.2025).

<sup>270</sup> Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

<sup>271</sup> Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

<sup>272</sup> Cohen Yanarocak H.E. Is Yemen Turkey's Next Stop after Libya? // The Jerusalem Institute for Strategy and Security. – 20.07.2020. – URL: <https://jiss.org.il/en/yanarocak-is-yemen-turkeys-next-stop-after-libya/#9> (дата обращения: 03.04.2025).

пространство, распределяя акторов и явления по противопоставленным категориям, отражающим доминирующие дискурсивные или институциональные парадигмы. Будучи основаны на поляризации политических, экономических, культурных и цивилизационных характеристик, дихотомии способствуют формированию устойчивых аналитических рамок, в которых интерпретируются международные конфликты, союзы, иерархии и поведенческие стратегии государств.

Среди наиболее часто используемых дихотомических оппозиций можно выделить следующие: «центр – периферия», «Север – Юг», «демократия – авторитаризм», «модерн – традиция», «глобализм – изоляционизм». Однако особую значимость в современном идейно-ценностном и геополитическом контексте приобретает дихотомия «Запад–Незапад»<sup>273</sup>, поскольку она не только отражает институционально-политическую реальность постбиполярного мира, но и формирует нормативные и ценностные ориентиры, определяющие легитимность международных акторов и их притязания на универсальность.

Истоки дихотомии «Запад–Незапад» в международных отношениях вероятно уходят корнями в колониальные и постколониальные дискурсы<sup>274</sup>, где Запад ассоциировался с прогрессом, модернизацией и «универсальными» нормами, тогда как Незапад – с отставанием, традиционализмом и периферийностью<sup>275</sup>. В современной интерпретации Запад включает в себя совокупность государств, прежде всего США, Канаду, страны Западной Европы, Австралию и Новую Зеландию, которые геополитически объединены через НАТО, ЕС и другие международные альянсы, а идейно-ценностно – через приверженность либеральной демократии, «западным ценностям», рыночной экономике и секулярной модели государства.

---

<sup>273</sup> Аватков В.А., Останин-Головня В.Д. Идейно-ценностное измерение мировой политики и дихотомия Восток – Запад // Свободная мысль. – 2022. – № 3 (1693). – С. 115–120.

<sup>274</sup> Воскресенский А.Д. Роль Запада в формировании международной системы и политика России // Сравнительная политика и геополитика. – 2016. – № 1 (22). – С. 59.

<sup>275</sup> Özensel E. Doğu Toplumlarında ve Türkiye’de Birlikte Yaşama Arayışı: Çokkültürlülük Mü? Yoksa Yeni Bir Model Mi? // Akademik İncelemeler Dergisi. – 2013. – V. 8. – №. 3. – P. 16.

К маркерам, позволяющим отнести актора или явление к западной части дихотомии, относятся институциональная принадлежность к евроатлантическим структурам, практики либерального парламентаризма, а также риторика универсализма и лидерства. Запад позиционирует себя как носитель универсальных ценностей и нормативных стандартов, арбитр и гегемон в вопросах глобальной безопасности и международного порядка.

С другой стороны, Незапад представляет собой не просто совокупность государств, не входящих в западные альянсы, но и поле активного сопротивления и противопоставления себя нормативной и идейно-ценностной гегемонии Запада<sup>276</sup>. На пространстве Незапада формируются альтернативные подходы к международному взаимодействию, отличные от стандартов, продвигаемых современным Западом. Полицентричность незападного мира<sup>277</sup> проявляется как в государствах с различным политическим строем и формами правления, объединенных стремлением к стратегической автономии, цивилизационному суверенитету и отказу от универсалистских претензий либерального Запада<sup>278</sup>.

Следовательно, дихотомия «Запад–Незапад» функционирует не только как аналитическая рамка, но и как политический инструмент. Через нее осуществляется маркировка «своих» и «чужих», формируется архитектура коалиций, легитимизируются санкции и интервенции. В этом контексте особое значение приобретает позиционирование Турции, находящейся на цивилизационном, геополитическом и идейном разломе между двумя полюсами<sup>279</sup>.

Наглядным проявлением напряженности и конфликтности в рамках дихотомии «Запад–Незапад» становятся действия и внешнеполитическое позиционирование таких государств, как Китай, Индия, Россия, Иран и Бразилия,

---

<sup>276</sup> Идеи и ценности во внешней политике России, государств Ближнего и Постсоветского Востока: коллективная монография / ИНИОН РАН; отд. Ближнего и Постсоветского Востока; отв. ред. В.А. Аватков. – Москва, 2025. – 132 с.

<sup>277</sup> Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России: Научное издание. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. – 480 с.

<sup>278</sup> Özensel E. Doğu Toplumlarında ve Türkiye’de Birlikte Yaşama Arayışı: Çokkültürlülük Mü? Yoksa Yeni Bir Model Mi? // Akademik İncelemeler Dergisi. – 2013. – V. 8, № 3. – P. 16.

<sup>279</sup> Yerdelen B.K. Doğu-Batı ekseninde Batı’nın farklıları izdüşümleri // Uluslararası Sosyal Araştırmalar Dergisi. – 2016. – V. 9, № 45. – P. 254.

каждое из которых формирует собственную траекторию взаимодействия с глобальными структурами, не прибегая к прямой интеграции в западные альянсы. Посредством экономической экспансии, инфраструктурных инвестиций и развития институциональных механизмов (ШОС, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, инициатива «Один пояс – один путь») Китай выстраивает альтернативную модель мирового развития, претендуя на создание устойчивой системы международных отношений, конкурирующей с западным порядком<sup>280</sup>.

Индия, несмотря на демократический строй и участие в западных форумах (например, G20 или QUAD), продвигает полицентричную архитектуру, отстаивая свою стратегическую автономию и выстраивая партнерства в рамках Глобального Юга<sup>281</sup>. Россия и Иран опираются на идеологию суверенитета, антигегемонизма и сопротивления западному вмешательству, активно формируя нарративы цивилизационной уникальности и альтернативных моделей модернизации<sup>282</sup>. Бразилия, представляющая собой латиноамериканский пример «незападной» демократии, акцентирует внимание на региональной интеграции (в рамках MERCOSUR и CELAC), экологической повестке и отказе от универсализации ценностей<sup>283</sup>.

На этом фоне Турция демонстрирует уникальный пример двойной привязанности и гибридного позиционирования<sup>284</sup>: оставаясь частью западной институциональной архитектуры (НАТО, таможенный союз с ЕС), она одновременно активно участвует в формировании незападных коалиций, развивает отношения с Россией, Китаем, странами Средней Азии и Ближнего Востока, а

---

<sup>280</sup> Виноградов А.В. «Однополярная Азия»: китайский региональный порядок // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2021. – Т. 65, № 3. – С. 23-27.

<sup>281</sup> Володин А.Г. «Треугольник» Москва - Дели - Пекин в системе внешней политики Индии // *Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – 2022. – Т. 15, № 6. – С. 8.

<sup>282</sup> Идеи и ценности во внешней политике России, государств Ближнего и Постсоветского Востока: коллективная монография / ИНИОН РАН; отд. Ближнего и Постсоветского Востока; отв. ред. В.А. Аватков. – Москва, 2025. – 132 с.

<sup>283</sup> Крылов Д.С., Глухов И.Д. Восточный вектор расширения БРИКС: синергия Ближнего Востока и Латинской Америки // *Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – 2023. – Т. 16, № 6. – С. 90.

<sup>284</sup> Özensel E. Doğu Toplumlarında ve Türkiye’de Birlikte Yaşama Arayışı: Çokkültürlülük Mü? Yoksa Yeni Bir Model Mi? // *Akademik İncelemeler Dergisi*. – 2013. – № 3. – P. 16.

также артикулирует концепцию «Тюркского мира»<sup>285</sup>. Это сочетание институционального встраивания в западные структуры с вовлеченностью в незападные нарративы и альтернативные форматы регионального лидерства делает Турцию особенно актуальным объектом анализа в контексте международных конфликтов. В отличие от Китая или Ирана, стремящихся к системной трансформации мировой архитектуры, Турция не предлагает универсальной альтернативы, но активно использует гибкость своей позиции для перераспределения влияния, что проявляется как в двусторонней дипломатии, так и в многосторонних инициативах, включая посреднические миссии, военное присутствие и гуманитарную активность в кризисных регионах.

Геополитическое положение Турецкой Республики дает ей статус уникального стратегического субъекта, обладающего потенциалом сопряжения разнонаправленных политических, культурных и цивилизационных векторов, что, в свою очередь, обеспечивает ей особую роль в архитектуре современного международного порядка. Эта уникальность обусловлена не только ее расположением на пересечении европейского и азиатского континентов, но и историко-культурным наследием Османской империи, чье влияние охватывало обширные пространства, находящиеся как в пределах западной, так и восточной геополитической парадигмы<sup>286</sup>.

С момента провозглашения Турецкой Республики в 1923 г. государственная элита предпринимала последовательные шаги по интеграции в западные политические, экономические и военно-стратегические структуры, что рассматривалось как гарантия модернизации, стабильности и суверенного развития на фоне распада прежнего имперского устройства. Эта ориентация нашла свое выражение в реализации масштабных кемалистских реформ, включающих принятие светской модели государственного управления, а также в

---

<sup>285</sup> Аватков В.А., Гузаеров Р.И. «Мир больше пяти», или справедливость по-турецки // Современная Европа. – 2023. – № 1 (115). – С. 194-201.

<sup>286</sup> Yerdelen B.K. Doğu-Batı ekseninde Batı'nın farklıları izdüşümleri // Uluslararası Sosyal Araştırmalar Dergisi. – 2016. – № 45. P. 254.

институциональном участии в таких организациях, как Совет Европы и Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), подчеркивающих приверженность Анкары принципам западного международного сообщества<sup>287</sup>.

В условиях биполярного мира периода Холодной войны Турция приобрела значение ключевого стратегического союзника США, выполнявшего функцию южного форпоста НАТО и буферной зоны между Советским Союзом и странами Ближнего Востока. В этой конфигурации Турция не только предоставляла инфраструктуру для размещения объектов военно-технического контроля, включая радарные системы и военные базы, но и активно вовлекалась в оперативную деятельность Альянса, включая миссии на Балканах, в Афганистане и других регионах. Несмотря на такую тесную сопряженность с западной системой безопасности, процесс евроинтеграции Турции оставался незавершенным: Европейский союз, невзирая на продолжительные переговоры и институциональные уступки Анкары, так и не принял ее в свои ряды, что породило глубокие разочарования и сомнения в искренности западных намерений<sup>288</sup>.

С наступлением XXI века, на фоне нарастающей фрагментации глобального порядка и усиления внутренних социальных и политических трансформаций, внешнеполитическая стратегия Турции начала приобретать черты прагматичной многовекторности, в рамках которой Анкара формулирует собственные национальные интересы, выходящие за рамки трансатлантической логики. С приходом к власти Партии справедливости и развития (ПСР) и в особенности под руководством действующего главы республики Р.Т. Эрдогана был инициирован отход от парадигмы односторонней прозападной зависимости в пользу более самостоятельной модели, основанной на концептах «стратегической автономии» и «регионального лидерства»<sup>289</sup>.

---

<sup>287</sup> Киреев Н.Г. История Турции XX век. – М.: ИВ РАН: Крафт+, 2007. – 608 с.

<sup>288</sup> Аватков В.А. Государство-предопределение: государство мира или войны? // Право и политика. – 2019. – № 5. – С. 103.

<sup>289</sup> Balcı A. Türkiye Dış Politikası: İlkeler, Aktörler ve Uygulamalar. 3. Baskı. – İstanbul: ALFA, 2017. – P 36.

В числе приоритетных направлений обновленной внешнеполитической доктрины оказалось углубление сотрудничества с незападными государствами и организациями, что стало отражением стремления Турции к формированию альтернативных, более гибких международных связей. Особое место в этой конфигурации заняли отношения с Российской Федерацией, развитие которых сопровождалось как элементами конкуренции в ряде региональных конфликтов (Сирия, Ливия, Южный Кавказ), так и успешными примерами кооперации в энергетике («Турецкий поток») и военно-технической сфере. Так, закупка ЗРК С-400 у России вызвала негативную реакцию со стороны США, включая санкционные меры и исключение Турции из программы истребителей F-35, что наглядно продемонстрировало глубину расхождений между союзниками по НАТО<sup>290</sup>.

Параллельно с российским вектором Турция активизировала взаимодействие с Ираном, что проявилось в совместных действиях в рамках астанинского формата по урегулированию сирийского кризиса, а также в совместной работе над вопросами трансграничной безопасности, управления миграционными потоками и энергетического сотрудничества<sup>291</sup>. Более того, растущее внимание к инициативе Китая «Один пояс – один путь» позволило Анкаре расширить свое влияние в пространстве Евразии, подключаясь к новым логистическим и инфраструктурным проектам с глобальной перспективой<sup>292</sup>.

Современный конфликт на Украине, активная фаза которого началась в феврале 2022 г. в связи с проведением Российской Федерацией специальной военной операции, стал одним из ключевых вызовов для региональной стабильности. В данном контексте Турция заняла позицию, сочетающую элементы

---

<sup>290</sup> Гузаеров Р.И. «Армия и внешняя политика Турции: современное состояние ПВО» // Вестник Забайкальского университета. – 2022. – № 9. – С. 35.

<sup>291</sup> Гузаеров Р.И., Баскаков И.Д. Иран и Турция после Второй карабахской войны // Россия и новые государства Евразии. – 2024. – № 3 (64). – С. 139.

<sup>292</sup> Аватков В.А., Прилепский П.А. Китайско-турецкие отношения в «новую эпоху» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 188.

поддержки территориальной целостности Украины с сохранением каналов политико-экономического взаимодействия с Российской Федерацией<sup>293</sup>.

С точки зрения официальной внешнеполитической линии, Турция последовательно заявляет о непризнании изменений территориального статуса Крыма<sup>294</sup>. С 2014 г. Анкара сохраняет неизменную позицию относительно вхождения полуострова в состав России, указывая на несоответствие данного шага международному праву и подтверждая приверженность принципу суверенитета и территориальной целостности Украины. При этом в турецкой внешнеполитической риторике особое внимание уделяется правам крымскотатарского населения как исторически и культурно близкой этнической группы, что придает вопросу крымского статуса дополнительное гуманитарно-культурное измерение<sup>295</sup>.

Наряду с этим Турция активно участвует в поддержке Украины в военно-техническом и гуманитарном измерениях. Одним из наиболее известных направлений стала поставка украинской стороне турецких беспилотных летательных аппаратов Bayraktar, имевших значительное символическое и тактическое значение в начальной фазе конфликта<sup>296</sup>.

Важным направлением турецкой активности стала организация переговорного процесса между Россией и Украиной на начальных этапах конфликта<sup>297</sup>. Посредничество Турции в переговорах в Стамбуле, а также роль Анкары в согласовании и реализации «зерновой инициативы» при посредничестве ООН в 2022–2023 г., укрепили образ Турции как конструктивного медиатора, способного выстраивать диалог в условиях высокой конфронтации между

---

<sup>293</sup> Аватков В.А., Гудев П.А. Геополитика российско-турецких отношений в Черноморском регионе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2021. – Т. 23, № 3. – С. 348-350.

<sup>294</sup> Çinar H.Y. Rusya-Ukrayna Savaşının Türkiye-Ukrayna İlişkilerine İzdüşümü // İstanbul Kent Üniversitesi İnsan ve Toplum Bilimleri Dergisi. – 2024. – V. 5, № 1. – P. 18.

<sup>295</sup> Аватков В.А., Крылов Д.С. Идеино-ценностное воздействие Турции на процессы в информационном пространстве Республики Крым // Россия: общество, политика, история. – 2022. – № 5 (5). – С. 84-93.

<sup>296</sup> Аватков В.А., Гузаеров Р.И. Двусторонние отношения Украины и Турции при президенте В. Зеленском // Россия и новые государства Евразии. – 2022. – № 4 (57). – С. 36.

<sup>297</sup> Аватков В.А. Геополитическое измерение турецко-украинских отношений // Постсоветские исследования. – 2021. – № 4 (3). – С. 221.

основными сторонами. Эти усилия были направлены не только на деэскалацию конфликта, но и на демонстрацию способности Турции к внешнеполитическому маневрированию в рамках дихотомии «Запад–Незапад».

Такой подход можно назвать политикой «внеблокового посредничества», отражающей стремление Турции занять нишу самостоятельного медиатора в условиях глобальной фрагментации и кризиса традиционных альянсов<sup>298</sup>. Эта модель требует высокой степени дипломатической гибкости, способности адаптироваться к противоречивым интересам ключевых игроков и одновременно сохранять баланс между нормативной риторикой и прагматическими расчетами.

Таким образом, участие Турции в украинском кризисе представляет собой пример многослойной и сбалансированной внешнеполитической стратегии, в рамках которой сочетаются элементы солидарности с западными партнерами по вопросам территориальной целостности, с прагматичным подходом к сохранению политического диалога и экономического сотрудничества с Россией. Это подчеркивает стремление Анкары сохранять автономию внешнеполитических решений при высокой чувствительности региональной безопасности.

Отдельного внимания заслуживает кейс сирийского конфликта, где Турция, изначально позиционирующая себя в качестве активного регионального актора, в конце 2024 г. столкнулась с коренной трансформацией политической обстановки. После стремительного наступления боевиков, действующих под эгидой радикальной группировки «Хайят Тахрир аш-Шам» (ХТШ)<sup>299</sup> при негласной поддержке Анкары, произошло падение правительства Б. Асада, что изменило не только баланс сил внутри Сирии, но и дестабилизировало региональный статус-кво, к которому Турция стремилась адаптировать собственную стратегию сдерживания и влияния<sup>300</sup>.

---

<sup>298</sup> Гузаеров Р.И. «Стабилизирующая» Турция в нестабильном мире // Дискурс ПИ. – 2023. – Т. 20. – № 3. – С. 179.

<sup>299</sup> Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

<sup>300</sup> Yerdelen B.K. Doğu-Batı ekseninde Batı'nın farklıları izdüşümleri // Uluslararası Sosyal Araştırmalar Dergisi. – 2016. – V. 9, №. 45. – P. 256.

Данная ситуация потребовала от Турции незамедлительных и многоуровневых дипломатических усилий, направленных на предотвращение расширения зоны нестабильности, возможной гуманитарной катастрофы и трансграничной радикализации<sup>301</sup>. Анкара, используя как двусторонние механизмы, так и площадки многостороннего диалога, попыталась консолидировать позицию ключевых внешних акторов, включая Россию, Иран, а также государства Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, с целью формирования нового переговорного трека, обеспечивающего стабильность и недопущение повторного распространения конфликта за пределы Сирии<sup>302</sup>.

На фоне ослабления прежнего центра власти в Дамаске Турция интенсифицировала деятельность в северных и северо-западных районах Сирии, укрепляя военно-гуманитарное присутствие, активизируя взаимодействие с местными структурами и транслируя образ гаранта порядка в условиях государственного вакуума. Подобная практика соответствовала сложившейся доктрине турецкой внешней политики в регионе, где элементы «жесткой силы» сочетаются с инструментами институционального влияния и публичной дипломатии, направленной на формирование лояльных акторов и долгосрочного контроля за периферийными зонами безопасности.

Усиливая свое влияние в незападных регионах мира, Турция активно применяет инструментарий «мягкой силы», реализуя проекты в сфере культурной, гуманитарной и религиозной дипломатии. Наряду с этим, особое внимание уделяется формированию устойчивой идентификационной платформы, объединяющей исламский и тюркский мир на основе символических и институциональных механизмов взаимодействия, что обеспечивает Турции статус морального лидера и посредника в ряде затяжных конфликтов. Через деятельность таких институтов, как ТІКА, Управление по делам религий (Diyanet), а также

---

<sup>301</sup> Balçı A. Türkiye Dış Politikası: İlkeler, Aktörler ve Uygulamalar. 3. Baskı. – İstanbul: ALFA, 2017. – P. 369.

<sup>302</sup> Ibid.

многочисленных благотворительных организаций и просветительских структур, Анкара активно продвигает свое видение исламской солидарности, акцентируя внимание на идее религиозного единства и моральной ответственности мусульманских государств за судьбу исламского мира. Параллельно с этим осуществляется программа возрождения тюркской общности, включающая поддержку культурных, образовательных и языковых инициатив, направленных на институционализацию тюркского пространства от Балкан до Средней Азии, что создает основу для формирования горизонтальных связей, способствующих координации политических позиций<sup>303</sup>.

Эти процессы становятся фактором дополнительной легитимации внешнеполитических действий Турции в условиях международных конфликтов: демонстрируя способность выступать выразителем интересов широких цивилизационно и культурно сближенных регионов, Анкара получает моральное и политическое основание для посреднических миссий, гуманитарного участия и реализации миротворческих инициатив. Таким образом, «мягкая сила» Турции, опирающаяся на религиозную, этнокультурную и институциональную идентичность, трансформируется в эффективный инструмент внешнеполитического влияния, укрепляющий ее позиции в глобальной системе конфликтного взаимодействия<sup>304</sup>. Несмотря на внутренние противоречия и критику со стороны западных партнеров, касающуюся состояния демократии, прав человека и свободы прессы, Турция продолжает укреплять свое положение в качестве модели гибридной модернизации, сочетающей авторитарные механизмы управления с активной внешнеполитической экспансией<sup>305</sup>. Это делает турецкий опыт привлекательным для многих стран, ищущих альтернативу западным стандартам развития и безопасности.

---

<sup>303</sup> Аватков В.А. Идеино-ценностный фактор во внешней политике Турции // Вестник МГИМО Университета. – 2019. – Т.12, № 4. – С. 113-129.

<sup>304</sup> İnat K., Aslan A., Duran B. Kuruluşundan bugüne AK Parti. Dış politika. 2. Baskı. – İstanbul: SETA Kitapları, 2018. – P. 115.

<sup>305</sup> Аватков В.А., Евстафьев Д.Г. Постсоветская Евразия и глобальный институциональный кризис // Россия и современный мир. – 2024. – № 3 (124). – С. 42-58.

Дополнительное подтверждение самостоятельной траектории Анкары проявляется в ее участии в многосторонних платформах, выходящих за рамки западных альянсов. Например, положение диалогового партнера Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), участие в деятельности Организации тюркских государств (ОТГ), а также расширение контактов с африканскими странами в формате межрегионального партнерства, что создает новую институциональную конфигурацию взаимодействий и укрепляет международную субъектность Турции.

В совокупности эти процессы демонстрируют способность Турецкой Республики выстраивать многоуровневую и многомерную внешнеполитическую стратегию, в рамках которой дихотомия «Запад–Незапад» перестает быть жестким ограничением, а превращается в ресурс политической гибкости, дипломатического маневрирования и проекции силы в условиях нового мирового беспорядка<sup>306</sup>.

Особого внимания заслуживает участие Турецкой Республики в урегулировании и сопровождении международных конфликтов различной природы, включая как конфликты, сопряженные с повесткой западного политического сообщества, так и противостояния, актуализированные в рамках незападной политико-цивилизационной матрицы. Такая вовлеченность формирует у Анкары устойчивую репутацию гибкого актора, способного адаптироваться к многообразным сценариям кризисного реагирования, не ограничиваясь институциональной логикой одного из полюсов дихотомии.

Другим конфликтом, отражающим историко-цивилизационное расслоение Востока и Запада, является кипрский конфликт, который представляет собой одно из наиболее затяжных этнополитических противостояний в Восточном Средиземноморье. В рамках этого конфликта сочетаются постколониальное наследие, этническая стратификация и угрозы региональной безопасности<sup>307</sup>.

---

<sup>306</sup> Звягельская И. Ближневосточный клинч: Конфликты на Ближнем Востоке и политика России. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2014 г. – С. 121.

<sup>307</sup> Борисенко С.А. Новый виток эскалации напряженности в греко-турецких отношениях в 2022-2023 гг.: истоки и сущность // Вестник ученых-международников. – 2023. – № 3 (25). – С. 300.

Возникновение конфликта восходит к 1960 г., когда Республика Кипр получила независимость от Великобритании и была основана на принципах двунационального сосуществования греческой и турецкой общин. Однако в последующем десятилетии сложилась тенденция к перераспределению властных полномочий, сопровождавшаяся периодами напряженности, насилия и институциональной трансформации, в результате чего турецкая община оказалась исключенной из большинства государственных институтов.

В 1974 г. произошел военный переворот, организованный сторонниками объединения острова с Грецией, что послужило основанием для военной интервенции Турции<sup>308</sup>. Итогом операции стало установление контроля над северной частью острова, где впоследствии в 1983 г. была провозглашена Турецкая Республика Северного Кипра (ТРСК), признанная исключительно Турецкой Республикой.

На протяжении последующих десятилетий предпринимались попытки урегулирования конфликта в рамках переговорных форматов под эгидой ООН. Одним из наиболее известных примеров является План Генерального секретаря ООН Кофи Аннана (2004), поддержанный турко-киприотской стороной и отклоненный греко-киприотским большинством<sup>309</sup>. Несмотря на периодическую активизацию переговорного процесса, статус ТРСК остается ограниченным, а ситуация продолжает рассматриваться международным сообществом как нерешенный конфликт. Турция сохраняет широкомасштабное политико-экономическое взаимодействие с ТРСК, включая предоставление финансовой и инфраструктурной помощи, а также участие в процессах безопасности и административной поддержки. Эта модель взаимодействия формирует устойчивые

---

<sup>308</sup> Druşotis M. Kıbrıs 1970-1974. EOKA B, Yunan Darbesi ve Türk İstilası. – Lefkoşa: Galeri Kültür Yayınları, 2006. – P. 321.

<sup>309</sup> Кофи Аннан утвердил окончательный вариант плана всеобъемлющего урегулирования на Кипре // Новости ООН. – 01.04.2004. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2004/04/1051871> (дата обращения: 10.01.2025).

зависимости между двумя субъектами и определяет стратегический подход Турции к восточному Средиземноморью<sup>310</sup>.

Кипрский кейс иллюстрирует одну из особенностей турецкой внешнеполитической практики – использование формата частичного признания в качестве инструмента долгосрочной вовлеченности в региональные процессы. В рамках дихотомии «Запад–Незапад» данный пример демонстрирует, как нормы международного права и институты признания могут интерпретироваться различными акторами с учетом специфики геополитических интересов, правовых оснований и историко-культурных связей.

Кроме того, кипрский конфликт играет важную роль в формировании политического нарратива Анкары о несправедливости международной системы признаний, где либерально-западные принципы универсализма оказываются избирательно применимыми<sup>311</sup>. Отстаивая права турок-киприотов на самоопределение и политическое представительство, Турция позиционирует себя как защитника «забытого меньшинства», тем самым усиливая свое присутствие в международной правозащитной риторике – но в специфической, незападной ее интерпретации, связанной с культурной, религиозной и исторической солидарностью, а не с либеральной процедурной нормативностью.

В отличие от Кипра, где Турция вовлечена в конфликт с высоким уровнем институциональной плотности и прямым военно-политическим присутствием, участие Анкары в кризисе в Мьянме носит иные формы и отражает преимущественно гуманитарно-дипломатическую модель вовлеченности. Этот кейс представляет собой пример незападного конфликта, в котором Турция использует инструменты «мягкой силы», включая публичную дипломатию, межгосударственные каналы взаимодействия и деятельность специализированных агентств. Кризис в Мьянме, обострившийся с 2016 г., связан с насильственным

---

<sup>310</sup> Большое Средиземноморье как формирующаяся подсистема международных отношений / В.А. Аватков, М.М. Агазаде, В.В. Аникеев [и др.]. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательство "Аспект Пресс", 2023. – 664 с.

<sup>311</sup> Erdoğan R.T. Daha Adil Bir Dünya Mümkün. – İstanbul: Turkuvaz Kitap, 2021. – P. 115.

перемещением мусульманского меньшинства рохинджа, которое подверглось масштабным репрессиям со стороны вооруженных сил и местных администраций.

Реакция международного сообщества носила фрагментарный характер, в то время как Турция заняла последовательную позицию, выражавшуюся как в политических заявлениях на международных площадках, так и в практической поддержке сообществ, пострадавших от конфликта. Особое внимание уделялось гуманитарной составляющей кризиса, в частности, положению беженцев в Бангладеш.

Гуманитарные действия Турции координировались через государственные и негосударственные структуры, включая Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (ТІКА), Управление по делам религий (Diyanet), а также Фонд гуманитарной помощи (ИН). Эти организации осуществляли доставку продовольствия, медикаментов, предметов первой необходимости, а также реализовывали долгосрочные проекты, направленные на восстановление базовой инфраструктуры в лагерях временного размещения беженцев. Параллельно Анкара активизировала дипломатические усилия, включая работу в Организации исламского сотрудничества (ОИС), где поднимала вопрос о необходимости защиты прав рохинджа на международном уровне<sup>312</sup>.

Следует отметить, что участие Турции в урегулировании мьянманского кризиса не сопровождается институциональной привязкой к западным структурам и происходит вне рамок коалиционных форматов. Это указывает на альтернативную модель международной активности, опирающуюся на риторику культурной и религиозной солидарности, а также на двусторонние дипломатические каналы. Такая стратегия позволяет Турции позиционировать себя как государство, реагирующее на гуманитарные вызовы в соответствии с собственной внешнеполитической логикой и системой приоритетов.

---

<sup>312</sup> Watmough S.P. Turkey, the Rohingya crisis and Erdoğan's ambitions to be a global Muslim leader // The Conversation. – 13.09.2017. – URL: <https://theconversation.com/turkey-the-rohingya-crisis-and-erdogans-ambitions-to-be-a-global-muslim-leader-83854> (дата обращения: 10.01.2025).

Кейс Мьянмы демонстрирует, что наряду с вовлечением в институционализированные конфликты с высокой долей международно-правового фактора, Турция проявляет интерес и к незападным гуманитарным кризисам, где формальные механизмы коллективного реагирования оказываются недостаточно эффективными. Это расширяет репертуар ее внешнеполитических инструментов и подчеркивает амбиции по укреплению статуса как гуманитарного и морального актора в международных отношениях.

Сравнительный анализ внешнеполитической линии Турции в отношении конфликтов на Кипре, в Мьянме и на Украине позволяет выявить как общие черты внешнеполитического поведения, так и различия в инструментарии, риторике и степени вовлеченности, обусловленные спецификой каждого случая и позицией Турции в глобальной системе координат.

Кипрский кейс представляет собой пример долговременного политико-территориального противостояния, в котором Турция выступает не только как региональный актор, но и как прямой участник конфликта. Здесь реализуется стратегия институционализированной вовлеченности с элементами прямого контроля, включая военное присутствие, политическую поддержку частично признанного образования и финансирование его инфраструктурного и административного устройства. Риторически Турция обосновывает свою позицию как защиту интересов этнического меньшинства и исполнения международных гарантий, однако на практике наблюдается формирование устойчивой модели протекционистского взаимодействия. Это делает кипрский конфликт уникальным примером, где Турция выступает в качестве актора статус-кво, обеспечивающего сохранение сложившейся конфигурации влияния.

В случае с мьянманским кризисом Турция демонстрирует иную стратегию – преимущественно гуманитарно-дипломатическую<sup>313</sup>. Здесь отсутствует прямая территориальная или военно-стратегическая вовлеченность, а риторика

---

<sup>313</sup> Humanitarian Aid from TİKA to Myanmar // TİKA. – 26.12.2023. – URL: [https://tika.gov.tr/en/detail-humanitarian\\_aid\\_from\\_tika\\_to\\_myanmar/](https://tika.gov.tr/en/detail-humanitarian_aid_from_tika_to_myanmar/) (дата обращения: 28.08.2024).

сконцентрирована на защите прав мусульманского меньшинства рохинджа. Посредством гуманитарных агентств, таких как TİKA и Diyanet, Анкара реализует «мягкую силу», укрепляя свою репутацию в исламском мире как защитника религиозной и культурной идентичности. Эта политика соответствует модели морального лидерства, основанного на религиозной и цивилизационной солидарности, что отличает данный кейс от более прагматичной логики, наблюдаемой на Кипре.

Конфликт на Украине демонстрирует третий вектор внешнеполитического поведения Турции, сочетающий элементы поддержки международного правопорядка с прагматичной двусторонней политикой. Турция признает территориальную целостность Украины, включая Крым, поставляет оборонительную продукцию и участвует в гуманитарных инициативах. В то же время она отказывается от санкционной политики в отношении России, поддерживает экономическое сотрудничество и выступает посредником в переговорах. Эта стратегия представляет собой сбалансированную форму внеблокового посредничества, в рамках которой Турция стремится минимизировать издержки в отношениях с противоположными центрами силы, одновременно позиционируя себя как актор миротворческого типа.

Проведенное сопоставление позволяет выделить несколько структурных различий. Во-первых, различается степень институциональной плотности участия Турции: от прямого контроля и признания (Кипр), через гуманитарное участие (Мьянма), к комплексному многоуровневому посредничеству (Украина). Во-вторых, вектор нормативной риторики адаптируется в зависимости от контекста: от этнополитической автономии – к религиозной солидарности и далее – к международно-правовому универсализму. В-третьих, наблюдается различие в модели проекции влияния: через военное присутствие, через гуманитарную инфраструктуру и через дипломатическое позиционирование соответственно.

Данные кейсы демонстрируют гибкость и адаптивность турецкой внешнеполитической практики, которая, не будучи жестко институционализированной, ориентируется на многовекторную оценку выгод,

угроз и возможностей. Турция варьирует степень вовлеченности, риторику и формы воздействия в зависимости от регионального контекста, этнополитической или религиозной чувствительности, а также своего позиционирования в рамках дихотомии «Запад–Незапад». Эта модель указывает на формирование прагматично-гибридного внешнеполитического стиля, при котором нормативные аргументы используются как ресурсы дипломатического маневрирования, а не как универсализированные ценностные императивы.

Применение подобной модели особенно отчетливо проявляется в формате коалиционных операций и гуманитарных миссий, в которых Турция, будучи институционально включенной в западные альянсы, последовательно демонстрирует способность к автономному определению приоритетов и акцентов. Участие Турецкой Республики в ряде операций и миссий, инициированных под эгидой международных организаций, таких как НАТО и ООН, – в частности, в Афганистане, Боснии и Герцеговине, Косово, Ливии, а также в антипиратских инициативах в Аденском заливе – отражает высокую степень институциональной интеграции Анкары в архитектуру коллективной безопасности. Действуя в рамках коалиционных форматов, Турция демонстрирует приверженность принципам многостороннего урегулирования конфликтов и соблюдения международного права. Однако в большинстве случаев ее вовлеченность сопровождается реализацией собственной трактовки мандатов, позволяющей адаптировать интервенционные задачи к национальным приоритетам и стратегическим интересам.

Эта национальная интерпретация мандатов проявляется, в частности, в акцентах, расставляемых в публичной риторике, в структуре гуманитарных усилий и в характере взаимодействия с принимающими государствами. Турция придает значительное внимание культурной и религиозной компоненте своей активности, что позволяет ей одновременно соответствовать формальным требованиям международных операций и укреплять собственный образ ответственного, но самостоятельного участника глобальных процессов. В то же время такая модель участия дает Турции возможность проецировать влияние не только на уровне

военно-стратегического взаимодействия, но и посредством гуманитарной, образовательной и медийной деятельности, формируя долгосрочное присутствие в принимающих странах<sup>314</sup>.

Комплекс указанных примеров свидетельствует, что гуманитарная составляющая постепенно переходит из вспомогательной сферы в разряд центральных инструментов турецкой внешней политики<sup>315</sup>. Это проявляется в систематическом задействовании каналов официальной помощи и партнерских программ, направленных на обеспечение базовых потребностей населения в зонах конфликта или постконфликтной стабилизации. Турция активно участвует в поставках продовольствия, медикаментов, строительстве социальных объектов, а также в распространении образовательных и религиозных инициатив, координируемых как государственными (например, TİKA и Diyanet), так и неправительственными структурами. Данные действия нередко сопровождаются медийным освещением, что усиливает символический капитал Анкары и ее способность выступать выразителем «цивилизационной помощи» в рамках широкой культурной политики.

Кроме того, использование гуманитарных инструментов позволяет Турции выстраивать устойчивые каналы политико-социального взаимодействия с локальными сообществами и элитами, формируя тем самым мягкие формы зависимости и институционального сближения. Эта стратегия способствует росту воспринимаемой легитимности турецкого присутствия, а также расширяет поле ее дипломатической маневренности за счет снижения уровня межгосударственной конфронтационности. Таким образом, гуманитарная политика выступает не столько дополнением к силовой проекции, сколько самостоятельным элементом международной субъектности, обладающим высоким потенциалом воспроизводимости и институционального закрепления.

---

<sup>314</sup> Аватков В.А., Ирхин А.А., Демешко Н.Э. Формирование медийного образа «новой Турции»: содержательный аспект // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* – 2022. – Т. 15, № 5. – С. 133-150.

<sup>315</sup> Balcı A. *Türkiye Dış Politikası: İlkeler, Aktörler ve Uygulamalar.* 3. Baskı. – İstanbul: ALFA, 2017. – 400 с.

В результате совокупное участие Турции в международных конфликтах и стабилизационных инициативах формирует сложную модель политического поведения, характеризующуюся сочетанием элементов медиаторства, миротворчества и регионального интеграторства. При этом параллельное обращение к западным (институционально закрепленным) и незападным (нормативно-гибким, гуманитарным и религиозным) векторами позволяет Турции не противопоставлять себя ни одной из сторон глобальной дихотомии, а, напротив, конструировать многоуровневую субъектность. Такая субъектность опирается на прагматичную стратегию вовлеченности, при которой универсальные цели (мир, стабильность, развитие) сочетаются с селективным применением норм, ресурсов и партнерств.

Таким образом, в условиях нарастающей фрагментации международного порядка, кризиса нормативности и эволюции мировой архитектуры от иерархической модели к полицентричной конфигурации, Турецкая Республика демонстрирует способность к выстраиванию гибкой и адаптивной внешнеполитической траектории. Эта траектория основывается на стратегическом использовании дихотомии «Запад–Незапад» как не столько структуры ограничений, сколько инструмента возможностей, позволяющего Анкаре занимать позицию медиатора, культурного интегратора и регионального лидера.

Институциональное встраивание в западные форматы в сочетании с расширением влияния в незападных пространствах, активное применение «мягкой» и «жесткой силы», а также формирование самостоятельного нормативного дискурса свидетельствуют, что Турция занимает промежуточную, но все более влиятельную нишу в трансформирующейся системе международных отношений. Эта ниша подчеркивает потенциал Турции как самостоятельного архитектора региональной стабильности и глобального посредника нового типа.

Участие Турции в широком спектре международных конфликтов – от локализованных этнополитических противостояний и гуманитарных кризисов до полномасштабных вооруженных конфликтов – демонстрирует формирование у Анкары устойчивой модели гибридной внешнеполитической практики. В условиях

функционирования дихотомии «Запад–Незапад» Турция не только варьирует глубину и формат вовлеченности, но и активно конструирует собственную субъектность как посредника, участника гуманитарных процессов и регионального координатора, что позволяет ей занимать уникальную позицию между глобальными центрами силы, не растворяясь ни в одном из них.

### **2.3. Место и роль Турции в урегулировании конфликтов на Ближнем Востоке и в Северной Африке**

Помимо активного межгосударственного сотрудничества в области обеспечения и поддержания международной и региональной безопасности одной из особенностей политики Турции в данной области является ее вовлечение в процесс разрешения региональных конфликтов на приграничных с ней территориях. Учитывая особенности геополитического положения Турции, можно говорить о том, что вооруженные столкновения, происходящие на территории Ближнего Востока, представляют либо косвенную, либо – в особенно проблемных случаях – прямую угрозу безопасности Турецкой Республики. События «арабской весны» 2010-х гг. существенным образом изменили конфигурацию сил на ближневосточном пространстве, спровоцировав появление новых конфликтов, очагов напряженности, а, следовательно, и резкий рост региональной нестабильности<sup>316</sup>.

Одним из таких конфликтов стал так называемый сирийский кризис, в процессе урегулирования которого Турецкая Республика так или иначе принимала участие практически с момента его возникновения в результате массовых волнений, прокатившихся по странам региона и именуемых в отечественной историографии как «арабская весна». Стоит отметить, что до феномена «арабской весны» регион Ближнего Востока ранее уже испытывал разного рода потрясения в форме масштабных войн, революций и кризисов. К таким можно отнести арабо-израильский конфликт, послуживший причиной возникновения ряда других вооруженных столкновений<sup>317</sup>; ирано-иракскую войну; палестинскую проблему 1980-х гг. и так далее. Несмотря на то, что перечисленные выше конфликты оказывали негативное влияние на состояние безопасности Турции, Анкара по разным причинам фактически не принимала прямого участия в их урегулировании,

---

<sup>316</sup> Яковенко А.В. Ближний Восток: извлекать уроки из истории или повторять ее? // *Международная жизнь*. – 2015. – № 10. – С. 57.

<sup>317</sup> Хазанов А.М., Олимпиев А.Ю. *Войны на Большом Ближнем Востоке. 1960-е – 2016*. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2016. – С. 233.

а при возникновении существенных угроз предпочитала обращаться в международные инстанции, такие как Совет Безопасности ООН или НАТО. Кроме того, в XX веке в стратегию Турции по обеспечению региональной безопасности преимущественно входило присоединение к межгосударственным союзам, ответственным за поддержание региональной стабильности и оказание взаимопомощи в случае возможной агрессии. Так, например, помимо участия в Североатлантическом альянсе, в 1955 г. Турецкая Республика стала полноправным участником другого – ближневосточного – военно-политического блока под названием Организация центрального договора (СЕНТО).

В настоящее время подходы государства к вопросу региональной безопасности изменились: современная Турция использует фактор межгосударственного взаимодействия преимущественно для развития военно-технического потенциала и усовершенствования своей обороноспособности, в то время как участие в разрешении конфликтов разного уровня предпочитает оставлять на личном контроле, вырабатывая собственные стратегии их урегулирования и лишь изредка прибегая к вступлению в какие-либо коалиции или – учитывая самостоятельность и амбициозность современной Турции – формированию подобных.

Участие Турции в разрешении сирийского конфликта до падения правительства Б. Асада представляло собой наглядный пример поведения официальной Анкары в случае возникновения угрозы ее интересам и национальной безопасности. По своей сути сирийский конфликт является «дебютным» для Турции в вопросе ее прямого участия в процессе политического урегулирования такого рода конфликтных ситуаций. При этом стоит отметить, что на начальном этапе сирийского кризиса политика Турции в Сирии в значительной степени отличалась от той, что проводится властями страны в настоящее время<sup>318</sup>. Изначально Турецкая Республика встретила протестные акции в Сирии, которые

---

<sup>318</sup> Арабский кризис и его международные последствия / Под общ. Ред. А.М. Васильева. Отв. ред. А.Д. Саватеев, Л.М. Исаев. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – С. 189.

впоследствии трансформировались в крупные вооруженные столкновения, нерешительностью и заняла позицию выжидательного нейтралитета. В течение длительного времени Турция воздерживалась от каких-либо конкретных высказываний и комментариев<sup>319</sup>.

Исходя из этого можно заключить, что в Турецкой Республике, как и в ряде других государств, не ожидали размаха социальных протестов и восприняли их ненадлежащим образом. Правящие круги страны, вероятно, посчитали, что региональные политические режимы обладают достаточной устойчивостью к такого рода явлениям и расценили мысль об угрозе их существования и последующей дестабилизации региона как безосновательную<sup>320</sup>. Более того, предпосылки к возникновению нового очага напряженности в соседней Сирии, с которой Турция делит общую границу протяженностью в 910 километров, пришлось на период принятия незадолго до этих событий Министерством иностранных дел Турецкой Республики внешнеполитической доктрины «Ноль проблем с соседями», предписавшей Турции политику невмешательства во внутренние дела других государств и развитие взаимовыгодных отношений со всеми близлежащими государствами, в том числе в лице официального Дамаска<sup>321</sup>.

Тем не менее, вскоре власти Турции осознали реальное положение дел, в частности, свою неготовность открыто принимать позицию какой-либо из сторон конфликта и приняли решение активизировать массу средств и методов для извлечения из имеющейся ситуации выгоды. В действительности в сложившихся тогда условиях Анкара была поставлена перед выбором: следовать национальным ценностям и убеждениям в ущерб интересам ближневосточных стран-партнеров или же придерживаться более практичной политики относительно собственных

---

<sup>319</sup> Аватков В.А. Турецко-сирийское конфликтное взаимодействие в глобальном контексте: из 2011 г. в 2012 г. // Современный Ближний Восток - зона конфликтов: Сборник научных статей. - М.: МГИМО (У) МИД России, 2012. - С. 39.

<sup>320</sup> Шлыков П. Ближневосточная политика Турции в контексте «арабской весны» // Перспективы – URL: [http://www.perspektivy.info/book/blizhnevostochnaja\\_politika\\_turcii\\_v\\_kontekste\\_arabskoj\\_vesny\\_2012-12-17.htm](http://www.perspektivy.info/book/blizhnevostochnaja_politika_turcii_v_kontekste_arabskoj_vesny_2012-12-17.htm) (дата обращения: 26.03.2025).

<sup>321</sup> Маврина Ю.В. Концепция внешней политики Турции Ахмеда Давутоглу // Известия Саратовского университета – 2014. – Т. 14, № 1. – С. 81.

интересов. Задача правящих кругов Турции фактически заключалась в поиске компромисса, а именно – совмещении обоих условий. В планы Турецкой Республики не входило прямое участие в вооруженных столкновениях в качестве одной из непосредственных сторон конфликта. В то же время Турция не могла забывать о собственной безопасности, поскольку оказалась в центре усиливающихся волнений и приоритетной задачей оставалось их предотвращение на собственной территории, а также сохранение целостности государственных границ.

С течением времени в вопросе отношения к происходящему официальная Анкара перешла к одобрительным высказываниям, заявив, что «гуманистические требования<sup>322</sup>» протестующих граждан – справедливы, законны и должны быть удовлетворены<sup>323</sup>, однако наряду с этим подчеркивала, что главной целью Турции в контексте всех вспыхнувших в рамках «арабской весны» конфликтов является защита турецких граждан, проживающих в зоне протестов<sup>324</sup>. Тем не менее, и тогда Турция не сразу перешла от слов к действиям – ее официальные представители, в частности, Р.Т. Эрдоган, занимавший в те времена пост премьер-министра, стремились нивелировать протестные настроения в арабских республиках Ближнего Востока путем пропаганды «турецкой модели» демократизации, которая, по замыслу ее авторов, должна была стать примером социально-политического реформирования для арабского мира, а также – за счет расширения своего влияния и подписания в ходе ближневосточного турне в 2011 г. целого ряда различных соглашений с арабскими странами (Договора о дружбе и

---

<sup>322</sup> Турция: Эрдоган призвал Мубарака выполнить требования народа // Euronews. – 01.02.2011. – URL: <http://ru.euronews.com/2011/02/01/turkey-calls-on-mubarak-to-satisfy-demands-for-change> (дата обращения: 26.03.2025).

<sup>323</sup> Свистунова И. Турция в контексте «арабской весны»: региональная стратегия // РИСИ – 27.09.2011. – URL: <https://riss.ru/analytics/2431/> (дата обращения: 26.03.2025).

<sup>324</sup> Аватков В.А. Турецко-сирийское конфликтное взаимодействие в глобальном контексте: из 2011 г. в 2012 г. // Современный Ближний Восток - зона конфликтов: Сборник научных статей. - М.: МГИМО (У) МИД России, 2012. – С. 91.

сотрудничестве с Тунисом, Декларации о создании Совета стратегического сотрудничества высшего уровня с Египтом и других)<sup>325</sup>.

Тем не менее, взять ситуацию под контроль не удалось: начало полномасштабной гражданской войны в Сирии в марте 2011 г. вновь поставило Турцию перед выбором, завершив эпоху когда-то дружественных двусторонних отношений между государствами. Пересмотрев приоритеты, Анкара, которая на тот момент уже давно являлась членом НАТО, ориентировалась на западные ценности и расширение собственного влияния под эгидой США, в конечном итоге встала на сторону оппозиции и заявила, что сирийское правительство выбрало путь противостояния с гражданами и жестокого подавления любых форм проявления оппозиции<sup>326</sup>. С этого момента началась более активная фаза вовлечения Турции в конфликт, которая характеризовалась попыткой Анкары установить контакт с оппозиционными силами и ключевыми союзниками США, вовлеченными в процесс «урегулирования» ситуации.

Так, Турция совместно с Катаром взяла на себя роль точки опоры для сирийской оппозиции, а также стала местом, откуда основное количество американских и европейских военных, а также зарубежных боевиков переправлялось в Сирию<sup>327</sup>. Вплоть до 2012 г. «Сирийский национальный совет» (СНС), признанный Западом в качестве «официального представителя» оппозиционных группировок, базировался в Стамбуле и позже, объединившись на специальной встрече в Дохе с рядом других антиправительственных сирийских групп, преобразовался в «Национальную коалицию оппозиционных и революционных сил» (НКОРС), возглавляемую бывшим имамом одной из сирийских мечетей, который проживал в Турции. Интересно отметить, что на вышеупомянутой встрече присутствовал министр иностранных дел Турции<sup>328</sup>, что

---

<sup>325</sup> Свистунова И. Турция в контексте «арабской весны»: региональная стратегия // РИСИ – 27.09.2011. – URL: <https://riss.ru/analytcs/2431/> (дата обращения: 26.03.2025).

<sup>326</sup> Türkiye-Suriye Siyasi İlişkileri // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. – URL: <http://www.mfa.gov.tr/turkiye-suriye-siyasi-iliskileri-.tr.mfa> (дата обращения: 26.03.2025).

<sup>327</sup> Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка) / Отв. ред. В.В.Наумкин, Д.Б.Малышева; Институт востоковедения РАН. – Москва: ИВ РАН, 2015. – С. 154.

<sup>328</sup> Ibid. С. 154.

свидетельствовало об открытой поддержке сирийских оппозиционных групп со стороны турецкого правительства.

При этом «партнерство» Турции и Катара против Сирии не было случайным. Взгляды Турецкой Республики, отражающие приверженность к свержению Б. Асада, активно разделялись как Катаром, так и другими суннитскими монархиями Персидского залива, интересам которых полностью соответствовала ликвидация Сирии в качестве союзника шиитского Ирана и его ослабление, поскольку именно в Тегеране представители монархий видели прямую угрозу своим режимам<sup>329</sup>. Стоит также отметить, что Турция, которая еще с времен Османской империи позиционировала себя лидером исламского мира, была в равной степени заинтересована в понижении авторитета своего геополитического соперника в лице Тегерана.

Исходя из этого можно утверждать, что политика Турции в период начала и поэтапной эскалации военных действий в Сирии была преимущественно направлена на поиск благоприятных ресурсов по укреплению своего положения – самостоятельно или в «союзе» с другими региональными и внерегиональными державами. Однако действия прозападной «коалиции», в деятельность которой была вовлечена и Турция, не только не помогли снизить уровень напряженности, но и усугубили положение дел: в результате начавшихся военных действий на территорию Сирии проникло большое количество боевиков террористических групп, которые поставили безопасность ряда приграничных государств под прямую угрозу. Более того, можно предположить, что Анкаре данная ситуация принесла вдвойне негативные последствия. Во-первых, она обернулась резким ухудшением двусторонних отношений с Сирией, а, во-вторых, из вооруженных столкновений на территории Сирийской Арабской Республики возник новый – более локальный – конфликт непосредственно между Турцией и Сирией.

---

<sup>329</sup> Долгов Б.В. Феномен «арабской весны» 2011- 2016 гг.: Причины, развитие, перспективы. Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Алжир: монография / Отв. ред. И.Д. Звягельская. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – С. 137.

Говоря о турецко-сирийских отношениях в целом, следует отметить, что они серьезно осложнились в 2012 г., однако в действительности два государства имели явные разногласия гораздо раньше. После распада Османской империи, частью которой Сирия являлась на протяжении четырех веков с 1517 г.<sup>330</sup>, возникли первые территориальные противоречия. Камнем преткновения в турецко-сирийских отношениях того времени стал раздел сирийской территории Александреттский санджак, который в 1936 г. был переименован Турцией в Хатай и впоследствии преобразован в одноименную провинцию. После прихода к власти в Турции М.К. Ататюрка Анкара отказалась признавать эту территорию сирийской и аннексировала ее, что вызывало сопротивление сирийской стороны<sup>331</sup>.

В эпоху правления Б. Асада Сирия имела территориальные притязания к Анкаре в отношении этого вопроса. Важно отметить, что претензии двух стран взаимны. Согласно «Национальному обету», который был ратифицирован в 1920 г. последним османским парламентом, Турция, планируя границы нового государства, провозгласила целями включение в состав государства отдельных территорий современных Ирака, Сирии и других стран<sup>332</sup>. Тем не менее, в начале нового столетия напряженность по вопросу Хатая снизилась, а в последствии – постепенно самоустранилась<sup>333</sup>. Еще в 2000-е гг. стороны активно развивали двусторонние контакты – именно тогда появилась перспектива мирного сосуществования Анкары и Дамаска, однако втягивание Сирии в военные действия предопределило иной сценарий развития событий, включающий в себя возобновление «тлеющих» приграничных конфликтов.

Турецко-сирийские отношения в особенности обострились после того, как армия Турции открыла огонь по сирийской территории в ответ на падение

---

<sup>330</sup> Дергачев В. Ближний Восток. Сирия. Турецко-сирийский вековой конфликт // Институт геополитики профессора Дергачева. – URL: [http://dergachev.ru/geop\\_events/020116-03.html#.V\\_D3e\\_mLSUm](http://dergachev.ru/geop_events/020116-03.html#.V_D3e_mLSUm) (дата обращения: 27.03.2025).

<sup>331</sup> История Сирии XX век / Э.П. Пир-Будагова: отв. ред. А.О. Филоник; Институт востоковедения РАН. – Москва: ИВ РАН, 2015. – С. 283.

<sup>332</sup> Территориальный вопрос в афро-азиатском мире : коллективная монография / под ред. Д.В. Стрельцова. – М.: ЗАО «Аспект Пресс», 2013. – С. 215.

<sup>333</sup> Дергачев В. Ближний Восток. Сирия. Турецко-сирийский вековой конфликт // Институт геополитики профессора Дергачева. – URL: [http://dergachev.ru/geop\\_events/020116-03.html#.V\\_D3e\\_mLSUm](http://dergachev.ru/geop_events/020116-03.html#.V_D3e_mLSUm) (дата обращения: 27.03.2025).

артиллерийских снарядов в приграничную провинцию Хатай в 2012 г., в результате чего погибли граждане Турции<sup>334</sup>. Президент Турецкой Республики Р.Т. Эрдоган, впоследствии комментируя произошедшее, заявил, что Б. Асаду не стоит «испытывать терпение Турции и ее границ<sup>335</sup>», тем самым обозначив решительность Анкары относительно ответных мер в случае, если государство и его граждане будут и далее подвергаться опасности. Данный инцидент стал переломным и в какой-то степени ознаменовал следующий этап участия Турции в сирийском конфликте в широком смысле: Турецкая Республика впервые перешла к прямым угрозам и, вероятно, осознала, что конфликт приблизился к границам страны до такой степени, что одной только популистской риторикой о «враждебности режима Б. Асада», продиктованной Западом, ситуацию разрешить не получится.

Фактически уже тогда столкновения на сирийской земле для Турции перестали быть вопросом исключительно ее внешнеполитических интересов и перешли во внутривнутриполитическую военную плоскость, что требовало от Анкары конкретных шагов и мер по стабилизации ситуации и обеспечению собственной безопасности. Кроме того, Турецкую Республику в значительной степени волновал курдский фактор и участие в сирийском конфликте курдских военизированных формирований, рассматриваемых Турцией в качестве террористических. По мере продвижения Отрядов народной самообороны (YPG) – боевого крыла курдской сирийской партии Демократический союз (PYD) – к сирийско-турецкой границе и приграничным спорным северным территориям Сирии Турция все больше видела в этом угрозу возникновения курдского анклава на границе с Сирийской Арабской Республикой, что не могло соответствовать ее интересам и являлось угрозой территориальной целостности ее государственных границ.

---

<sup>334</sup> Турция обстреляла территорию Сирии в ответ на падение снарядов // РИА Новости. – 29.10.2012. – URL: <https://ria.ru/world/20121029/907606186.html> (дата обращения: 28.03.2025).

<sup>335</sup> Турция не желает войны с Сирией, но не исключает конфликта – Эрдоган // РИА Новости. – 05.10.2012. – URL: <https://ria.ru/world/20121005/767125696.html> (дата обращения: 28.03.2025).

Несмотря на то, что еще в 2010 г. бывший премьер-министр Турции А. Давутоглу, занимавший тогда пост министра иностранных дел государства, в своей статье «Внешняя политика Турции и Россия» писал, что одним из важнейших принципов внешней политики Турецкой Республики является определение баланса между свободой и безопасностью в контексте того, что безопасность не должна обеспечиваться в ущерб свободе других<sup>336</sup>, Турецкая Республика постепенно начала пренебрегать выдвинутыми ей же принципами и перешла к более решительным действиям. Кроме того, ввод ВКС России в Сирию в рамках начала там антитеррористической кампании осенью 2015 г. и деятельность в регионе Соединенных Штатов сильно ударили по амбициям неоосманской Турции, которая, играя на опережение, на случай развития сценария федерализации Сирийской Арабской Республики, стремилась завоевать в регионе определенный сектор влияния.

Изменению Турцией подходов к участию в сирийском конфликте также способствовал факт ухудшения ее отношений с Россией после сбитого Су-24, а также – с западными союзниками после провозглашения Турцией курса на внешнеполитическую независимость, попытки осуществления переворота в 2016 г., а также последующего отказа Вашингтона в экстрадиции предполагаемого организатора путча, находящегося на территории Соединенных Штатов. В тот период Турция, в том числе ввиду своей недальновидной политики, фактически осталась наедине со своими проблемами, которые, однако, требовали от нее каких-либо действий по урегулированию.

Турция при этом выбрала один из самых радикальных и жестких из всех возможных методов. Уже в 2016 г. Турецкая Республика начала решать возникающие в Сирии проблемы военным путем<sup>337</sup>. Так, в августе 2016 г. на территории Сирии была начата военная (антитеррористическая) операция под названием «Щит Евфрата», проводимая в основном против курдов, значительно

---

<sup>336</sup> Давутоглу А. Внешняя политика Турции и Россия // Россия в глобальной политике. – 2010. – № 1. – С. 61.

<sup>337</sup> Бибикина О.П. Интересы Турции в Идлибе // Россия и мусульманский мир. – 2020. – № 2 (316). – С. 76.

приблизивших свои позиции к турецкой границе. По состоянию на 2025 г. количество подобных военных кампаний на территории Сирии достигло четырех – помимо упомянутой операции, ВС Турции осуществили кампании под названиями «Оливковая ветвь», «Источник мира» и «Весенний щит». Целью всех операций было оттеснение курдских формирований от сирийско-турецкой границы.

При этом стоит отметить, что приблизительно в то же время произошел окончательный крах турецкой внешнеполитической доктрины «Ноль проблем с соседями». Формально доктрина, принятая в 2008 г., реализуется вплоть до настоящего времени, однако в действительности политика, проводимая руководством страны на территориях зарубежных государств, противоречит ее основным положениям – нелегитимная по всем канонам международного права деятельность Турции в приграничной Сирии на регулярной основе оправдывается властями необходимостью обеспечения безопасности и претензиями на исторические спорные территории<sup>338</sup>. Отдельного внимания заслуживает тот факт, что ни одна из операций не была согласована Турцией ни с сирийским правительством, ни с Советом Безопасности ООН.

Тем не менее, необходимо подчеркнуть, что военный подход к решению сирийской проблемы в конечном итоге не увенчался для Турции успехом как в вопросе ее урегулирования, так и обеспечения собственной безопасности. Достаточно слабая на тот момент военная техника наряду с большими человеческими потерями заставили Анкару в очередной раз пересмотреть сирийское направление своей политики и подходы к участию в сирийском конфликте. В Турции начали осознавать необходимость в том числе и политического решения проблемы. Кроме того, усиливающиеся в регионе влияние России и параллельное ухудшение турецко-американских отношений в конечном итоге вынудили Турцию развернуться «на Восток».

---

<sup>338</sup> Вертяев К.В. Политическое переформатирование у границ Турции: последствия операции «Оливковая ветвь» и оккупации сирийского Аффрина // Труды Института Востоковедения РАН. – 2019. – № 20. – С. 85.

После впервые проведенных с ноября 2015 г. переговоров президентов России и Турции в Санкт-Петербурге в 2016 г. был дан старт началу российско-турецкого сотрудничества в области безопасности, которое впервые за долгие годы перешло из теоретической плоскости в практическую. В частности, Москва и Анкара наладили механизмы взаимодействия в Сирии в целях мирного урегулирования сложившейся ситуации и – беспрецедентной по своей сути – совместной борьбы с международной террористической угрозой<sup>339</sup>. Так, Турция присоединилась к российской антитеррористической военной операции, ВВС которой совместно с российскими ВКС начали наносить удары по позициям ИГИЛ. Знаковым с точки зрения урегулирования конфликта стал 2017 г., когда была запущен так называемый Астанинский процесс – переговорная площадка заинтересованных сторон конфликта, призванная найти политическое решение возникшего кризиса<sup>340</sup>.

Особую важность переговорам в Астане придает не только тот факт, что впервые в истории гражданской войны в Сирии состоялось мирное обсуждение ситуации между представителями официального правительства Сирийской Арабской Республики и «вооруженной оппозиции», но также и то, что России удалось усадить за один стол переговоров двоих исторических геополитических соперников – Турцию и Иран, поддерживающих разные противоборствующие силы и в сирийском конфликте. По состоянию на 2025 г. в рамках астанинского формата состоялось уже 22 встречи. При этом стоит отметить, что Астанинский процесс не является заменой существующему под эгидой ООН Женевскому процессу, а проходит параллельно и является лишь дополняющей его вспомогательной площадкой.

Одним из значимых решений, принятых в ходе переговоров в трехстороннем астанинском формате, стало подписание Меморандума о создании зон деэскалации

---

<sup>339</sup> Надеин-Раевский В.А. Политика Турции на Ближнем Востоке // Пути к миру и безопасности. – 2020. – № 1 (58). – С. 148.

<sup>340</sup> Воробьев С.В., Каширина Т.В. Сирийский кризис в контексте российско-американских отношений // Обозреватель. – 2017. – № 4 (327). – С. 49.

в провинциях Идлиб, Хомс, Дера, Кунейтра, а также в Восточной Гуте<sup>341</sup>. В Идлибе при этом были развернуты наблюдательные пункты турецкой армии. Еще одним важным достижением стало проведение в январе 2018 г. Россией, Турцией и Ираном Конгресса сирийского национального диалога, по итогам которого было принято решение о создании Конституционного комитета с целью подготовки конституционной реформы и последующего проведения в стране выборов. Комитет в составе 150 членов, среди которых представители правительства, оппозиции и гражданского общества, начал свою работу в октябре 2019 г. Несмотря на то, что работа редакционных групп сформированного Комитета пока не привела к конкретным результатам ввиду имеющихся разногласий его участников, процесс сирийского урегулирования продолжается по линии Москва – Анкара.

Так, например, в 2018 г. между Россией и Турцией был подписан Меморандум о стабилизации обстановки в зоне деэскалации Идлиб, предусматривающий создание там демилитаризованной зоны и совместный контроль над исполнениями пункта документа<sup>342</sup>. В 2019 г. Россия и Турция договорились о создании буферной демилитаризованной зоны на сирийско-турецкой границе, а также приступили к совместному патрулированию северных районов государства. Тем не менее, ситуация резко обострилась в феврале-марте 2020 г., когда в результате нанесения удара сирийской армии по позициям террористов погибли не менее 33 турецких военнослужащих. В Министерстве обороны России при этом заявили, что турецкие военные по неизвестной причине находились в зоне дислокации террористических формирований<sup>343</sup>, что отрицалось турецкой стороной.

---

<sup>341</sup> Меморандум о создании зон деэскалации в Сирийской Арабской Республике // МИД России. – URL: [https://www.mid.ru/web/guest/maps/sy/-/asset\\_publisher/9fcjSOwMERcf/content/id/2746041](https://www.mid.ru/web/guest/maps/sy/-/asset_publisher/9fcjSOwMERcf/content/id/2746041) (дата обращения: 29.03.2025).

<sup>342</sup> Заявления для прессы по итогам российско-турецких переговоров // Президент России. – 17.09.2018. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58574> (дата обращения: 29.03.2025).

<sup>343</sup> Минобороны России: атакованные в Идлибе турецкие войска находились среди боевиков // ТАСС. – 28.02.2021. – URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/7857747> (дата обращения: 30.03.2025).

При этом интересно, что Турция расценила атаку как нападение на НАТО, обвинив Москву и Дамаск в нарушении достигнутых ранее договоренностей<sup>344</sup>. Однако в очередной раз не получив существенной поддержки от западных союзников, вскоре после этих событий Р.Т. Эрдоган заявил о начале очередной военной операции и готовности вести боевые действия в том числе против Сирии. Ситуацию удалось урегулировать лишь в ходе российско-турецких переговоров. В марте 2020 г. стороны подписали Дополнительный протокол к ранее заключенному Меморандуму по Идлибу от 2018 г., условились создать коридор безопасности шириной 6 километров к югу и северу от трассы М4 и начать ее совместное патрулирование<sup>345</sup>.

Отдельно стоит отметить, что на протяжении конфликта Турецкая Республика весьма лояльно относилась к исламистским группировкам<sup>346</sup>, действующим в Сирии, что стало залогом ее дальнейшего успеха на этом направлении. Так, после падения правительства Б. Асада в декабре 2024 г. Турецкая Республика одна из первых наладила контакты с захватившими власть боевиками Хайят Тахрир аш-Шам<sup>347</sup> и начала восстановление инфраструктуры страны, в частности, аэропорта в Дамаске, строительство ЛЭП и газопровода в Алеппо<sup>348</sup>. Одним из главных вопросов, которые Турции предстоит решить с новой сирийской властью является проблематика сирийских курдских формирований, которые заняли четверть территорий страны за годы сирийского конфликта.

Второе переходное правительство Сирии, возглавляемое А. аш-Шараа, в целом озвучивает протурецкую позицию, заключающуюся в необходимости расформировать «Отряды народной самообороны», являющиеся подразделением

---

<sup>344</sup> Заодно с террористами: Минобороны о гибели военных Турции // Газета.ru. – URL: <https://www.gazeta.ru/army/2020/02/28/12980665.shtml> (дата обращения: 30.03.2025).

<sup>345</sup> Дополнительный протокол к Меморандуму о стабилизации обстановки в зоне деэскалации Идлиб от 17 сентября 2018 г. // МИД России. – URL: [https://www.mid.ru/foreign\\_policy/international\\_safety/regprla/-/asset\\_publisher/UCxLFJnKuD1W/content/id/4072593](https://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/regprla/-/asset_publisher/UCxLFJnKuD1W/content/id/4072593) (дата обращения: 30.03.2025).

<sup>346</sup> Шлыков П.В. Ближневосточная дилемма безопасности Турции: от сотрудничества с Западом в борьбе с терроризмом к опоре на джихадистов в региональной политике // Актуальные проблемы Европы. – 2017. – № 4. – С. 46

<sup>347</sup> Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

<sup>348</sup> Сирию и Турцию соединит новая ЛЭП // РИА Новости. – 03.05.2025. – URL: <https://ria.ru/20250503/energetika-2014725823.html> (дата обращения: 29.05.2025).

союзнических США «Сирийских демократических сил». Турция заявляла, что готова оказать властям Сирии военную поддержку в этом вопросе<sup>349</sup>. Сирийские группы, в свою очередь, настаивают на интеграцию представителей СДС и иных курдских формирований в официальные сирийские структуры. При этом важно, что в рамках изменившихся условий Турецкая Республика стала рассматриваться западным миром в качестве основного связующего звена между переходной сирийской администрацией и западными структурами.

Не менее важным вопросом, возникшим в связи со сменой власти в Сирии, стала судьба иностранных военных баз, в том числе российских. Глава МИД Турции Х. Фидан еще в декабре 2024 г. возложил ответственность за решение этой проблемы на новую власть, при этом отметив, что Турция не поддерживает иностранного военного присутствия в соседней Сирии<sup>350</sup>. Несмотря на то, уже в мае 2025 г., по завершении встречи Р.Т. Эрдогана и А. Аш-Шараа в Стамбуле, в мировых СМИ появилась информация о намерении Анкары создать на территории Сирийской Арабской Республики совместную базу сухопутных сил и ВВС, а также базу ВМС в целях обеспечения безопасности Сирии и борьбы с «Исламским государством»<sup>351,352</sup>.

При этом принципиально важно, что с точки зрения Турецкой Республики сирийский конфликт завершился с падением правительства Б. Асада. Турция активным образом поддерживает контакты с новыми силами, захватившими власть, однако в среднесрочной перспективе мнение турецкой стороны может оказаться ошибочным. Так, в контексте теории о циклах конфликтности мира, которая может быть применена к любому историческому периоду, современный сирийский конфликт из цикла масштабной и длительной гражданской войны перешел в стадию «мирного» или условно конфликтного состояния. Однако

---

<sup>349</sup> Турция заявила о планах новых властей Сирии убрать союзников США в стране // РБК. – 15.12.2024. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/12/2024/675ee6559a79478f1f37e6cf> (дата обращения: 29.05.2025).

<sup>350</sup> В МИД Турции назвали сирийцев ответственными за решение по базам России // РБК. – 21.12.2024. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/12/2024/6766d04d9a7947333fee5bc7> (дата обращения: 29.05.2025).

<sup>351</sup> Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

<sup>352</sup> Türkiye: Турция намерена создать базы в Сирии для борьбы с ИГ // ТАСС. – 25.05.2025. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24040715> (дата обращения: 29.05.2025).

принимая во внимание неустойчивость правительства А. аш-Шараа и наличие в стране несогласных с текущим положением дел, велика вероятность перехода данного конфликта в новый цикл столкновений высокой степени интенсивности, которые, в свою очередь, в долгосрочной перспективе имеют риски смениться не только гражданской, но и более серьезной региональной войной, что в масштабе ближневосточного комплекса безопасности будет означать коренное изменение баланса сил и формирование новых локальных очагов нестабильности.

Еще одной страной, где Турция принимала непосредственное участие в конфликтном урегулировании, стала Ливия. После начала гражданской войны в Ливии, пострадавшей от событий «арабской весны», Турция, по схожему с сирийским сценарию, поддерживала оппозиционно настроенные движения, а затем вместе с Катаром содействовала исламистским силам в вопросе их продвижения во властные структуры, что предопределило сложные отношения Анкары с командующим Ливийской национальной армией (ЛНА) Х. Хафтаром, который придерживается принципов секуляризма.

На протяжении долгого времени Турецкая Республика оказывала поддержку признанному ООН Правительству национального согласия (ПНС), а сегодня – поддерживает Правительство национального единства (ПНЕ), сформированное в 2021 г. Тем не менее, вплоть до начала 2020 г. содействие Турции носило скорее косвенный вербальный характер. В рамках укрепления политики по расширению влияния в Северной Африке и Восточном Средиземноморье Анкара в значительной степени активизировала деятельность в Ливии, в том числе путем военного присутствия в регионе. После существенного продвижения войск Х. Хафтара по всем линиям фронта Парламент Турции ратифицировал подписанное ранее соглашение о военном сотрудничестве с ПНС, а само Правительство национального согласия запросило у Турецкой Республики

наземную, морскую и воздушную поддержку для отражения наступления на Триполи войск восточного правительства страны<sup>353</sup>.

При этом интересен тот факт, что, по словам лидера Турции, с турецкой стороны в Ливию были отправлены только военные инструкторы и консультанты для подготовки местных бойцов, что может расцениваться как попытка Р.Т. Эрдогана оправдать свое присутствие на ливийской земле в качестве миротворческой силы, а не участника конфликта. Вместе с тем известно, что спустя определенное время Турция и Ливия в лице Ф. Сараджа наладили в том числе и военно-техническое сотрудничество.

Согласно заявлению Х. Хафтара, с 2019 г. на территории Ливии размещаются турецкие беспилотные летательные аппараты Bayraktar TB2, которые периодически поражаются силами ЛНА<sup>354</sup>. Стоит отметить, что в ходе переговоров с турецкой делегацией, включающей глав МИД и Минобороны Турции, в мае 2021 г. премьер-министр ПНЕ А.Х. Дбейба призвал Турцию к сотрудничеству по вопросу вывода с территории страны всех иностранных сил. М. Чавушоглу – на тот момент глава внешнеполитического ведомства Турции – затем пояснил, что Турция ввела в Ливию войска по официальному запросу и находится там на законных основаниях<sup>355</sup>.

Немаловажной особенностью участия Турции в урегулировании ситуации в Ливии является тот факт, что в рамках ливийской войны Анкара оказалась «по разные стороны баррикад» с Москвой, которая негласно поддерживает силы Х. Хафтара. Более того, Р.Т. Эрдоган неоднократно обвинял Россию в содействии функционированию на территории Ливии иностранных наемников из ЧВК «Вагнер», аффилиацию которых с Москвой российская сторона отрицает<sup>356</sup>. Стоит

---

<sup>353</sup> Турция: декабрь 2019 г. (дайджест) // Центр востоковедных исследований и межкультурных коммуникаций. – URL: <http://vostis.ru/analiticheskie-materialy/turciya-dekabr-2019-g-dajdzhest.html> (дата обращения: 01.04.2025).

<sup>354</sup> Hafter Güçleri, 4 Türk SİHA'sını düşürdü iddiası // Airline Haber. – 24.05.2019. – URL: <https://www.airlinehaber.com/hafter-gucleri-4-turk-sihasin-dusurdu-iddiasi/> (дата обращения: 01.04.2025).

<sup>355</sup> Премьер Ливии провел встречу с главами МИД и Минобороны Турции // ТАСС. – 03.05.2025. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11301123> (дата обращения: 29.05.2025).

<sup>356</sup> Эрдоган снова заявил о присутствии бойцов «Вагнера» в Ливии // Интерфакс. – 20.01.2020. – URL: <https://www.interfax.ru/world/691903> (дата обращения: 01.04.2025).

отметить, что после смены власти в Сирии Турция активным образом налаживает взаимодействие в области энергетики со всеми заинтересованными сторонами. В июне 2025 г. Национальная нефтяная корпорация Ливии и Нефтяная корпорация Турции подписали совместный меморандум о взаимопонимании в области морской нефтеразведки<sup>357</sup>. В условиях отсутствия у Турции собственных ресурсов Анкара стремится использовать участие в ливийском кризисе в том числе с целью реализации своих интересов в Восточном Средиземноморье.

Таким образом, анализ внешнеполитической активности Турции в конфликтном пространстве Ближнего Востока и Северной Африки позволил выявить качественную трансформацию стратегической парадигмы Анкары: от политики сдержанного участия и ориентации на международные коалиции к формату автономного, часто – одностороннего вмешательства. Сирийский конфликт, перешедший в цикл условно конфликтного состояния, демонстрирует эволюцию от условного нейтралитета к силовой – незаконной с точки зрения норм международного права – интервенции и последующему дипломатическому маневрированию, сочетающему участие в форматах коллективной безопасности с усилением собственного контроля в регионе. В этом процессе Турция не только перераспределяет функции в рамках коалиционной архитектуры, но и стремится конструировать новые балансирующие механизмы с опорой на тактические союзы, включая взаимодействие с Россией, Ираном и оппозиционными структурами. В Ливии, помимо укрепления своего геополитического влияния, Турецкая Республика преследует цель решить проблему, связанную с энергетической безопасностью, а именно – закрепить позиции в богатом с точки зрения природных ресурсов Восточном Средиземноморье.

### **Выводы по главе**

Внешинополитическая стратегия Турции в контексте урегулирования международных и региональных конфликтов представляет собой

---

<sup>357</sup> Ливия и Турция подписали меморандум о совместной разведке нефти на шельфе // ИА Реалист. – 26.06.2025. – URL: <https://realtribune.ru/liviya-i-turciya-podpisali-memorandum-o-sovmestnoj-razvedke-nefti-na-shelfe/> (дата обращения: 29.06.2025).

институционально и концептуально оформленную систему гибридного воздействия, сочетающую в себе инструменты дипломатии, военной силы, культурной экспансии и идеологического позиционирования. Центральным элементом выступает сознательное совмещение посредничества с фактической поддержкой одной из сторон конфликта, что обеспечивает Анкаре пространство для проецирования силы и влияния без утраты формального статуса медиатора. Этот подход, активно применяемый, в частности, в регионах Ближнего Востока и постсоветского пространства, во многом опирается на использование этноконфессиональных связей и гуманитарных каналов.

Особое внимание уделено дихотомии «Запад–Незапад», в рамках которой Турция выступает как «срединный» актер, способный использовать вовлеченность в западные альянсы и одновременно реализовывать самостоятельные проекты влияния в незападных пространствах. В условиях ослабления универсальных институтов коллективной безопасности Турция занимает промежуточную, но все более значимую позицию, соединяя функции регионального стабилизатора и политического «менеджера».

Анализ турецкой активности в зонах ближневосточной и североафриканской нестабильности выявил, что Турция ориентируется на формирование новой, понятной Анкаре, архитектуры безопасности. Специфика участия Турецкой Республики в сирийском конфликте заключается во взаимодействии с разного рода игроками – как с оппозицией, так и признанными международным сообществом в качестве террористических исламистскими группами. В Сирии после многолетней борьбы, в том числе за счет идеологемы «мягкого милитаризма», Турецкая Республика фактически получила лояльное себе правительство, что позволяет ей реализовывать свои внешнеполитические интересы практически без каких-либо имиджевых потерь.

### Глава 3. Роль Турции в борьбе с терроризмом на международном и региональном уровнях

#### 3.1. Политико-правовые подходы Турецкой Республики в области борьбы с терроризмом

Когда идет речь о таком понятии, как терроризм<sup>358</sup>, во многих государствах мира под ним обычно понимают деятельность международных террористических группировок, таких как ИГИЛ<sup>359</sup>, Фронт ан-Нусра<sup>360</sup> и прочих. Борьба со всеми видами террористической деятельности, в том числе осуществляемой с помощью технологических разработок и пропаганды в социальных сетях, названа одной из главных целей государства в Стратегическом плане Министерства иностранных дел Турции на 2024-2028 гг. (слово «терроризм» употреблено 22 раза)<sup>361</sup>. Турецкая Республика – один из соавторов Резолюции СБ ООН № 2396 от 21 декабря 2017 г., посвященной противодействию угрозам, создаваемым иностранными боевиками-террористами<sup>362</sup>, и в целом уделяет большое внимание нейтрализации террористических угроз глобального характера.

Несмотря на то, что Турция активным образом борется с боевиками перечисленных террористических организаций, в качестве первостепенной проблемы государство видит существующие внутри страны леворадикальные элементы, деятельность многих из которых на территории страны признана террористической. При этом стоит подчеркнуть, что далеко не все страны мира согласны с подобной градацией Турецкой Республики, на основании которой власти страны причисляют тех или иных лиц к террористам.

---

<sup>358</sup> Степанова Е.А. Терроризм в асимметричном конфликте на локально-региональном и глобальном уровнях : идеологические и организационные аспекты : диссертация ... доктора политических наук : 23.00.04 / Степанова Екатерина Андреевна; [Место защиты: Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН]. – Москва, 2010. – 413 с.

<sup>359</sup> Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

<sup>360</sup> Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

<sup>361</sup> 2024-2028 Stratejik Planı // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. – P. 67. – URL: <https://www.mfa.gov.tr/data/BAKANLIK/2024-2028-stratejik-planı.pdf> (дата обращения: 13.08.2025).

<sup>362</sup> Türkiye'nin Uluslararası Toplumun Terörle Mücadele Çabalarına Katkıları // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. – URL: [https://www.mfa.gov.tr/turkiye\\_nin-uluslararasi-toplumun-terorle-mucadele-cabalarina-katkilari.tr.mfa](https://www.mfa.gov.tr/turkiye_nin-uluslararasi-toplumun-terorle-mucadele-cabalarina-katkilari.tr.mfa) (дата обращения: 09.09.2025).

Прежде чем переходить к анализу деятельности террористических групп, незаконно функционирующих на территории Турции, необходимо понимать, какое из множества определений терроризма считается корректным на государственном уровне. В статье 1 Закона № 3713 «О борьбе с терроризмом», принятого в 1991 г., под терроризмом понимаются «все виды преступлений, которые совершаются определенными людьми или лицами, являющимися членами какой-либо организации, нацеленные на разрушение изложенных в конституции Турецкой Республики политических, правовых, социальных, экономических и светских принципов, государственности и национального единства, на формирование угроз ценностям турецкого государства, на ослабление, устранение или захват государственной власти, а также на подрыв внутренней и внешней безопасности государства, общественного порядка и общего благосостояния с применением насилия и других методов, заключающихся в угрозах, запугивании, устрашении и оказании давления<sup>363</sup>».

Практически все структуры Турецкой Республики, ответственные за обеспечение национальной безопасности и борьбу с терроризмом, в ходе реализации своих полномочий основываются именно на этом документе. Сразу стоит отметить, что определение, предлагаемое властями Турции, вызывает большое количество вопросов и может быть охарактеризовано как противоречивое. Несмотря на то, что на первый взгляд оно является достаточно широким и полным, определение не поясняет суть ряда содержащихся в нем понятий. Так, например, двояко можно трактовать, что именно подразумевается составителями Закона под разрушением принципов, содержащихся в конституции. Также остается непонятным, какие именно действия можно рассматривать в качестве подрывающих безопасность государства. Подобная формулировка выгодна с точки зрения политики руководства государства, поскольку она

---

<sup>363</sup> 3713 sayılı Terörle Mücadele Kanunu // Mevzuat Bilgi Sistemi. – URL: <http://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.3713.pdf> (дата обращения: 15.03.2025).

позволяет называть террористами всех тех, кто хотя бы немного соответствует данному описанию.

Турецкие законодатели при разработке документа применили подход, в соответствии с которым совокупность деяний террористического ряда подразделяется на две группы – первая представляет собой проявления терроризма в общем понимании этого слова, а вторая – общеуголовные преступления, которые расцениваются как террористические при наличии определенных признаков<sup>364</sup>, что еще больше расширяет права уполномоченных органов на аресты, задержания и обвинения подозреваемых в террористической активности. К террористическим деяниям Законом отнесены в том числе и преступления, предусмотренные статьями 171, 172 Уголовного кодекса Турции, среди которых числятся деяния, причиняющие вред всеобщей безопасности, такие как поджог или нанесение вреда здоровью, использование поддельной печати Администрации президента Республики, Великого национального собрания (ВНСТ) или сфальсифицированных документов, а также ряд других<sup>365</sup>.

По этой причине в настоящее время многие «террористы», признанные таковыми судебными органами Турции, отбывают наказание за преступления, которые едва ли возможно назвать террористическими. Так, например, лидер Демократической партии народов, которая занимается курдским вопросом, С. Демирташ, отбывающий наказание в тюрьме, в сентябре 2018 г. был в очередной раз приговорен судом к дальнейшему заключению за «пропаганду терроризма»<sup>366</sup>, поскольку среди властных кругов Турции широко распространялось мнение о том, что его партия является крылом Рабочей партии Курдистана (РПК), а также способствует запрещенной в стране деятельности.

---

<sup>364</sup> Законодательство Турции по борьбе с терроризмом // Государственная Дума. – URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4397/14163> (дата обращения: 15.03.2025).

<sup>365</sup> 5237 sayılı Türk Ceza Kanunu // Mevzuat Bilgi Sistemi. – URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.5237.pdf> (дата обращения: 15.03.2025).

<sup>366</sup> Турция: сентябрь 2018 г. (дайджест) // Центр Востоковедных исследований. – URL: <http://vostis.ru/analiticheskie-materialy/turciya-sentyabr-2018-g-dajdzhest.html> (дата обращения: 15.03.2025).

Говоря о терроризме в Турции, нельзя не затронуть вопрос курдов и организаций, связанных с данным национальным меньшинством. Так называемый курдский вопрос, выражающийся в стремлении курдского народа обрести право на самоопределение, является одной из основных проблем руководства Турции на протяжении многих лет. Несмотря на то, что Турецкую Республику исторически населяют представители разных народов и государство де-факто имеет статус многонационального, конституцией государства закреплено, что все граждане Турции являются турками<sup>367</sup>. Положения, нашедшие свое отражение в основном законе страны, проистекают из истории. При создании Республики М.К. Ататюрк провозгласил шесть основополагающих принципов турецкой государственности, одним из которых стал национализм<sup>368</sup>, подразумевающий под собой отождествление этнической принадлежности с имеющимся у человека гражданством.

Такого рода принцип всегда оспаривался представителями курдского меньшинства, категорически несогласного с данным утверждением. Права курдов ущемлялись до такой степени, что им нельзя было пользоваться родным языком. После ряда попыток обрести базовые для национального меньшинства права и свободы курдский народ пошел на крайние радикальные меры. Широкою огласку, например, получило восстание курдов в провинции Тунджели в 1937-1938 гг. против насильственного переселения национальных меньшинств<sup>369</sup>. Многие из таких восстаний нередко перерастали в масштабные движения, преследующие определенные цели. Так произошло и с представителями курдского меньшинства – ими была создана Рабочая партия Курдистана, деятельность которой сегодня запрещена в Турции.

История данной организации началась еще в 1968 г. с молодежных движений, возникших во Франции и быстро распространившихся на территории

---

<sup>367</sup> Türkiye Cumhuriyeti Anayasası 1982 // Türkiye Büyük Millet Meclisi. – URL: [https://www.tbmm.gov.tr/anayasa/anayasa\\_2018.pdf](https://www.tbmm.gov.tr/anayasa/anayasa_2018.pdf) (дата обращения: 15.03.2025).

<sup>368</sup> Киреев Н.Г. История Турции XX век. – М.: ИВ РАН: Крафт+, 2007. С. – 205.

<sup>369</sup> Жигульская Д. В. Восстание турецких курдов в Дерсиме (1937-1938 гг.) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2013. – № 161. – С. 21.

Турции, в частности, в студенческих кругах. В мае 1969 г. в Анкаре возникла Организация восточной революционной культуры (DDKO), ядро которой, помимо А. Оджалана – в то время студента 1 курса Университета Анкары<sup>370</sup>, – составляли такие же студенты местных вузов курдского происхождения. Начиная с 1970-х годов, организация стала придерживаться сепаратистской, как считалось в Турции, марксистско-ленинской идеологии, по причине чего через год государство начало активную борьбу против нее, а А. Оджалан в 1972 г. был задержан и провел 7 месяцев в тюрьме<sup>371</sup>.

По воспоминаниям самого Оджалана, как во время пребывания в тюрьме, так и после своего освобождения, будущий лидер РПК тщательно обдумывал дальнейший план действий и даже спроектировал структуру новой сепаратистской организации, которую намеревался создать. В 1973 г. в провинции Чубук состоялось первое организационное собрание А. Оджалана с его близким друзьями, и, начиная с этого времени вплоть до 1975 г., организация переживала период формирования идеологии и набора кадров<sup>372</sup>. Стоит отметить, что на тот момент в Турции уже существовали другие радикальные организации, в том числе «Серые волки» (Бозкурт), неонацистская Партия националистического движения и ряд леворадикальных коммунистических объединений, в том числе Революционная народно-освободительная партия-фронт (ДНКР-С)<sup>373</sup>.

В более современном виде РПК была основана уже в 1978 г. на проведенном в Диярбакыре (район Лидже) первом конгрессе, где также были приняты программа и устав партии, немного измененный в 1995 г.<sup>374</sup>. В соответствии с целями, провозглашенными 3 статьей Устава, РПК стремилась покончить с такими пережитками прошлого Курдистана, как колониальное господство и империализм, образовать единый и независимый Курдистан (на территориях Турции, Ирака,

---

<sup>370</sup> Abdullah Ocalan Biyografisi // Haberler.com – URL: <https://www.haberler.com/abdullah-ocalan/biyografisi/> (дата обращения: 15.03.2025).

<sup>371</sup> Alan E. Terör-PKK. 40 Yıllık İhanet. – Ankara: Bilgi Yayınevi, 2016. – С. 12.

<sup>372</sup> Ibid. С. 13.

<sup>373</sup> Надеев-Раевский В.А. Экстремизм и терроризм в современной Турции // Пути к миру и безопасности. – 2017. – № 1 (52). – С. 185-187.

<sup>374</sup> Bila F. İdeolojik kodlarıyla kağıt üstündeki PKK. 1. Baskı. – İstanbul: DOĞAN KİTAP, 2016. – С. 21.

Ирана и Сирии), создать демократическое государственное управление, а также двигаться в направлении бесклассового общества как части прогрессивного человечества<sup>375</sup>. После решения всех организационных вопросов, к 1984 г., РПК, которая входила в партию так называемого «Левого единства Турции и Турецкого Курдистана»<sup>376</sup>, объявила войну государственным властям, войскам, правоохранительным органам и другим структурам, начав активную террористическую деятельность.

При этом, несмотря на то что террористические акты были направлены прежде всего против государственных органов, без потерь среди гражданских лиц не обходилось. Так, например, к концу 1984 г. в результате терактов РПК погибли 26 служащих, а также 43 гражданина государства; при этом ликвидированных террористов насчитывалось около 30<sup>377</sup>. Стоит отметить, что Турция долгое время активно сопротивлялась натиску РПК, однако страна при этом фактически утопала в жестоких атаках партии. Ситуация изменилась к 1990 г., когда Европейский парламент принял резолюцию, осуждающую курдский терроризм<sup>378</sup>. В 1999 г. произошло знаменательное для руководства государства событие – был задержан и приговорен к пожизненному заключению А. Оджалан, однако вооруженные действия продолжились<sup>379</sup>.

После победы Партии справедливости и развития на выборах в 2002 г. Р.Т. Эрдоган под давлением Запада пошел на примирение. Великое национальное собрание Турции (ВНСТ) приняло пакет реформ, предусматривающих отмену смертной казни за сепаратизм, внесение изменений в Закон «О борьбе с терроризмом», а также разрешение на использование курдского языка, в том числе на некоторых негосударственных телеканалах<sup>380</sup>. Тем не менее, нереализованный

---

<sup>375</sup> Ibid. С. 27-28.

<sup>376</sup> Надеин-Раевский В.А. Экстремизм и терроризм в современной Турции // Пути к миру и безопасности. – 2017. – № 1 (52). – С. 187.

<sup>377</sup> Alan E. Terör-PKK. 40 Yıllık İhanet. – Ankara: Bilgi Yayınevi, 2016. – С. 24.

<sup>378</sup> Вертяев К.В., Иванов С.М. Курдский национализм: История и современность – М.: ЛЕНАНД, 2015. – С. 222.

<sup>379</sup> Bila F. İdeolojik kodlarıyla kağıt üstündeki PKK. 1. Baskı. – İstanbul: DOĞAN KİTAP, 2016. – С. 15.

<sup>380</sup> Аватков В.А. Курдская проблема на турецком поле // Вестник МГИМО Университета. – 2012. – № 2 (23). – С. 130.

план по вступлению в ЕС и начатая руководством Турции в последние годы политика неосманизма<sup>381</sup> в совокупности с попыткой переворота 2016 стали причиной пересмотра внутривнутриполитического курса. Столкновения с РПК в виде террористических актов продолжились, к 2015 г. насчитывалось не менее 2 тыс. жертв как среди сотрудников силовых структур, так и среди граждан<sup>382</sup>. При этом примечательно, что в Турции отсутствует отдельный закон, нормативно закрепляющий понятие «экстремизм», который мог бы частично решить проблему курдского сепаратизма.

В последние несколько лет в Турции укреплялась тенденция к обвинению курдов практически во всех террористических актах еще до проведения расследования, а связи с чем правоохранные органы практически ежедневно арестовывали членов РПК. Важно, что Анкара таким образом «секьюритизирует» курдский вопрос, не уделяя должного внимания другим – не менее важным с точки зрения безопасности Турции вопросам. Главная ошибка правительства Р.Т. Эрдогана заключается в том, что после предоставленных в начале XXI века прав, а затем фактического отказа от них и начала массовых преследований, члены Рабочей партии Курдистана стали применять еще более ожесточенные методы борьбы. При этом с начала противостояния Турции с Рабочей партией Курдистана вплоть до 2011 г., по официальным данным, в результате террористических актов погибло 30 тыс. человек, по неофициальным – гораздо больше<sup>383</sup>, и эта статистика росла на протяжении многих лет.

Важной вехой на пути противостояния по линии правящая элита Турции – РПК стало заявление, сделанное А. Оджалом в феврале 2025 г. по завершении встречи с представителями прокурдской Демократической партии, в ходе которого он, обращаясь к членам РПК из тюрьмы, призвал их сложить оружие и завершить

---

<sup>381</sup> Аватков В.А. Неосманизм. Базовая идеология и геостратегия в Турции // Свободная мысль – 2014. – № 3. – С. 71.

<sup>382</sup> Аватков В.А. Особенности борьбы с терроризмом в Турецкой Республике на современном этапе // Вестник РУДН. – 2017. – Т. 17, № 4. – С. 671.

<sup>383</sup> Yalçıntaş N., Kaynak M., Almaz A. Uluslararası Eksende Terör ve Türkiye. Terör nasıl bitirilir? – NOKTA KİTAP, 2011. – С. 283.

многолетнюю борьбу<sup>384</sup>, объясняя это тем, что она утратила свою актуальность. Примечательно, что за несколько дней до этого власти Турции также призывали активистов РПК к сложению оружия под угрозой полного уничтожения. Стоит отметить, что обращение лидера и идейного вдохновителя РПК было неоднозначно воспринято в прокурдских кругах. Спустя несколько дней после заявления А. Оджалана, в начале марта 2025 г., РПК объявили о прекращении огня с Турцией, а в мае 2025 г. объявили о самороспуске после 47 лет вооруженной борьбы<sup>385</sup>.

Сирийские курды в целом отреагировали на подобный призыв позитивно. Представитель «Сирийского демократического совета» (СДС) заявил, что слова лидера РПК – позитивный шаг, который может означать начало переговорного процесса, а также отметил, что организационно РПК и сирийские формирования никак не связаны, однако Турция проводит свои военные кампании в Сирии именно под предлогом сотрудничества РПК с СДС и другими группами<sup>386</sup>. При этом он затронул весьма важный вопрос, касающийся будущего антитеррористических кампаний Турции и всей ее политики в области борьбы с терроризмом. Помимо турецких и сирийских курдских группировок, Турецкая Республика осуществляет борьбу с иракскими курдами, которых в равной степени подозревает в организационных связях с РПК. 7 июля 2025 г. Р.Т. Эрдоган принял членов Партии равенства народов и демократии, где в том числе обсуждался вопрос разоружения и прекращения борьбы<sup>387</sup>, а 11 июля 2025 г. в рамках инициативы «Турция без терроризма» (Terörsüz Türkiye) состоялась церемония сложения оружия РПК<sup>388</sup>.

---

<sup>384</sup> Оджалан из тюрьмы призвал Рабочую партию Курдистана сложить оружие // РБК. – 27.02.2025. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/02/2025/67c076bb9a7947e45de95604> (дата обращения: 29.05.2025).

<sup>385</sup> Рабочая партия Курдистана объявила о самороспуске // ТАСС. – 12.05.2025. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23915369> (дата обращения: 29.05.2025).

<sup>386</sup> Сирийские курды видят в заявлении Оджалана шанс на начало переговоров с Турцией // Ведомости. – 27.02.2025. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/02/27/1095063-siriiskie-kurdi-vidyat> (дата обращения: 29.05.2025).

<sup>387</sup> NTV: Эрдоган обсудил разоружение РПК с представителями прокурдской партии DEM // ТАСС. – 07.07.2025. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24453889> (дата обращения: 10.07.2025).

<sup>388</sup> Terörsüz Türkiye'de tarihi gün! PKK resmen silah bıraktı // EkolTV. – 11.07.2025. – URL: <https://www.ekoltv.com.tr/gundem/terorsuz-turkiyede-tarihi-gun-pkk-silah-birakiyor-51545h> (дата обращения: 11.07.2025).

В качестве еще одного внутригосударственного фактора террористической деятельности власти страны рассматривают деятельность «фетхуллахистов» и их последователей, иными словами – также признанной в Турции террористической организации ФЕТÖ. Ф. Гюлен – бывший лидер и основатель ФЕТÖ, а также религиозный деятель, до своей смерти в 2024 г. проживавший в США, – какое-то время являлся одним из ближайших приятелей Р.Т. Эрдогана, который начинал свое становление в качестве политика с ряда исламистских организаций. Сотрудничество сложилось на заре карьеры будущего президента и после прихода ПСР к власти, поскольку начинающему государственному деятелю была необходима поддержка религиозных авторитетов<sup>389</sup>.

Ф. Гюлен с самого детства получал религиозное образование, после чего какое-то время работал в Управлении по делам религий Турции, однако при этом в 1971 г. провел 7 месяцев в тюрьме за связи с джемаатом «Новая Азия», после чего принял решение учредить свою собственную организацию<sup>390</sup>. К 2000-м годам под руководством Ф. Гюлена по всему миру распространилось подконтрольное ФЕТÖ движение «Хизмет», в 2004 г. был основан Фонд гуманитарной помощи «Разве никого нет?», в 2005 г. – Конфедерация бизнесменов и промышленников Турции (TUSKON) и другие «Образовательные центры Фетхуллаха» (FEM)<sup>391</sup>. Стоит пояснить, что почти все эти организации, во всяком случае на территории Турции, были закрыты в 2016 г.. Кроме того, Ф. Гюлен пропагандировал свою деятельность посредством известной турецкой газеты «Zaman», с руководством которой установил тесные контакты за счет доходов от его школ, плата за обучение в которых составляла как минимум 5-10 тысяч лир<sup>392</sup>. Влияние Гюлена в Турции возрастало, что не могло не волновать действующего лидера страны Р.Т. Эрдогана, который после выборов 2011 г. начал думать над тем, каким образом его можно ограничить.

---

<sup>389</sup> Надеин-Раевский В.А. Идеиная борба и новая Турция // Вестник МГИМО Университета. – 2016. – № 2 (47). – С. 23.

<sup>390</sup> Bayraklı E., Ulutaş U. FETÖ'nün anatomisi. 3. Baskı. – İstanbul: SETA Kitapları – С. 13.

<sup>391</sup> Ibid. С. 18.

<sup>392</sup> Veren N. FETO 1966-2016. – İstanbul: Destek Yayınları, 2016. – С. 41

Первые преследования против FETÖ Национальной разведывательной организацией начались еще в 2012 г., когда, по мнению руководства, были осуществлены первые попытки захвата власти<sup>393</sup>. В 2013 г. в правительстве вспыхнул коррупционный скандал, в результате которого в отставку подали сразу несколько высокопоставленных министров, а Р.Т. Эрдоган повсеместно начал заявлять о «Параллельном государстве», нацеленном на захват власти, которое, по мнению президента, возглавлял именно Ф. Гюлен<sup>394</sup>.

Отдельным поводом для очередных обвинений и по-настоящему массовых арестов стала попытка осуществления переворота в июле 2016 г., в реализации которого была обвинена FETÖ и Ф. Гюлен, выступавший в то время в качестве лидера организации. При этом сам имам любую свою причастность к перевороту отрицал, всячески осуждая подобные действия. Так же, как и президент Эрдоган, он заявлял, что путч был инсценирован, но кем-то другим<sup>395</sup>. В этом контексте особенно интересным представляется рассмотрение не самого хода переворота, а событий, произошедших непосредственно после неудавшегося путча.

Во-первых, Р.Т. Эрдоган сразу же начал заявлять о том, что события 15-16 июля 2016 г. – ни что иное, как заговор, а значит, виновных необходимо наказать (при этом зачинщики сразу же были определены и взяты под стражу); во-вторых, за время осуществления переворота не погиб и даже не был взят в заложники ни один из турецких политиков и государственных деятелей – среди приблизительно 250 погибших числятся только сотрудники силовых структур и гражданские лица<sup>396</sup>, что несвойственно для такого типа переворотов.

Кроме того, после июльских событий по всей стране прокатилась волна массовых «чисток» в ряде государственных ведомств, причем на посты задержанных были назначены сторонники и приближенные Р.Т. Эрдогана, а в

---

<sup>393</sup> Beriş H.E. FETÖ ile mücadele // Miş N. Aslan A. Kuruluşundan bugüne AK Parti. Siyaset. 2. Baskı – İstanbul: SETA Kitapları, 2018. – С. 389.

<sup>394</sup> Аватков В.А. Россия и Турция: вместе или порознь? – М.: ИД Международные отношения, 2015. – С. 29.

<sup>395</sup> Ataman M. Shkurtı G. Batının Darbe Sicili ve 15 Temmuz Darbe Girişimine Terkisi // Adam Akademi. – 2016. – № 2. – С. 67. – URL: <http://www.adamakademi.com/site/dergiler/makaleOku/129> (дата обращения: 26.03.2025).

<sup>396</sup> Şık A. İmanın ordusu. 4. Basım. – İstanbul: Kırmızı Kedi Yayınevi, 2017 – С. 70.

стране был введен режим чрезвычайного положения, который действовал 2 года, и был отменен лишь после всеобщих выборов в июне 2018 г.<sup>397</sup>. Таким образом, основные дивиденды после такого рода «террористического акта» против турецкой государственности получил именно президент страны Р.Т. Эрдоган, а сегодня по всей стране под предлогом борьбы с терроризмом продолжаются операции против ФЕТÖ, которые, однако, по своей сути больше напоминают «охоту на ведьм» во избежание появления на политическом пространстве новых конкурентов.

Вместе с тем, в качестве одной из главных проблем современности Турецкая Республика рассматривает именно международный терроризм. Являясь стороной Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и участником Глобальной инициативы по борьбе с актами ядерного терроризма, Анкара видит существенную угрозу миру и стабильности не только в самом феномене распространения террористической деятельности, но и в возможности получения террористами оружия массового уничтожения<sup>398</sup>.

Одной из таких террористических организаций, осуществляющих запрещенную деятельность на территории Турции, является ИГИЛ, на счету которой значимая доля терактов. Один из последних был совершен смертниками ИГИЛ в июне 2016 г. в аэропорту имени Ататюрка, тогда погибло 46 человек<sup>399</sup>. Стоит отметить, что, в отличие от РПК, террористы «Исламского государства» преследуют в Турции немного другие цели, и действия их связаны, прежде всего, с внешнеполитическим курсом Анкары, а террористические акты, как правило, являются индикатором того, что члены ИГИЛ с политикой Турции не согласны. Несмотря на то, что операции против боевиков «Исламского государства» Турцией иногда проводятся, в сфере внутригосударственной безопасности руководство страны все же акцентирует особое внимание именно на борьбе с РПК/РКК и ФЕТÖ,

---

<sup>397</sup> Турция: август 2018 г. (дайджест) // Центр Востоковедных исследований. – URL: <http://vostis.ru/analiticheskie-materialy/turciya-iyul-avgust-2018g-dajdzhest.html> (дата обращения: 26.03.2025).

<sup>398</sup> Silahların Kontrolü ve Silahsızlanma // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı – URL: <https://www.mfa.gov.tr/silahlarin-kontrolu-ve-silahsizlanma.tr.mfa> (дата обращения: 20.08.2025).

<sup>399</sup> Atatürk Havalimanı saldırısı davasında 6 tahliye // Sputnik. – 15.11.2017. – URL: <https://tr.sputniknews.com/turkiye/201711151031009860-ataturk-havalimani-saldirisi-davasinda-tahliye/> (дата обращения: 26.03.2025).

предпочитая проводить контртеррористические мероприятия против ИГИЛ в рамках своего внешнеполитического курса.

Стоит отметить, что антитеррористическое законодательство Турции включает в себя объемную нормативно-правовую базу в виде документов и законов, которая, однако, является противоречивой. Так, например, очень широкое определение терроризма позволяет властям необъективно арестовывать людей по подозрениям в связях с террористическими объединениями, причем не всегда в благородных целях. Массовые отставки в связи с такого рода обвинениями государственных деятелей в ходе событий последних лет наглядно демонстрируют, что законодательство Турции становится более лояльным к государственным деятелям и более жестким по отношению к простым гражданам и оппозиционным деятелям. Внутри государства борьба велась преимущественно против членов РПК и сторонников ФЕТÖ, имеющих явные разногласия с правительством страны, но не с населением Турции, которое в итоге является жертвой такой борьбы<sup>400</sup>.

Сфера обеспечения безопасности в Турции в значительной степени изменилась с приходом к власти Партии справедливости и развития. За достаточно короткий срок от власти были отстранены военные (этот процесс все еще продолжается), произошли реформы многих силовых структур. При этом казалось, что Турецкая Республика делает уверенные шаги на пути к демократии, однако последующие неудачи государства на внешнеполитическом контуре отразились на положении дел во внутренней политике, где дальнейшие изменения стали ненамного лучше прежних порядков. Турция в рамках провозглашенной политики неоосманства возвращается к консерватизму и централизации власти в руках одного политика, которым в данный момент времени является президент Р.Т. Эрдоган, контролирующий большую часть процессов в сфере обеспечения безопасности.

---

<sup>400</sup> Дружиловский С.Б. О внутренних причинах политической нестабильности Турецкой Республики // Вестник МГИМО Университета. – 2016. – Т. 47, № 2. – С. 19.

Практически все преобразования в стране теперь отвечают интересам руководства – руководящие посты в ключевых структурах, отвечающих за обеспечение безопасности отныне занимают близкие Р.Т. Эрдогану люди, главными террористами в стране ввиду недоработанной законодательной базы объявлены РПК и ФЕТО, поскольку их деятельность наносит вред положению президента на политической арене. Правительство Турции не намерено решать курдский вопрос, потому что решить его можно лишь одним способом – предоставить автономию курдскому меньшинству; примирение с ФЕТО также не выгодно Р.Т. Эрдогану – обвинения организации в терроризме служат удобным предлогом для арестов нужных лиц и устранения с политического пространства нежелательных фигур. Прикладывая все усилия к ликвидации членов РПК и «фетхуллахистов», руководство Турции, однако, не учитывает, что другие террористические акторы в лице, к примеру, ИГИЛ способны нанести не меньший ущерб безопасности государства и, следовательно, авторитету руководства.

Говоря о научном обосновании терроризма в Турции, стоит отметить, что с деятельностью террористических групп Турецкая Республика знакома достаточно давно, но подробным изучением данного явления турецкие исследователи, как и российские, занялись относительно недавно, что было вызвано всплеском международной террористической активности в начале нового тысячелетия. Так, например, турецкие исследователи Э. Авджи и Д.К. Демир в одной из своих статей утверждают, что спустя год после событий 11 сентября 2001 г. в мире было издано более 150 книг, посвященных проблеме терроризма<sup>401</sup>, однако в Турции такие научные труды в те времена органичивались незначительным количеством публикаций.

«Террорологии» как научной дисциплины в современной Турции нет, однако сегодня исследования в области терроризма становятся все более популярными. На территории Турецкой Республики функционирует достаточно много

---

<sup>401</sup> Avcı N., Demir C.K. Terörizm Çalışmaları: Türkiye'deki Araştırmalara İlişkin Belimsel Bir Analiz. // Güvenlik Stratejileri. – 2017. Т. 13, № 26. – С. 3. – URL: <http://dergipark.gov.tr/guvenlikstrjtj/issue/32173/356937> (дата обращения: 13.02.2025).

негосударственных аналитических центров, организаций и вакфов, занимающихся в том числе исследованиями в области терроризма. В этом смысле научную базу по данной проблематике обеспечивает Фонд политических, экономических и общественных исследований (SETA)<sup>402</sup>, Центр ближневосточных исследований (ORSAM)<sup>403</sup>, Турецко-азиатский центр стратегических исследований (TASAM)<sup>404</sup>, Центр стратегических исследований мудрецов (BİLGESAM)<sup>405</sup>, а также ряд других. Более того, сегодня научные и исследовательские центры по изучению терроризма успешно функционируют при ведущих университетах государства, осуществляющих магистерские программы по направлению «безопасность», где также изучается проблематика терроризма<sup>406</sup>.

Вместе с тем в турецких академических кругах признают, что исследования данного явления в стране начались несвоевременно для государства, которое ведет борьбу с проявлениями терроризма приблизительно с 1960-х годов<sup>407</sup>, вследствие чего на протяжении долгого времени успехи турецких ученых в этой области в значительной степени уступали концепциям и доктринам западного мира. По этой причине методы изучения данной проблемы в Турции являются ориентированными на западные образцы, а терроризм, как и история его возникновения, чаще всего рассматривается на основании распространенных американских и европейских подходов, которые заключаются в исследовании деятельности террористических групп с позиции их идеологической составляющей<sup>408</sup>.

Кроме того, как и никто другой в мире, Турция пока не может отличаться наличием четкого определения данного явления. В работах турецких

---

<sup>402</sup> SETA hakkında // SETA. – URL: <https://www.setav.org/> (дата обращения: 13.02.2025).

<sup>403</sup> ORSAM hakkında // ORSAM. – URL: <https://orsam.org.tr/tr> (дата обращения: 13.02.2025).

<sup>404</sup> TASAM hakkında // TASAM. – URL: <http://www.tasam.org/tr-TR> (дата обращения: 13.02.2025).

<sup>405</sup> BİLGESAM hakkında // BİLGESAM. – URL: <http://www.bilgesam.org/> (дата обращения: 13.02.2025).

<sup>406</sup> Avcı N., Demir C.K. Terörizm Çalışmaları: Türkiye’deki Araştırmalara İlişkin Belimsel Bir Analiz // Güvenlik Stratejileri. – 2017. Т. 13, № 26. – С. 18. – URL: <http://dergipark.gov.tr/guvenlikstrj/issue/32173/356937> (дата обращения: 13.02.2025).

<sup>407</sup> Ibid.

<sup>408</sup> Terör kavramı ve uluslararası terörizme farklı yaklaşımlar // Başkent Üniversitesi. – 03.02.2012. – С. 3. – URL: <http://sam.baskent.edu.tr/makaleler/tgencturk/TerrorUluslararası.pdf> (дата обращения: 13.02.2025).

исследователей часто встречаются достаточно распространенные в международной практике или близкие к ним определения. Так, например, профессор Ю. Аджер определяет терроризм как «совокупность серьезных преступлений, которые содержат элемент насилия и определенные идеологические мотивы, имеющие социально-политический характер по отношению к какой-либо группе лиц и ни в чем неповинных граждан, и преследуют цель устрашения отдельных лиц, групп людей или представителей более широких сообществ<sup>409</sup>». Социолог Д. Эргиль, в свою очередь, в труде «Терроризм и насилие в Турции» предлагает немного другое определение и характеризует терроризм как «насильственные действия, которые преследуют цель запугивания и могут варьироваться от похищения до убийства<sup>410</sup>».

Вместе с тем Д. Эргиль предлагает схожую с подходом российских ученых классификацию терроризма, говоря о том, что он может осуществляться как «сверху», то есть в основном тоталитарными государствами, так и «снизу», исходя от внутригосударственных акторов, нацеленных на свержение власти<sup>411</sup>. В этом смысле можно провести параллель с принципом деления терроризма на государственный и негосударственный в российской практике. Встречается иная классификация видов современного терроризма, где, помимо государственного, выделяют международный, политический терроризм, поощряющий акты насилия и запугивания ради достижения политических целей и национальный терроризм, осуществляемый внутренними силами без сотрудничества с какими-либо «внешними» террористическими организациями и не нацеленный на причинение вреда или достижение целей другого государства или определенной персоны – целью такого терроризма является разрушение правовых основ государства<sup>412</sup>.

---

<sup>409</sup> Türkiye ve Terorizm. Rapor // TBB. – С. 6. – URL: <http://tbbyayinlari.barobirlik.org.tr/TBBBooks/turkiye-ve-terorizm.pdf> (дата обращения: 13.02.2025).

<sup>410</sup> Yayla A. Terörizm: kavramsal bir çerçeve // Ankara Üniversitesi. – С. 338. – URL: <http://dergipark.ulakbim.gov.tr/ausbf/article/download/5000099335/5000092566> (дата обращения: 13.02.2025).

<sup>411</sup> Türkiye ve Terorizm. Rapor // TBB. – С. 3-4. – URL: <http://tbbyayinlari.barobirlik.org.tr/TBBBooks/turkiye-ve-terorizm.pdf> (дата обращения: 13.02.2025).

<sup>412</sup> Terör ve Terörizm Türleri // Politik Akademi. – 06.11.2013. – URL: <https://politikakademi.org/2013/11/teror-ve-terorizm-turleri/> (дата обращения: 13.02.2025).

Достаточно интересную классификацию с точки зрения развития терроризма в Турции предлагает исследовательский центр TASAM, отмечая, что в историческом контексте терроризм прошел 4 этапа: армянский террор, период противостояния правой и левой идеологий, завершившийся переворотом 1980 г., период радикального религиозного террора, а также этническо-сепаратистский террор (современный этап, начавшийся в 1984 г. с деятельности РПК)<sup>413</sup>.

Подходы к определению элементов терроризма в Турции не слишком сильно отличаются от общепринятых как в российских, так и в мировых источниках. Так, например, в докладе «Концепция террора и различные подходы к международному терроризму» Центра стратегических исследований университета Башкент выделяются следующие компоненты: идеологическая составляющая, организационная составляющая и элемент насилия. Основная цель терроризма, согласно точке зрения авторов доклада, заключается в привлечении внимания общественности к какому-либо процессу или политическому спору, которое, в свою очередь, обеспечивается созданием в обществе атмосферы страха и ужаса в результате насильственных действий<sup>414</sup>.

Говоря о функциях терроризма в условиях формирующегося нового миропорядка, авторы книги «Террор и Турция в международной оси. Как закончить террор?» Н. Ялчинташ, М. Кайнак и А. Алмаз, будучи сторонниками весьма утопичного для современности и близкого к коммунистическому подхода, приходят к выводу о том, что террор останется неизбежным атрибутом новой системы международных отношений, кроме того, он будет использоваться различными силами для достижения своих целей. Особенно отчетливо, по мнению исследователей, это будет проявляться тогда, когда какая-либо сила, обладающая крупным капиталом, захочет создать такой миропорядок, который в результате глобализации приведет к созданию единого правительства, где ни у кого, в том

---

<sup>413</sup> Helvacıköylü G. Terör Nedir? // TSSAM. – 13.02.2017. – URL: [http://www.tasam.org/tr-TR/Icerik/515/teror\\_nedir](http://www.tasam.org/tr-TR/Icerik/515/teror_nedir) (дата обращения: 13.02.2025).

<sup>414</sup> Terör kavramı ve uluslararası terörizme farklı yaklaşımlar // Başkent Üniversitesi. – 03.02.2012. – С. 3-5. – URL: <http://sam.baskent.edu.tr/makaleler/tgencturk/TerrorUluslararası.pdf> (дата обращения: 13.02.2025).

числе и у каждой из стран, не будет своих собственных армий – все они будут рассматриваться как военный ресурс акторов, контролирующих этот капитал<sup>415</sup>.

В таком случае «крупный капитал» при желании сможет вовлечь любое подконтрольное ему государство в войну и победить другие страны, когда это потребуется. Любые беспорядки, происходящие в рамках этой системы, как утверждают авторы, совершаются террористическими организациями. Данные силы не воспринимают в отношении себя никакой политики и как можно скорее пытаются ее устранить. Они способны создать «вакуум власти» для реализации в стране необходимых им тенденций или создания там лояльного их деятельности режима. Для того, чтобы снизить уровень сопротивления или сконцентрировать внимание общества на каких-то других вещах, как правило, осуществляется террористическая деятельность, выполняющая роль отвлекающего маневра. Таким образом, в то время как всех вокруг волнует лишь проблема терроризма, а люди сильно напуганы, эти силы будут стремиться экономически контролировать страну, ловко осуществляя задуманное непосредственно на глазах у населения<sup>416</sup>.

Таким образом, терроризм для Турции – явление многозначное, и рассматривать его стоит в том числе через призму существующих в стране научных подходов. В настоящее время Турецкая Республика активно вырабатывает научную базу, посвященную данной проблематике. Изучив часть трудов турецких исследователей по вопросам терроризма, можно сделать следующий вывод: принимая во внимание тот факт, что ни Россия, ни Турция на экспертном уровне не могут достичь единого мнения относительно элементов террористической деятельности, во многом подходы специалистов из Турции к пониманию данного явления пересекаются с российскими. Так, предлагаются весьма схожие определения терроризма, не сильно отличается понимание целей такой деятельности, а также выделяемая исследователями классификация видов терроризма. Исходя из этого можно предположить, что на основании такого рода

---

<sup>415</sup> Yalçıntaş N., Kaynak M., Almaz A. Uluslararası Eksende Terör ve Türkiye. Terör nasıl bitirilir? – NOKTA KİTAP, 2011. С. 243.

<sup>416</sup> Ibid.

близких подходов к изучению терроризма в будущем стороны смогут выработать совместную научную базу знаний, сочетающую в себе результаты исследований российско-турецкого научного сообщества, на основе которой станет возможной более эффективная координация деятельности в области контртеррористических инициатив и вынесения рекомендаций по ее усовершенствованию.

### **3.2. Антитеррористическое сотрудничество Турции с Западом**

Борьба с терроризмом являлась предметом сотрудничества Турецкой Республики и стран «коллективного Запада» на протяжении длительного времени. Членство в Североатлантическом альянсе и ориентация на идеалы западного мира в области безопасности наложили определенный отпечаток на реализацию Турцией собственной антитеррористической политики. Одной из главных особенностей деятельности Анкары в сфере борьбы с террористической угрозой является подведение антитеррористических стандартов под внешнеполитический курс государства. Набором государств-союзников во многом определяется тактика Турции в отношении борьбы с террористическими группировками и определения основных угроз. Партия справедливости и развития, пришедшая к власти в 2002 г., взяла твердый курс на отклонение от исламистской политики с уделением особого внимания развитию многосторонних отношений с США и ЕС, долгое время характеризовавшихся как «образцовое партнерство».

В начале XXI столетия, после атак на «башни-близнецы» в Нью-Йорке, Соединенные Штаты активным образом включились в борьбу против главной угрозы того времени в лице террористической организации «Аль-Каида<sup>417</sup>». Страны НАТО проявили солидарность с Вашингтоном, в равной степени запустив масштабную кампанию по борьбе с возникшей угрозой и применив статью 5 основополагающего договора НАТО о коллективной обороне. Будучи членом альянса, Турция была вынуждена следовать политике и стратегическим документам союзников по военно-политическому блоку. Кроме того, Ближний

---

<sup>417</sup> Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

Восток, в том числе и многие окружающие Турцию страны, оказались подвержены террористической деятельности и создавали непосредственную угрозу южным границам Турецкой Республики.

В 2001 г., в рамках объявленных США антитеррористических операций, турецкий контингент был размещен в Афганистане в составе контролируемых НАТО Международных сил содействия безопасности (ISAF). Турецкая авиабаза «Инджирлик», расположенная на юге страны, в свою очередь, использовалась командованием ВВС США для переброски войск в Афганистан и, позднее, – в Ирак, а впоследствии стала местом постоянной дислокации самолетов международной антитеррористической коалиции, возглавляемой США. Вместе с тем важным представляется тот факт, что использование базы «Инджирлик» силами коалиции Турция позволила не сразу, и сперва авиаудары по целям ИГИЛ<sup>418</sup> наносились с баз на Кипре и в ОАЭ<sup>419</sup>. Активным образом развивалось консультативное и научное сотрудничество турецких институтов с НАТО по вопросам безопасности и борьбы с терроризмом. В 2010 г., к примеру, в Анталье состоялся совместный научный семинар Североатлантического альянса и Центра по борьбе с международным терроризмом и транснациональной преступностью (UTSAM), посвященный проблеме нераспространения радикализации и аспектам борьбы с терроризмом<sup>420</sup>.

С 2011 по 2016 гг. Турция совместно с США была сопредседателем Глобального контртеррористического форума, а до 2017 г. – сопредседателем Рабочей группы по Африканскому Рогу вместе с ЕС<sup>421</sup>. Кроме того, с декабря 2003 г. на территории Турции функционирует Центр передового опыта по борьбе с терроризмом (ТМММ), в 2006 г. получивший аккредитацию НАТО и статус

---

<sup>418</sup> Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

<sup>419</sup> Мачитидзе Г. Политика Турции в отношении международного терроризма в контексте внутренней исламизации // *Международные процессы*. – 2021. – № 19 (3). – С. 92.

<sup>420</sup> Озерен С., Йилмаз К. Турецкие учебные заведения повышают уровень профессионализма полицейских сил во всем мире // *Per Concordiam*. – 2014. – № 3. – С. 22. – URL: [https://perconcordiam.com/perCon\\_V4N3\\_RUS.pdf](https://perconcordiam.com/perCon_V4N3_RUS.pdf) (дата обращения: 15.02.2025).

<sup>421</sup> Türkiye'nin Uluslararası Toplumun Terörle Mücadele Çabalarına Katkıları // *Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı*. – URL: [https://www.mfa.gov.tr/turkiye\\_nin-uluslararasi-toplumun-terorle-mucadele-cabalarina-katkilari.tr.mfa](https://www.mfa.gov.tr/turkiye_nin-uluslararasi-toplumun-terorle-mucadele-cabalarina-katkilari.tr.mfa) (дата обращения: 15.02.2025).

международной военной организации. По информации, указанной на официальном сайте Центра, ТМММ не находится в прямом подчинении НАТО, а является консультативным и образовательным Центром военно-политического блока по вопросам, связанным с терроризмом и контртерроризмом. В состав организации, помимо Турции, входят еще 6 стран-спонсоров, каждая из которых также является членом блока НАТО: Албания, Германия, Венгрия, Италия и Румыния (до 2021 г. членство в организации также имела Болгария)<sup>422</sup>. При этом примечательно, что, согласно обнародованной организационной структуре, возглавляет организацию полковник турецкого происхождения, в то время как его заместителем является представитель США<sup>423</sup>.

Как уже отмечалось, в турецком Центре преимущественно проходят подготовку военные специалисты стран-членов НАТО, а также других заинтересованных государств. Так, только за 2023-2024 гг. на базе ТМММ было проведено 35 различных мероприятий, посвященных антитеррористическому сотрудничеству, в числе которых: курс «Борьба с финансовыми аспектами терроризма» (39 участников из 12 стран); базовый курс по безопасности критической инфраструктуры и устойчивости к террористическим атакам (40 участников из 14 стран); семинар «Влияние российско-украинского конфликта на терроризм» в гибридном формате; 8-я ежегодная междисциплинарная конференция Центра передового опыта НАТО «Защита от терроризма-2024»; Сетевой онлайн-курс по противодействию терроризму / атакам (62 участников из 27 стран) и ряд других<sup>424</sup>. Под эгидой Центра также издается англоязычный научный журнал «Борьба с терроризмом», публикующий статьи турецких и зарубежных ученых по тематике теоретических и практических аспектов международной антитеррористической деятельности.

---

<sup>422</sup> İşlevler ve Faaliyetler // Terörizmle Mücadele Mükemmeliyet Merkezi. – URL: [https://www.tmmm.tsk.tr/functions\\_tr.html](https://www.tmmm.tsk.tr/functions_tr.html) (дата обращения: 15.02.2025).

<sup>423</sup> Teşkilat // Terörizmle Mücadele Mükemmeliyet Merkezi. – URL: [https://www.tmmm.tsk.tr/organization\\_tr.html](https://www.tmmm.tsk.tr/organization_tr.html) (дата обращения: 15.02.2025).

<sup>424</sup> Conducted activities // Centre of Excellence Defense Against Terrorism. – URL: [https://www.tmmm.tsk.tr/conducted\\_activity.html](https://www.tmmm.tsk.tr/conducted_activity.html) (дата обращения: 15.02.2025).

Несмотря на такое обширное взаимодействие по линии НАТО, до 2003 г. официальная Анкара придерживалась весьма предусмотрительного подхода в вопросе содействия западным силам «на земле», рассматривая террористические группировки в качестве исключительно внешней угрозы, мало затрагивающей Турцию напрямую. Так, например, в ходе планирования США операции в Ираке в 2002 г. Турецкая Республика не поддержала американскую идею вторжения на северные территории государства за счет использования турецкой территории<sup>425</sup>, однако позднее разместила на границе собственные войска из-за угрозы возникновения там курдского государства<sup>426</sup>.

Таким образом, на этапе раннего взаимодействия по линии Турция–Запад «антитеррористическое сотрудничество», по сути, представляло собой адаптацию турецких механизмов и нормативно-правовой базы страны под стандарты США и Евросоюза, к вступлению в который Анкара готовилась с особенно тщательно. Стоит отметить, что не всегда эти стандарты соотносились с национальными интересами Турецкой Республики, которая, однако, рассматривала себя сквозь призму западной парадигмы. Одним из катализаторов развития подобного взаимодействия стали дискуссии относительного актуального курдского вопроса, подходы к разрешению которого в значительной степени различались у представителей правительства Турции и ее западных союзников. Вооруженная борьба против Рабочей партии Курдистана, деятельность которой рассматривается Анкарой в качестве террористической, была и остается существенным препятствием для гармонизации турецко-западных подходов и выработки общей антитеррористической линии.

В 1990 г. Европарламент принял знаковую резолюцию, которая, с одной стороны, содержала критические высказывания о «курдском терроризме», с другой – фактический призыв к Турции по поводу необходимости пересмотра ее политики

---

<sup>425</sup> Özdağ Ü. Milli Güvenlik Teorisi. Ankara: Kripto Kitaplar, 2015. – P. 447-448.

<sup>426</sup> Турция разместила войска на границе с Ираком // РБК. – 16.12.2002. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/12/2002/5703b5249a7947783a5a425a> (дата обращения: 15.02.2025).

в отношении национальных меньшинств<sup>427</sup>. Результатом такой политики стала либерализация турецкого законодательства, в частности, основополагающего Закона «О борьбе с терроризмом». Изменения касались расширения прав курдского меньшинства и отмены смертной казни за сепаратистскую деятельность, однако эти меры не решили главной для курдов и наиболее болезненной для Турции проблемы автономии.

В конечном итоге борьба с членами РПК и преследования по подозрению в террористической деятельности продолжились, что стало приобретать особенно массовый характер после спада турецко-американского сотрудничества в 2015-2016 гг. Вместе с тем важно отметить, что Евросоюз не считает сделанные Турцией изменения достаточными для дальнейшего сближения. Помимо присоединения Турции к ЕС, в современных турецко-европейских отношениях важным вопросом также является проблематика введения безвизового режима с Европейским союзом. По состоянию на 2025 г. стороны продолжают вести переговоры о либерализации действующего режима, которые, однако, сложно назвать успешными по причине требования Евросоюза изменить антитеррористическое законодательство Турции, в том числе в части введения биометрических паспортов нового образца, а также обеспечения миграционного сотрудничества со службами ЕС. В мае 2025 г. ситуацию прокомментировал министр Турции по делам ЕС В. Бозкыр, заявив, что Турция, особенно юго-восточная часть страны, подвергается атакам, страна ведет активную борьбу с террористами и не намерена менять свои антитеррористические законы<sup>428</sup>.

Что касается международных террористических группировок, то на скорое изменение политики Турции повлиял тот факт, что внешние угрозы стали постепенно превращаться во внутренние. В ноябре 2003 г. Турция подверглась серии атак, совершенных «Аль-Каидой»<sup>429</sup>: с разницей в 5 дней террористы

---

<sup>427</sup> Вертяев К.В., Иванов С.М. Курдский национализм: История и современность. Москва: Ленанд, 2015. – С. 222.

<sup>428</sup> Турция не будет вносить изменение в антитеррористическое законодательство // ТАСС. – 12.05.2025 <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3274973/amp> (дата обращения: 13.06.2025).

<sup>429</sup> Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

атаковали несколько синагог в Стамбуле, а также консульство Великобритании и здание банка – в результате нападений погибли 58 человек<sup>430</sup>. После этих событий угроза международного терроризма, по некоторым данным, нашла свое отражение в «Красной книге» Турции, а «Аль-Каида<sup>431</sup>» стала характеризоваться как одна из главных угроз безопасности страны<sup>432</sup>, что в достаточной мере коррелировало с подходом к проблеме США и положениями принятой незадолго до описанных событий Стратегии национальной безопасности от 2002 г.

В начале «арабской весны», охватившей Ближний Восток к 2011 г., официальная Анкара также придерживалась весьма прозападных подходов как в вопросах общей политики, так и антитеррористической борьбы, что было в большей степени связано с ее видением региональной картины мира, где Турции отведена главенствующая роль проводника западных ценностей и связующего звена между Ближнем Востоком и западным миром. По мере ухудшения ситуации в регионе, возникновения «Исламского государства» («ИГИЛ»)<sup>433</sup> и захвата группировкой существенной части Сирии и Ирака, безопасность приграничных турецких территорий оказалась под угрозой. Турецкая Республика присоединилась к инициированной Вашингтоном и поддержанной рядом европейских государств международной антитеррористической коалиции. В отчете Госдепартамента США «О терроризме» за 2014 г. позитивным образом оценивалась деятельность Анкары, а также отмечалось, что Турция заметно активизировала усилия по предотвращению проникновения боевиков «ИГИЛ»<sup>434</sup> и «Джебхат ан-Нусра»<sup>435</sup> в Сирию и Ирак транзитом через территорию страны. Кроме того, отмечалось, что Турецкая Республика старается оказывать техническую поддержку Министерству

---

<sup>430</sup> Özeren S., Sever M. Terörizm Paradoksu ve Türkiye. – İstanbul: Karınca Yayınları, 2011. – P. 314.

<sup>431</sup> Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

<sup>432</sup> Гурьев А.А. 2005. Новая концепция национальной безопасности Турции. Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/> (дата обращения 18.06.2023).

<sup>433</sup> Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

<sup>434</sup> Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

<sup>435</sup> Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

внутренней безопасности США в вопросах обмена данными о боевиках, несмотря на отсутствие у нее автоматизированной системы учета<sup>436</sup>.

Тем не менее, активизация Турции в рамках международной коалиции может в равной степени рассматриваться как одна из главных стратегических ошибок Анкары на данном направлении. Подобная политика не только не снизила риски террористических атак на территории Турции, но и убедила боевиков этих организаций в принадлежности Анкары к западной парадигме и к числу их идейных противников. Как и в случае с боевиками «Аль-Каиды»<sup>437</sup>, Турецкая Республика недооценила амбиции и спектр деятельности «ИГИЛ»<sup>438</sup> и, напротив, переоценила степень партнерства с западными коллегами – уже в 2013 г. она столкнулась с первой серьезной атакой террористической организации на своей территории, которую не смогла предотвратить даже за счет широких международных связей. Более того, весьма противоречиво на уровне международного сообщества, в том числе западной его части, стали восприниматься попытки турецких спецслужб наладить контакт с радикальными исламистами – выходцами из террористических групп, таких как «Джебхат ан-Нусра»<sup>439</sup>, которые Анкара планировала использовать в своих интересах против правительства Б. Асада в Сирии<sup>440</sup>. В этом контексте важно отметить, что в 2013-2014 гг. подавляющая часть иностранных боевиков-террористов попадала на территорию Сирийской Арабской Республики именно через турецкие транзитные пункты<sup>441</sup>.

---

<sup>436</sup> ABD'nin terör raporunda Türkiye'ye övgü // Anadolu Ajansı. – 19.06.2015. – URL: <https://www.aa.com.tr/tr/dunya/abdnin-teror-raporunda-turkiyeye-ovgu/34555> (дата обращения: 13.06.2025).

<sup>437</sup> Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

<sup>438</sup> Сучков М.А., Румачик И.А. Эволюция отношений Турции и ИГИЛ // Каспийский регион: политика, экономика и культура. – 2018. – № 1 (54). – С. 57.

Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

<sup>439</sup> Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

<sup>440</sup> Шлыков П.В. Ближневосточная дилемма безопасности Турции: от сотрудничества с Западом в борьбе с терроризмом к опоре на джихадистов в региональной политике // Актуальные проблемы Европы. – 2017. – № 4. – С. 46

<sup>441</sup> Мачитидзе Г. Политика Турции в отношении международного терроризма в контексте внутренней исламизации // Международные процессы. – 2021. – № 19 (3). – С. 92.

В дальнейшем Турция оказалась в весьма неопределенной ситуации, касающейся политики в отношении задержанных боевиков и сотрудничества с западными структурами по данному вопросу. В октябре 2019 г. Белый дом выпустил заявление пресс-секретаря по итогам телефонных переговоров президента США Д. Трампа и лидера Турции Р.Т. Эрдогана. В нем, в частности, отмечалось, что в связи с отказом Германии, Франции и других европейских стран возвращать на родину своих граждан, задержанных на территории Турции по причине членства в ИГИЛ<sup>442</sup>, США в равной степени отказываются принимать их у себя и содержать за свой счет на весьма длительный срок судебного процесса<sup>443</sup>. США и другие члены «коалиции» таким образом переложили ответственность за содержание и дальнейшую судьбу террористов на Турцию, которая переживала девальвацию лиры и серьезные экономические проблемы.

В связи с этим стоит отметить, что позиция официальных властей Турецкой Республики, наметивших курс на активное антитеррористическое сотрудничество с Западом, и взгляды обычных турецких граждан существенно расходились еще на начальном этапе турецко-западного взаимодействия по этому вопросу: согласно опросу, проведенному в 2005 г., 66% жителей крупных турецких городов признавали наличие проблемы международного терроризма, однако считали причиной его активного развития именно ближневосточную политику США<sup>444</sup>.

Позднее, помимо имевших место разногласий между Турцией и Западом, связанных с более независимой политикой Турции в Сирии, наиболее веским поводом усомниться в надежности Вашингтона именно как союзника по борьбе с терроризмом стало бездействие США после попытки организации военного переворота в Турции 15 июля 2016 г., в подготовке которого власти обвинили признанную в Турции террористической организацию «Фетхуллага Гюлена»

---

<sup>442</sup> Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

<sup>443</sup> США возложат на Турцию ответственность за судьбу захваченных в регионе боевиков ИГ // ТАСС. – 07.10.2019. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6969299> (дата обращения: 13.06.2025).

<sup>444</sup> Aras B., Toktaş Ş. El-Kaide, “Teröre Karşı Savaş” ve Türkiye // Stratejik Araştırmalar Dergisi. – 2008. – № 12. – P. 66. – URL: [https://tasam.org/Files/Icerik/File/el-kaide\\_terore\\_karsi\\_savas\\_ve\\_turkiye\\_49f12742-1956-4087-9518-c93135989a6e.pdf](https://tasam.org/Files/Icerik/File/el-kaide_terore_karsi_savas_ve_turkiye_49f12742-1956-4087-9518-c93135989a6e.pdf) (дата обращения: 13.06.2025).

(FETÖ). Отказ США в экстрадиции лидера FETÖ, на момент описанных событий проживавшего в Пенсильвании, стал причиной резкого охлаждения турецко-американских отношений и спровоцировал обсуждение актуального вопроса, касающегося отделения террористических групп от не террористических и взаимного признания их таковыми.

Соединенные Штаты не признают FETÖ в качестве террористической организации, более того, после неудавшегося путча в турецких проправительственных СМИ начали появляться материалы о расширении FETÖ своей «террористической» сети на территории США и влиянии на американскую «политическую систему»<sup>445</sup>. При этом стоит отметить, что официальный Вашингтон был достаточно сдержан в оценках произошедшего и не оказал Турции политико-правовой поддержки. Президент Турецкой Республики Р.Т. Эрдоган тогда заявил, что «Запад оказывает поддержку террористам»<sup>446</sup>, отметив отсутствие какой-либо солидарности союзников с пострадавшей Турцией.

Последовавшее за этими событиями охлаждение турецко-американских отношений заставило властную элиту Турции в целом переосмыслить сотрудничество с Западом, что отразилось в том числе на сфере безопасности и контртеррористическом взаимодействии. Активнее всего проявило себя турецкое общество – антизападные демонстрации с требованием закрыть не только базу «Инджирлик»<sup>447</sup>, которая представляет собой ключевой логистический хаб западной коалиции на Ближнем Востоке, но и все другие американские военные объекты стали частью внутренней политики современной Турции. Особенно интересно, что незадолго до связанных с переворотом событий, М. Чавушоглу – на

---

<sup>445</sup> FETÖ раздувает свое влияние в США // Anadolu Ajansı. – 22.08.2016. – URL: <https://www.aa.com.tr/ru/%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7-%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%B9/feto-%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B4%D1%83%D0%B2%D0%B0%D0%B5%D1%82-%D1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B5-%D0%B2%D0%BB%D0%B8%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D0%B2-%D1%81%D1%88%D0%B0-/633079> (дата обращения: 14.05.2025).

<sup>446</sup> Эрдоган обвинил Запад в поддержке военного переворота в Турции // РБК. – 02.08.2016. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/08/2016/57a09d8e9a7947413241b639> (дата обращения: 13.06.2025).

<sup>447</sup> В Турции демонстранты пешком направились к базе НАТО «Инджирлик» // РИА Новости. – 24.09.2025. – URL: <https://ria.ru/20240924/turtsija-1974425003.html> (дата обращения: 13.06.2025).

тот момент министр иностранных дел Турции – заявил, что Турецкая Республика допускает возможность использования Россией базы «Инджирлик» с целью борьбы с «Исламским государством»<sup>448</sup>. Тем не менее, в дальнейшем официальная Анкара, напротив, стала активнее подсвечивать не столько вопрос нахождения на своей территории иностранных военных, сколько более важные для нее вопросы, связанные с террористической деятельностью РПК.

Проблематика РПК и других военизированных курдских формирований стала в особенности актуальной после трансформации турецких подходов к борьбе с терроризмом в Сирии и экстраполяции – ранее исключительно внутривнутриполитического – вопроса терроризма курдских организаций на внешнеполитическую плоскость. Интересы США и Турции по этому вопросу впервые столкнулись на территории Сирийской Арабской Республики. Камнем преткновения стал классический для многих стран вопрос трактовки понятия «терроризм» и согласования позиций относительно причисления к террористическим тех или иных групп.

Особенностью турецкого подхода является рассмотрение действующих в Сирии курдских формирований PYD и YPG в качестве неотъемлемой части РПК. США, которые наряду с Европейским союзом включили Рабочую партию Курдистана в список террористических организаций, не признают таковыми иные курдские группировки, что, в свою очередь, приводит к противоречиям Турции и США. Более того, позиция США состоит в том, что взаимодействие с PYD и YPG, в том числе их вооружение – и есть борьба с террористической угрозой, поскольку сирийские курдские формирования осуществляют борьбу в том числе с боевиками ИГИЛ<sup>449</sup>. Стоит отметить, что другим примером разногласий «союзников» на этой же почве является палестинское исламистское движение «ХАМАС»,

---

<sup>448</sup> Турция допустила использование Россией своей авиабазы // Forbes. – 04.07.2016. – <https://www.forbes.ru/news/324179-turtsiya-dopustila-ispolzovanie-rossiei-svoei-aviabazy> (дата обращения: 12.05.2025). Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

<sup>449</sup> Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

рассматриваемое как террористическое как США, так и Евросоюзом, но не Турцией, выстраивающей с его активистами политические контакты.

Пресс-секретарь президента Турции еще в 2018 г. заявлял о «двойных стандартах» США в борьбе с терроризмом, приравняв поддержку вышеназванных курдских групп в Сирии к пособничеству терроризму<sup>450</sup>. Об этом же в 2020 г. писал бывший премьер-министр Турции, глава «Партии будущего» А. Давутоглу в своей книге «Системное землетрясение и мировой порядок», делая акцент в том числе на систематическом вооружении курдских группировок со стороны США<sup>451</sup>.

Соединенные Штаты неоднократно критиковали проводимые Турцией антитеррористические военные операции на севере Сирии, аргументируя это тем, что атакам нередко подвергались районы размещения американских войск, которые борются против «ИГИЛ»<sup>452</sup>. Апогеем турецко-американского противостояния стал произошедший в 2023 г. инцидент, когда США сбили турецкий беспилотник в Сирии, расценив его как угрозу. При этом, по информации турецких источников, беспилотник выполнял задачу по уничтожению боеприпасов подконтрольных РПК формирований<sup>453</sup>.

Отдельного внимания заслуживает процесс вступления Швеции и Финляндии в Североатлантический альянс и политика Турции по данному вопросу. Обе страны подали заявки на вступление в 2022 г., однако они не были ратифицированы двумя действующими членами блока: Венгрией и Турцией. Официальная Анкара объяснила свое нежелание принимать Стокгольм и Хельсинки не верной, с ее точки зрения, антитеррористической политикой этих

---

<sup>450</sup> Поддержка PYD/YPG равносильна пособничеству PKK // Anadolu Ajansı. – 07.11.2018. – URL: <https://www.aa.com.tr/ru/t%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B8%D1%8F%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B6%D0%BA%D0%B0-pyd-ypg-%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D1%81%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0-%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B1%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D1%83-%D1%80%D0%BA%D0%BA/1305414> (дата обращения: 12.06.2025).

<sup>451</sup> Davutoğlu A. Sistemik Deprem ve Dünya Düzeni, – Küre Yayınları, İstanbul: Turkey, 2020. – 391 p.

<sup>452</sup> В США выступают против проведения Турцией операций на северо-западе Сирии // ТАСС. – 07.12.2022. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16529171> (дата обращения: 30.05.2023).

Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

<sup>453</sup> США сбили турецкий беспилотник в Сирии // РИА Новости. – 05.10.2023. – URL: <https://ria.ru/20231005/siriya-1900818321.html> (дата обращения: 12.06.2025).

государств. Требования Турции заключались в необходимости внести Рабочую партию Курдистана в список террористических организаций, прекратить поддержку сирийских курдских формирований и FETÖ (в частности, закрыть аффилированные со структурой организации), а также выдать Турции лиц, получивших политическое убежище в перечисленных странах и обвиняемых турецкими властями в организации террористической деятельности – речь шла об экстрадиции приблизительно 130 человек.

После длительных переговоров Турецкой Республики с членами делегаций Финляндии и Швеции, а также руководством НАТО в июне 2022 г., на саммите Североатлантического альянса в Мадриде, стороны заключили трехсторонний меморандум, обязывающий стран-подписантов существенным образом изменить подходы к антитеррористической политике. Так, стороны договорились расследовать и пресекать финансирование РПК, скорректировать законодательство в области противодействия терроризму, а Швеция также обязалась снять эмбарго с поставок Турции оборонной продукции<sup>454</sup>.

Тем не менее, несмотря на достигнутые соглашения, вступление стран в НАТО состоялась не сразу ввиду тщательного контроля выполнения договоренностей со стороны Турции. Р.Т. Эрдоган постоянно напоминал, что члены и сторонники РПК ведут открытую деятельность на территории не только Швеции и Финляндии, на тот момент только претендовавших на вступление в НАТО, но и в пределах уже действующих членов, в частности, Германии и Великобритании<sup>455</sup>. Позднее схожие мысли относительно «двойной игры» союзников Турции по НАТО выражал глава Управления по коммуникациям администрации президента Турции Ф. Алтун в своем труде «Турция –

---

<sup>454</sup> 20 месяцев торга. Турция одобрила заявку Швеции в НАТО // ТАСС. – 24.01.2024. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19802647> (дата обращения: 12.06.2025).

<sup>455</sup> Эрдоган предупредил Швецию о возможности серьезного ухудшения отношений из-за РПК // ТАСС. – 15.01.2023. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16804623> (дата обращения: 12.06.2025).

стабилизирующая сила в эпоху глобальной неопределенности», отмечая, что страна не получает должной поддержки от ближайших союзников<sup>456</sup>.

Ситуацию существенным образом осложнили праворадикальные антитурецкие акции, осуществленные в январе и июне 2023 г. Так, на одной из акций в поддержку РПК активисты подвесили и сожгли куклу, имитирующую лидера Турции Р.Т. Эрдогана, на других – состоялись акты публичного сожжения Корана в качестве протеста против политики Турции<sup>457</sup>, на которые власти Швеции отреагировали весьма сдержанно. Отдельно стоит отметить, что турецкая политика вызывала протесты не только у европейских стран. Еще в ноябре 2022 г. американский политический деятель и бывший сотрудник Пентагона М. Рубин опубликовал публицистическую статью, в которой подверг резкой критике Турцию и призвал Запад внести ее в список «спонсоров терроризма», если Анкара откажется поддержать вступление в НАТО новых членов<sup>458</sup>.

Финляндия присоединилась к НАТО раньше – в апреле 2023 г., в то время как политика Швеции устраивала Турцию не в полной мере. В октябре 2023 г. Й. Столтенберг, занимавший тогда пост Генерального секретаря НАТО, в очередной раз заявил, что Швеция выполнила выдвинутые Турцией условия, отметив, что для этого ей пришлось изменить свою конституцию<sup>459</sup>. Великое национальное собрание Турции ратифицировало шведскую заявку лишь в январе 2024 г., после чего в марте того же года Стокгольм стал полноправным участником альянса.

В этом контексте можно говорить о некоторой, во многом закономерной, цикличности турецко-западного антитеррористического сотрудничества. Так, если на ранних его этапах в роли «ведомого» игрока была Турция, которая выправляла

---

<sup>456</sup> Altun F. Küresel Belirsizlik Çağında İstikrarlaştırmacı Güç Türkiye. Paradigma Yayınları. – İstanbul: Turkey, 2022. – P. 126.

<sup>457</sup> 20 месяцев торга. Турция одобрила заявку Швеции в НАТО // ТАСС. – 24.01.2024. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19802647> (дата обращения: 12.06.2025).

<sup>458</sup> Rubin M. NATO Should Apply Turkey's Counterterrorism Principle Against Turkey // 1945. – 12.11.2022.– URL: <https://www.19fortyfive.com/2022/11/nato-should-apply-turkeys-counterterrorism-principle-against-turkey/> (дата обращения: 12.06.2025).

<sup>459</sup> Генеральный секретарь приветствует последние шаги на пути к присоединению Швеции к НАТО // Организация Североатлантического договора. – 25.10.2023. – URL: [https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news\\_219526.htm?selectedLocale=ru](https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_219526.htm?selectedLocale=ru) (дата обращения: 12.06.2025).

изъяны своего законодательства в угоду европейским и американским союзникам, то теперь сама Анкара диктует правила игры. Кейс с присоединением Финляндии и Швеции к НАТО в принципе является показательным с точки зрения изменения глобального «баланса сил». Ранее невозможно было даже предположить, что именно Турция может стать препятствием к расширению военно-политического блока, и что по требованию Анкары европейские страны могут менять собственные законы, к тому же в такой уязвимой и чувствительной области, как безопасность. В настоящее время подобное турецко-западное антитеррористическое сотрудничество, проявляющееся в основном в подобном «торге» и стремлении получить преференции стало реальностью.

При этом взаимодействие по проблематике борьбы с терроризмом на разных уровнях между Турцией и ее западными партнерами продолжается, однако в большей степени носит консультативный характер. В марте 2024 г., например, Турция и США возобновили консультации по борьбе с терроризмом в рамках встреч по линии совместного Стратегического механизма. Анкару с визитом посетила координатор госдепартамента США по борьбе с терроризмом Э. Ричард. Стороны обсудили ряд вопросов, в том числе укрепление двустороннего сотрудничества в борьбе против ИГИЛ<sup>460</sup> и связанных с «Аль-Каидой»<sup>461</sup> организаций в Африке, Южной и Средней Азии<sup>462</sup>. При этом через месяц, в апреле 2024 г. МИД Турции прокомментировал опубликованный Госдепартаментом США доклад по правам человека за 2023 г., в котором содержались формулировки относительно курдской политики Турции. В распространенном заявлении внешнеполитического ведомства Турции, помимо того, что контртеррористические операции являются правом Турции на самооборону,

---

<sup>460</sup> Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

<sup>461</sup> Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

<sup>462</sup> ABD'nin Terörle Mücadele Koordinatörü Büyükelçi Richard, Bugün Türkiye'ye Geliyor // Stratejik Düşünce Enstitüsü. – 22.04.2024. – URL: <https://www.sde.org.tr/amerika/abdnin-terorle-mucadele-koordinatoru-buyukelci-richard-bugun-turkiyeye-geliyor-haberi-54674> (дата обращения: 03.07.2025).

содержится призыв к Соединенным Штатам «прекратить партнерство с террористическими организациями<sup>463</sup>».

Как уже отмечалось, одна из главных проблем во взаимодействии Турции и Запада является неурегулированность подходов в вопросе трактовки террористической деятельности. Подобная проблема в действительности носит массовый характер и не является отличительной особенностью турецко-западных отношений. Скорее, напротив, взаимодействие Турции с США, ЕС и НАТО является одним из наиболее наглядных типичных примеров того, как при формально налаженном механизме антитеррористического взаимодействия возможны постоянные столкновения между союзниками на почве различия подходов.

Таким образом, отношения Турецкой Республики с Западным миром в целом из «образцового партнерства» трансформировались в «образцовый антагонизм». Растущие амбиции Анкары больше не позволяют ей быть игроком второго плана и адаптироваться под стандарты «старших» государств. В системе полицентричной безопасности НАТО для Турции является не ключевым блоком, отвечающим за ее безопасность в случае возникновения угроз, а лишь механизмом достижения Турцией своих интересов и увеличения своего влияния как надрегионального игрока. Современная Турецкая Республика пытается влиять на архитектуру безопасности Европы, которая представляет для нее особый интерес ввиду того, что является крупнейшим ареалом расселения турецкой диаспоры.

### **3.3. Сотрудничество России и Турции в области противодействия международному терроризму**

В период охлаждения турецко-западных отношений, в частности, в сфере безопасности и поставок вооружений, Турецкая Республика дала старт процессу диверсификации союзников и партнеров. Несмотря на инцидент со сбитым

---

<sup>463</sup> ABD Dışişleri Bakanlığınca Yayınlanan 2023 İnsan Hakları Raporu Hk. // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. – 24.04.2024. – URL: [https://www.mfa.gov.tr/no\\_-69\\_-abd-disisleri-bakanliginca-yayimlanan-2023-insan-haklari-raporu-hk.tr.mfa](https://www.mfa.gov.tr/no_-69_-abd-disisleri-bakanliginca-yayimlanan-2023-insan-haklari-raporu-hk.tr.mfa) (дата обращения: 03.07.2025).

российским бомбардировщиком<sup>464</sup>, одним из таких партнеров вскоре стала Российская Федерация. В некотором смысле произошедшие между Россией и Турцией кризисные события в конечном итоге подтолкнули страны к развитию контактов в сфере безопасности, которые до этого момента находились на относительно низком уровне.

Российско-турецкое взаимодействие имеет долгую историю – дипломатические отношения между странами были установлены еще в 1920 г., а спустя год стороны подписали Договор о дружбе и братстве<sup>465</sup>. На протяжении многих десятков лет Россия и Турция выводили двусторонние отношения на уровень стратегического партнерства и в настоящий период времени сотрудничают по целому ряду направлений. За годы своего взаимодействия государства установили прочные контакты в торгово-экономической, энергетической культурно-гуманитарной и других сферах, однако прочный диалог по политической линии, в том числе по вопросам обеспечения безопасности, был налажен относительно недавно. В 2019 г. президент России В.В. Путин отметил, что партнерство России и Турции вышло на стратегический уровень<sup>466</sup>.

Отношения двух государств активно развивались со времен Советского Союза, который до вступления Анкары в НАТО в 1952 г. рассматривал Турецкую Республику в качестве одного из немногих союзнических государств на Ближнем и Среднем Востоке. Тем не менее, события, произошедшие в конце XX и связанные с распадом СССР, в значительной степени повлияли на отношения государства с мировыми и региональными державами и не могли не отразиться на российско-турецком взаимодействии. В те времена Россия переживала достаточно тяжелый этап в своей истории и была прежде всего заинтересована в урегулировании ситуации внутри страны, на время оставив вопрос налаживания стремительно

---

<sup>464</sup> Мозлов А.Т. Россия-Турция: существуют ли перспективы сотрудничества? // Человеческий капитал. – 2016. – № 2 (86). – С. 21.

<sup>465</sup> Политические отношения России и Турции // Посольство России в Турции. – URL: <https://turkey.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/political-relations/> (дата обращения: 16.04.2025)

<sup>466</sup> Церемония вручения верительных грамот // Кремль. – 03.07.2019. – URL: <http://www.special.kremlin.ru/events/president/transcripts/60886> (дата обращения: 18.08.2025)

ухудшавшихся двусторонних отношений с рядом государств, которые в связи с этим еще больше нуждались в активизации политических контактов.

В 1990-х гг., в связи со сложной обстановкой ввиду чеченских войн, сторонами предпринимались попытки установить контакты по вопросам безопасности. Так, в 1992 г. между Россией и Турцией был подписан базовый для российско-турецких отношений Договор об основах отношений Российской Федерации и Турецкой Республики, статья 19 которого повествует о том, что Стороны решительно выступают против террористических действий, а также намерены осуществлять сотрудничество в области борьбы с международным терроризмом<sup>467</sup>. В том же году Министерство внутренних дел России и ФСБ начали осуществлять сотрудничество с Министерством внутренних дел Турции, в 1996 г. стороны подписали Меморандум о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, а в 1997 г. провели первый раунд российско-турецких антитеррористических консультаций под эгидой внешнеполитических ведомств двух стран<sup>468</sup>.

Если проанализировать хронологию контактов России и Турции начиная с 1991 г., то можно заключить, что вопросы безопасности и борьбы с терроризмом в двусторонней повестке так или иначе присутствовали – контртеррористическое сотрудничество активно обсуждалось лидерами стран или высокопоставленными министрами в ходе визитов и других различных мероприятий<sup>469</sup>. При этом некоторые события, которые произошли после такого рода контактов, в частности, инцидент со сбитым российским самолетом, а также убийство посла России в Турции в декабре 2016 г., не позволяют говорить об их эффективности.

Начиная с 1990-х гг. двусторонние контакты России и Турции, несмотря на свою частоту, имели все же формальный характер. Стороны обсуждали вопросы антитеррористического сотрудничества, однако конкретных совместных шагов,

---

<sup>467</sup> Договор об основах отношений Российской Федерации и Турецкой Республики // МИД России. – URL: [http://www.mid.ru/foreign\\_policy/international\\_contracts/2\\_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-351/48617](http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-351/48617) (дата обращения: 16.04.2025)

<sup>468</sup> О сотрудничестве в области борьбы с терроризмом // МИД России. – 27.09.2003. – URL: [http://www.mid.ru/ru/maps/tr/-/asset\\_publisher/Fn23K1b76LY2/content/id/504690](http://www.mid.ru/ru/maps/tr/-/asset_publisher/Fn23K1b76LY2/content/id/504690) (дата обращения: 16.04.2025)

<sup>469</sup> Çulha E. Türk-Rus İlişkilerinin Kronolojisi // Marmara Türkiyat Araştırmaları Dergisi – 2016. – № 2. – С. 289-290 – URL: <http://dergipark.gov.tr/matad/issue/29711/319714> (дата обращения: 16.04.2025).

контртеррористических операций или межведомственных структур в этой области создано так и не было. Более того, на встречах лидеры договаривались о тесном сотрудничестве по противодействию терроризму, однако в реальности ситуация складывалась иным образом.

Так, например, сегодня известно, что незадолго до войн в Чечне чеченские боевики проходили обучение в религиозных образовательных учреждениях на территории Турецкой Республики. Кроме того, в 2007 г. правоохранные органы России зафиксировали как минимум 14 неправительственных организаций, которые оказывали материальную помощь чеченским террористам<sup>470</sup>, что либо поощрялось руководством Турции, либо на такую деятельность просто не обращали внимания ответственные за безопасность правоохранные органы. Кроме того, известно, что территория Турции по сегодняшний день выполняет роль переправочного пункта боевиков со всего мира, что, судя по всему, слабо отслеживается службами пограничного контроля Турецкой Республики. В 2013-2014 гг. ряд боевиков, в том числе из России и стран Центральной Азии, ожидали переброски в Сирию на территории Турции<sup>471</sup>.

Вместе с тем в начале 2000-х годов Турция сама в каком-то смысле являлась одним из факторов, способствующих развитию радикальной экстремистской деятельности на территории Российской Федерации. После прекращения существования СССР в начале XXI столетия Россия была уязвима для внешнего воздействия. На протяжении многих лет особый интерес Турции на российской территории вызывали тюркоязычные субъекты, на которые государственные и негосударственные структуры Турецкой Республики стремились распространить свое влияние посредством мягкой силы. Помимо разного рода культурных центров и организаций, таких как Международная организация тюркской культуры (TÜRKSOY), Агентство по международному сотрудничеству и координации (TİKA) и других, особую известность получило распространившееся в те годы на

---

<sup>470</sup> Ханбабаев К.Н. Экстремизм в современной Чечне // Исламоведение – 2010 – №3. – С. 112.

<sup>471</sup> Звягельская И. Ближневосточный клинч: Конфликты на Ближнем Востоке и политика России. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2014 г. – С. 111.

территорию России движение «Хизмет» или «Нурджулар», нередко связывавшееся с турецким проповедником Ф. Гюленом<sup>472</sup>.

Специфика данного движения заключалась в том, что его деятельность охватывала достаточно много сфер – от религиозной и научной до культурно-образовательной<sup>473</sup>. Осуществлялась такая деятельность посредством специализированных школ, открытых почти в каждом тюркоязычном субъекте страны и даже в Москве, причем некоторые из них функционировали при определенных кафедрах российских вузов. Примечательно также и то, что всего за границей функционировало до 279 образовательных учреждений, возглавляемых турецким имамом<sup>474</sup>. Деятельность данных школ была при этом заявлена как религиозно-просветительская и активно финансировалась из Турции.

В каком-то смысле основатели школ «Хизмет» предполагали, что эти учреждения должны приобрести статус современного прототипа «медресе» – мусульманского учебного заведения, действующего на территориях тюркоязычных регионов, входящих в состав России, во времена распространения там ислама<sup>475</sup>. Школы, спонсировавшиеся Ф. Гюленом и его сподвижниками (сам имам данный факт отрицал), к 2001 г. реализовывали свою деятельность на территории Татарстана, Башкортостана, Чувашии, Бурятии, Тувы, Карачаево-Черкесии, в других регионах, а также в двух федеральных центрах – Москве и Санкт-Петербурге<sup>476</sup>. По мере активного расширения географии образовательных заведений «Хизмет» ими стал активно интересоваться Рособназор.

В 2008 г. постановлением Верховного Суда Российской Федерации движение «Нурджулар»<sup>477</sup> было признано экстремистским и запрещено, а

---

<sup>472</sup> Актуальные проблемы международных отношений и внешней политики в XXI веке: Монография / Под ред. Т.В. Кашириной и В.А. Аваткова. – М.: Дашков и К°, 2017. – С. 236.

<sup>473</sup> Надеин-Раевский В.А. Критика современного пантюркизма : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.02 / АН СССР. Ин-т философии. – Москва, 1989. – 173 с.

<sup>474</sup> Veren N. FETO 1966-2016. – İstanbul: Destek Yayınları, 2016. – С. 141.

<sup>475</sup> Дмитриева Е.Л. Исламское образование в России: история и современность // Россия и мусульманский мир. – 2018. – № 4 (310). – С. 13.

<sup>476</sup> Сулейманов Р.Р. Татаро-турецкие лицеи в Татарстане как проводники идеологии Фетхуллага Гюлена // Современные евразийские исследования. – 2016. – №1. – С. 80.

<sup>477</sup> Экстремистская организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

деятельность вышеупомянутых школ – угрожающей не только межнациональной и межконфессиональной стабильности российского общества, но и национальной целостности государства<sup>478</sup>. В ходе тщательных проверок компетентными органами был выявлен ряд нарушений, в частности, в стандартах и методах обучения, используемых «преподавателями» данной секты. Так, например, выяснилось, что основной целью данных лицеев являлось воздействие на перспективную молодежь России, а более половины «преподавателей» не только не имели дипломов или документов, подтверждающих право реализовывать такую деятельность, но и незаконно находились на территории иностранного государства<sup>479</sup>.

При этом стоит отметить, что к тому времени, когда в России разоблачили истинную деятельность «Хизмет», Ф. Гюлен – в прошлом единомышленник Р.Т. Эрдогана – в 2008 г. уже находился под следствием в Турции, что, однако, не помешало властям государства оценить деятельность таких школ за рубежом как полезную для Турции<sup>480</sup> с точки зрения реализации стратегических задач страны в рамках политики пантюркизма<sup>481</sup>. С одной стороны, деятельность школ в действительности не являлась террористической, с другой – экстремизм, за который учреждения «Хизмет» были запрещены в России, мог в любой момент перерасти во что-то большее, кроме того, примечательно, что на территории самой Турции многие проекты, связанные с последователями движения «Нурджулар»<sup>482</sup> и Ф. Гюленом вскоре были закрыты. В связи с этим весьма важным является тот факт, что Россия стала первой страной, запретившей аффилированное с ФЕТÖ движение задолго до переворота в Турции 2016 г. В данном контексте вопрос отсутствия в Турции антиэкстремистского законодательства, позволяющего

---

<sup>478</sup> Иванов В. Движение Фетхуллага Гюлена в России и странах СНГ // Мусульманский мир. – 2014. – № 3. – С. 49.

<sup>479</sup> Сулейманов Р.Р. Татаро-турецкие лица в Татарстане как проводники идеологии Фетхуллага Гюлена // Современные евразийские исследования. – 2016. – №1. – С. 81.

<sup>480</sup> Надеин-Раевский В.А. Идеиная борьба и новая Турция // Вестник МГИМО Университета. – 2016. – № 2 (47). – С. 25.

<sup>481</sup> Сулейманов Р.Р. Татаро-турецкие лица в Татарстане как проводники идеологии Фетхуллага Гюлена // Современные евразийские исследования. – 2016. – № 1. – С. 79.

<sup>482</sup> Экстремистская организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

заблаговременно выявлять и предотвращать угрозы, исходящие от экстремистских организаций и течений, становится еще более актуальным.

Вместе с тем российско-турецкие контакты в это время продолжались: в 2000 и 2002 гг. прошел очередной раунд российско-турецких антитеррористических консультаций<sup>483</sup>, в 2009 г. по завершении двусторонних переговоров на высшем уровне главы государств подписали Совместную декларацию о продвижении к новому этапу отношений между Россией и Турцией и дальнейшем углублении дружбы и многопланового партнерства, где стороны выразили приверженность контртеррористическому сотрудничеству<sup>484</sup>, однако гораздо активнее развивались контакты в сфере экономики.

Так продолжалось на протяжении более 10 лет – стороны делали акцент исключительно на взаимовыгодных торгово-экономических проектах, в то время как политическое направление и вопросы безопасности отошли на второй план. Неверно расставленные приоритеты в конечном итоге привели к тому, что в 2015 г. Турция сбила российский бомбардировщик Су-24, один из пилотов которого погиб в результате террористических действий<sup>485</sup> турецкой ультраправой организации «Серые волки» («Бозкурт»), после чего Совет Федерации предложил Генеральной прокуратуре признать ее террористической на территории Российской Федерации<sup>486</sup>. Тогда же Россия решила обнародовать компрометирующие данные о покупке Турцией нефти у террористической группировки ИГИЛ<sup>487 488</sup>, что еще раз подтвердило неэффективность проводимого ранее сотрудничества в области антитеррористических действий.

---

<sup>483</sup> О сотрудничестве в области борьбы с терроризмом // МИД России. – 27.09.2003. – URL: [http://www.mid.ru/ru/maps/tr/-/asset\\_publisher/Fn23K1b76LY2/content/id/504690](http://www.mid.ru/ru/maps/tr/-/asset_publisher/Fn23K1b76LY2/content/id/504690) (дата обращения: 16.04.2025).

<sup>484</sup> Совместная декларация о продвижении к новому этапу отношений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой и дальнейшем углублении дружбы и многопланового партнерства // Президент России. – 13.02.2009. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/172> (дата обращения: 16.04.2025).

<sup>485</sup> Мозлов А.Т. Россия-Турция: существуют ли перспективы сотрудничества? // Человеческий капитал. – 2016. – № 2 (86). – С. 22.

<sup>486</sup> В СФ просят признать террористической турецкую организацию "Боз Гурд" // РИА Новости. – 30.11.2015. – URL: <https://ria.ru/20151130/1332901370.html> (дата обращения: 16.04.2025).

<sup>487</sup> Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

<sup>488</sup> Nakhle S. ISIL sells its oil, but who is buying it? // Al Jazeera – 06.12.2015. – URL: <https://www.aljazeera.com/indepth/opinion/2015/12/isil-sells-oil-buying-151206055403374.html> (дата обращения: 16.04.2025).

В августе 2016 г., после возобновления замороженных с осени 2015 г. контактов, Россия и Турция планомерно начали выстраивать диалог в области вопросов безопасности, что также объяснялось началом проведения военно-космическими силами России контртеррористической операции на территории Сирийской Арабской Республики и возникшей необходимостью координации действий. Активизации двустороннего сотрудничества также способствовала более самостоятельная политика Турецкой Республики на международной арене, а также ее постепенный отход от прозападного внешнеполитического курса<sup>489</sup>.

Россия постепенно начала вовлекать Турцию в орбиту своего влияния, пытаясь доказать, что в области борьбы с терроризмом следует принимать меры не только против действующих внутри государства террористических групп, но и в отношении международно признанных организаций, деятельность которых более опасна для всего мирового сообщества и более разрушительна. Более того, Россия фактически усадила за стол переговоров Турцию и Иран, которые издавна являются геополитическими соперниками в регионе<sup>490</sup>, что позволило наладить сотрудничество на трехсторонней основе.

Государства начали проводить регулярные переговоры между главами оборонных ведомств стран и координировать шаги по противодействию террористической угрозе, а особых успехов на этом направлении стороны достигли к осени 2018 г. 17 сентября в Сочи состоялись переговоры президента России В.В. Путина с главой Турецкой Республики Р.Т. Эрдоганом, в ходе которых стороны подписали Меморандум о стабилизации обстановки в зоне деэскалации Идлиб. В соответствии с Меморандумом, стороны достигли значимых соглашений в области борьбы с терроризмом: Россия и Турция договорились создать демилитаризованную зону в сирийской провинции Идлиб глубиной 15-20 километров, откуда должны быть выведены радикально настроенные боевики,

---

<sup>489</sup> Аватков В.А. Россия и Турция: переход к полицентричной системе международных отношений // Обозреватель – 2018. – № 11 (346). – С. 44.

<sup>490</sup> Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка): [В.М. Ахмедов и др.] ; отв. ред. В.В.Наумкин, Д.Б.Малышева ; Институт востоковедения РАН. – Москва: ИВ РАН, 2015. – С. 263.

тяжелая техника, включая танки и минометы, а также контролировать зону патрульными группами, состоящими из турецких подразделений и подразделений российской военной полиции<sup>491</sup>.

По прошествии более полугода с момента достижения договоренностей по Идлибу 8 апреля 2019 г. президент России во время пресс-конференции по итогам проведенных переговоров с Р.Т. Эрдоганом заявил о том, что, несмотря на то, что стороны постепенно выходят на совместное патрулирование, государствам пока не удалось создать специальный центр мониторинга по отслеживанию обстановки в регионе, а также выйти на тот уровень сотрудничества, о котором лидеры ранее договаривались в Сочи<sup>492</sup>. Такое положение дел свидетельствовало о том, что, несмотря на тесное антитеррористическое сотрудничество, некоторые разногласия по этому вопросу у стран все же имеются.

Если научные подходы России и Турции к терроризму схожи, то на политико-правовом уровне они в значительной степени различаются. Главная проблема заключается не только в различном понимании сути терроризма, отраженном в национальном законодательстве государств, но и в подходах к самим террористическим группировкам. Во-первых, антитеррористическая миссия России состоит в борьбе с такими группировками, как ИГИЛ<sup>493</sup>, Фронт ан-Нусра<sup>494</sup> и прочими международными террористическими акторами; Турция, напротив, прежде всего нацелена на ликвидацию курдских военизированных формирований и только после этого – на уничтожение ИГИЛ<sup>495</sup>, что осложняет сотрудничество в этой области, поскольку если цель – победить терроризм – в общих чертах у государств совпадает, то методы по ее достижению существенно отличаются. Во-вторых, Турцию не устраивает позиция России по отношению к курдским организациям, которые на территории России террористическими не признаются.

---

<sup>491</sup> Заявления для прессы по итогам российско-турецких переговоров // Президент России. – 17.09.2018. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58574> (дата обращения: 16.04.2025).

<sup>492</sup> Пресс-конференция по итогам российско-турецких переговоров // Президент России. – 08.04.2019. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60247> (дата обращения: 16.04.2025).

<sup>493</sup> Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

<sup>494</sup> Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

<sup>495</sup> Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

Так, например, Турция неоднократно просила Российскую федерацию закрыть московский офис Партии демократического союза (PYD)<sup>496</sup>, однако Россия не видит весомых причин для этого, поскольку российской безопасности никаких угроз курдские вооруженные формирования не несут, более того, в рамках сирийского кризиса они рассматриваются в качестве одной из сторон конфликта и партнера по диалогу в вопросе мирного урегулирования. Вместе с тем Турция, в свою очередь, еще во время «арабской весны» на Ближнем Востоке активно поддерживала «Братьев-мусульман»<sup>497</sup> в Египте, а сегодня является преданным приверженцем их идеологических воззрений<sup>498</sup>, которые в России расцениваются как террористические.

Проблемы в разделении группировок на террористические и антитеррористические отчетливо проявились в ходе процесса формирования Конституционного комитета Сирии, над созданием которого стороны работали вместе с Ираном: государства долгое время не могли согласовать список участников комитета и отделить террористические группы от оппозиции и других сторон конфликта ввиду разных подходов к PYD/YPG, предоставив согласованный список лиц лишь к декабрю 2018 г.

При этом Р.Т. Эрдоган считает своим долгом напомнить миру о том, что курдские группы являются террористическими в Турции, и не упускает возможности заявить об этом. Осенью 2018 г. на пресс-конференции в Сочи президент Турецкой Республики подчеркнул, что считает необходимым вывести из идлибской зоны деэскалации в том числе и военизированные отряды курдов, поскольку они являются такими же террористами, как боевики ИГИЛ<sup>499</sup> и Фронт ан-Нусра<sup>500 501</sup>. Вместе с тем вопрос, каким именно образом можно преодолеть

---

<sup>496</sup> Турция ожидает, что Россия закроет офис сирийских курдов в Москве // РИА Новости. – 23.03.2017. – URL: <https://ria.ru/20170323/1490646279.html> (дата обращения: 17.04.2025).

<sup>497</sup> Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

<sup>498</sup> Аватков В.А. Тюкаева Т.И. О халифате и геополитике в современном арабо-исламском регионе // Полития. – 2014. – №1 (72). – С. 111.

<sup>499</sup> Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

<sup>500</sup> Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

<sup>501</sup> Заявления для прессы по итогам российско-турецких переговоров // Президент России. – 17.09.2018 г. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58574> (дата обращения: 18.04.2025).

такие разногласия, на настоящий момент времени по-прежнему остается неопределенным. России действительно не выгодно говорить о курдских организациях как о террористических, поскольку они являются партнерами по политическому диалогу.

Кроме того, современная многонациональная Россия, которая опасается всплесков национал-экстремизма<sup>502</sup>, не разделяет концепцию Турции о национальном государстве, нарушающую права курдского населения. В то же время, учитывая усиливающуюся исламизацию турецкой политики<sup>503</sup>, Турция, в свою очередь, с наименьшей долей вероятности пойдет на компромисс, если Россия выдвинет предложение о внесении «Братьев-мусульман»<sup>504</sup> в список террористических группировок, поскольку их лидеры одни из немногих на Ближнем Востоке, кто благосклонно относится к нынешнему политическому курсу Турецкой Республики.

Однако, несмотря на имеющиеся проблемы, до падения правительства Б. Асада в Сирии Россия и Турция не прекращали взаимодействие и стремились достичь понимания в этом вопросе. Так, например, в период острой фазы сирийского конфликта сторонами регулярно проводились контртеррористические консультации по координации действий в Сирии, государства наладили военно-техническое взаимодействие, а летом 2018 г. в Анкаре под сопредседательством заместителей министров иностранных дел двух стран стороны провели межведомственные консультации по вопросам борьбы с терроризмом и организованной преступностью<sup>505</sup>. В июне 2024 г., после терактов в Дагестане,

---

<sup>502</sup> Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России: Научное издание. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. – С. 253.

<sup>503</sup> Звягельская И.Д. Ближневосточный клинч: Конфликты на Ближнем Востоке и политика России. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2014 г. – С. 108.

<sup>504</sup> Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

<sup>505</sup> О российско-турецких межведомственных консультациях по вопросам борьбы с терроризмом и организованной преступностью // МИД России. – 02.06.2018. – URL: [http://www.mid.ru/foreign\\_policy/news/-/asset\\_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3247142](http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3247142) (дата обращения: 18.04.2025)

лидеры двух стран договорились о продолжении антитеррористического сотрудничества<sup>506</sup>.

Тем не менее, на интенсивность антитеррористических контактов в значительной степени повлияло изменение политической обстановки в Сирии, а именно приход ко власти запрещенной в России террористической группировки Хайят Тахрир аш-Шам<sup>507</sup>, с которой Турция активным образом выстраивает взаимодействие. Более того, позиция Турции относительно необходимости ликвидации российских военных баз<sup>508</sup>, расположенных в регионе, ставит под сомнение возможность дальнейшего эффективного антитеррористического сотрудничества. В связи с этим представляется важным подчеркнуть необходимость развивать многоплановые контакты в области безопасности, не ограничиваясь кризисными событиями одного региона.

### **Выводы по главе**

Закон № 3713 «О борьбе с терроризмом», принятый в 1991 г. и служащий правовой основой для борьбы с терроризмом, фактически дает властной элите Турции возможность произвольного расширения дефиниции терроризма, подводя под нее широкий спектр оппозиционной и этнополитической активности. Это, в свою очередь, превращает антитеррористическое законодательство в инструмент правового манипулирования.

На международном уровне сотрудничество Турции в сфере борьбы с терроризмом характеризуется многоуровневостью взаимодействия и стратегической прагматикой. Российско-турецкое партнерство при этом является примером координации между государствами с несовпадающими юридическими системами, различными ценностными парадигмами и интересами. Модель двустороннего ситуативного альянса, сложившаяся в ходе совместной

---

<sup>506</sup> Путин и Эрдоган договорились продолжить антитеррористическое сотрудничество // Парламентская газета. – 25.06.2024. – URL: <https://www.pnp.ru/politics/putin-i-erdogan-dogovorilis-prodolzhit-antiterroristicheskoe-sotrudnichestvo.html> (дата обращения: 18.06.2025).

<sup>507</sup> Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

<sup>508</sup> В МИД Турции назвали сирийцев ответственными за решение по базам России // РБК. – 21.12.2024. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/12/2024/6766d04d9a7947333fee5bc7> (дата обращения: 18.06.2025).

деятельности в Сирии, основывается, прежде всего, на принципе уважения к асимметричным интересам. В отличие от Запада, Россия и Турция смогли установить весьма важные контакты в области безопасности, а многолетнее контртеррористическое сотрудничество государств, которое особенно активизировалось в последние несколько лет, может послужить основой для дальнейшего успешного взаимодействия стран в области безопасности.

При этом взаимодействие Турции с США и ЕС в области противодействия терроризму трансформировалось из «образцового партнерства» в «образцовый антагонизм». В условиях современных реалий альянс НАТО больше не воспринимается Турцией в качестве ключевой структуры по обеспечению безопасности, а, напротив, рассматривается в качестве инструмента влияния на западных партнеров в своих интересах.

## Заключение

**Первая задача**, подразумевающая формулирование концептуальных основ анализа формирующейся полицентричной системы международной и региональной безопасности, была решена посредством разработки теоретико-методологического подхода, в основе которого лежит восприятие конфликта в качестве центрального структурного элемента системы. В рамках данного подхода конфликт представляет собой не атавизм, а значимую часть системы, благодаря которой, несмотря на некоторое замедление темпов ее развития, запускается процесс формирования механизмов кризисного управления.

Согласно авторской концепции, конфликтогенность системы безопасности определяется «циклами конфликтности мира», которые последовательно сменяют друг друга. Принимая во внимание тот факт, что бесконфликтное состояние в целом не характерно для международной среды, вслед за периодами «условно конфликтного состояния» неизбежно наступают периоды «столкновений высокой интенсивности», завершающиеся возвращением в «условно конфликтное состояние» после исчерпания конфликтующими сторонами необходимых ресурсов. Таким образом, к устойчивым и стабильным могут быть отнесены те системы, в рамках которых периоды «условно конфликтного состояния» имеют наибольшую продолжительность.

В отличие от исторических систем международных отношений (Вестфальской, Венской, Версальско-Вашингтонской и Ялтинско-Потсдамской), механизмы конфликтного урегулирования и элементы безопасности, сформировавшиеся по мере их развития, имеют свойство сохраняться и оставаться актуальными при переходе от одной системы безопасности к другой. В частности, принцип баланса сил остается значимым для текущего международного порядка и формирующейся полицентричной системы международной и региональной безопасности.

Кроме того, в условиях перехода от биполярной логики к сложной полицентричной системе растет значение символических, идеологических и культурно обусловленных факторов, особенно в политических культурах

восточного типа. Армия и иные институты безопасности выполняют не только охранительную функцию, но и служат идеологическими опорами государственности и стабильности, что усиливает комплексный характер современной безопасности как социокультурного феномена.

В рамках **второй задачи**, направленной на определение подходов и инструментов Турецкой Республики по обеспечению идейно-ценностной безопасности в условиях глобальных и региональных вызовов и угроз, выявлено, что для реализации потребностей Турции в области безопасности ее политическая элита применяет ряд внутренних и внешних идеологических установок.

Идеологемы и идеологические конструкты, используемые Анкарой, были соотнесены с потребностями государства и представлены в виде «пирамиды идей» (построена по образцу «пирамиды потребностей» А. Маслоу), особое положение в которой занимает так называемый «мягкий милитаризм» – авторское наименование идеологемы, представляющей собой частное проявление идеологии «неосманизма» в сфере безопасности.

Особенности применения данной идеологемы отражают трансформацию турецкой государственности: от республиканского милитаризма раннего кемализма к современным формам политико-идеологической мобилизации, использующим образ армии как символа национальной мощи и гаранта безопасности.

Угрозы безопасности Турецкой Республики были классифицированы и подразделены на внутренние, ставящие под удар стабильность социально-экономического развития и доверие общества к государственной власти, внешние, подразумевающие нарушение территориальной целостности Турции, и гибридные, обладающие свойствами обеих вышеперечисленных категорий (к подобным угрозам может быть отнесена террористическая деятельность).

При этом следует подчеркнуть нарастающее взаимопроникновение национальной и региональной безопасности в турецком политическом дискурсе, которое формирует восприятие сопредельных территорий в качестве продолжения национального пространства безопасности и влияния.

В ходе систематизации подходов Турецкой Республики по урегулированию международных и региональных конфликтов на Западе и Неазападе, проведение которой составляло **третью задачу** исследования, выявлено, что Турцией применяется многоступенчатая модель конфликтного участия, характеризующуюся гибкой сменой инструментов и стратегий в зависимости от характера кризиса и геополитической обстановки. В отличие от западных держав, опирающихся преимущественно на силовое давление и поддержку оппозиционных структур, Турция реализует поэтапную тактику, включающую распространение идеологических нарративов, задействование прокси-сил, ограниченное прямое военное вмешательство, которого Турция в большинстве случаев стремится избежать, и последующий переход к посреднической дипломатии. Такая стратегия позволяет минимизировать прямые издержки участия в конфликтах, сохраняя при этом контроль над их динамикой.

Особенность турецкой стратегии заключается в сочетании институционального участия в структурах западного мира (НАТО, ЕС) с прагматичным взаимодействием с незападными странами, что обеспечивает Анкаре возможность действовать гибко, исходя из текущей геополитической обстановки. Распространение образа Турции как «дипломатического хаба» подкрепляется активной вовлеченностью в урегулирование кризисов на Ближнем и Среднем Востоке, в Северной Африке, в Восточном Средиземноморье, а также в некоторых районах Азиатско-Тихоокеанского региона.

При выборе инструментов посредничества Турецкая Республика учитывает этноконфессиональные особенности конфликтов. Конфессиональный подход доминирует в странах мусульманского большинства вне непосредственного окружения Турции, этнический – в конфликтах с участием тюркских и других близких по культуре народов, а прямое военное вмешательство ограничивается преимущественно зонами активных боевых действий (в основном оно применяется на сопредельных территориях Ближнего Востока). Частным случаем гибридного подхода выступает кипрский конфликт, в ходе которого был совершен переход от последовательного применения этнической составляющей, нацеленной на

всестороннюю поддержку турок-киприотов, к силовому принуждению, на которое Анкара пошла в связи с обострением угрозы интересам Турции.

В рамках **четвертой задачи**, направленной на определение места и роли Турецкой Республики в урегулировании международных конфликтов на Ближнем Востоке и в Северной Африке, установлено, что Анкара последовательно выстраивает многовекторную стратегию, ориентированную на использование концепции «умной силы», совмещающей дипломатические, гуманитарные и силовые инструменты воздействия. Такая модель отражает стремление Турции утвердиться в качестве регионального лидера с претензией на расширение влияния за пределами Ближнего Востока (кросс-региональное лидерство).

Эволюция внешнеполитического курса Турции – от доктрины «ноль проблем с соседями» к политике вовлеченности в региональные конфликты – демонстрирует отказ от прежнего изоляционизма в пользу наступательного подхода к обеспечению национальной безопасности и реализации геополитических интересов. Анализ практических шагов Турецкой Республики позволил выделить пять ключевых направлений ее конфликтной активности: стремление к участию в мирном урегулировании и приданию переговорным форматам характера постоянных институтов; легитимизация применения вооруженных сил и силовых методов за пределами национальных границ; формирование ситуативных альянсов (*ad hoc*) с локальными, региональными и мировыми акторами; акцент на противодействие курдскому фактору; продвижение собственной модели политической стабилизации в исламском мире (в том числе в рамках идеологемы «исламизма с турецкой спецификой»).

Несмотря на то, что для политики Турецкой Республики на Ближнем Востоке характерен рост амбиций и расширение спектра внешнеполитических и военных инициатив, при её реализации Анкара сталкивается с характерной для региона конкуренцией за лидерство, асимметрией интересов между региональными державами и отсутствием единого подхода к мирному урегулированию конфликтов. Таким образом, роль Турции в ближневосточном и североафриканском процессах кризисного урегулирования определяется не только

активностью и гибкостью внешнеполитического курса Анкары, но и объективными структурными вызовами, сдерживающими реализацию амбиций Турецкой Республики в полной мере.

В рамках **пятой задачи**, касающейся определения политико-правовых подходов Турецкой Республики в области борьбы с терроризмом, установлено, что нормативно-правовая база Анкары в данной области отличается высокой степенью неопределенности, политизированности и расширительной трактовкой ключевых понятий. Отсутствие четкого разграничения между «терроризмом» и иными формами общественно-политической активности (в частности, оппозиционного, этнического или протестного характера) позволяет турецким властям широко интерпретировать угрозы внутренней стабильности, что ведет к политизации антитеррористической повестки и использованию ее в качестве инструмента внутреннего контроля.

Такой подход, закрепленный в Законе № 3713 от 1991 г. «О борьбе с терроризмом», не только препятствует гармонизации законодательства Турции с западными стандартами, но и вызывает затруднения в выстраивании стабильного сотрудничества с международными партнерами, особенно в рамках НАТО и ЕС. На протяжении последних лет – это стало причиной многочисленных коллизий в отношениях с рядом стран (в частности, Швецией, Германией, США), что, в свою очередь, снижает уровень доверия в двустороннем и многостороннем взаимодействии.

При этом при наличии внешне ориентированной антитеррористической риторики, на практике турецкий подход в значительной степени подстраивается под текущие задачи внешнеполитического курса. От мягкого сотрудничества и обмена разведанными в периоды сближения с Западом Анкара в отдельные периоды времени переходит к жесткой линии, сопровождающейся соответствующей риторикой и расширением полномочий силовых структур в условиях политической конфронтации. Особое значение при этом приобретает идеологизация борьбы с терроризмом в целях обоснования и легализации военного

присутствия за рубежом, в том числе на территории сопредельных государств (Сирия, Ливия).

Научное изучение терроризма в Турции базируется преимущественно на западных методологических подходах, фокусирующихся на идеологической природе террористических группировок, однако данные теоретические модели часто расходятся с практиками, реализуемыми в турецком правовом поле. Таким образом, борьба с терроризмом в Турции выступает не столько как внутренняя стратегия противодействия угрозам, сколько как инструмент внешнеполитического позиционирования и укрепления контроля над периферийными территориями в условиях растущей нестабильности.

Анализ стратегии международного сотрудничества Турции в области противодействия международному терроризму в условиях современной системы международной и региональной безопасности, выполненный в рамках **шестой задачи**, позволил сделать вывод о том, что Анкара постепенно смещает акценты своей внешнеполитической повестки от взаимодействия с западными структурами в сторону расширения партнерства с незападными государствами.

Ограниченный отказ от прежней зависимости от США и НАТО сопровождается распространением турецкой модели антитеррористического сотрудничества на такие страны, как Россия, с акцентом на прагматизм, гибкость и минимизацию нормативных ограничений.

Так, взаимодействие Турции с ЕС и НАТО носит формальный характер и остается ограниченным по содержанию. Принцип «единства угроз», декларируемый Анкарой, подразумевает попытки переноса турецкого подхода к классификации террористических организаций на европейскую политико-правовую повестку, что не всегда находит поддержку у западных партнеров, особенно в контексте курдского вопроса и оппозиционных движений.

На этом фоне российско-турецкое сотрудничество демонстрирует более устойчивую динамику, несмотря на определенные расхождения в юридических формулировках и понимании стратегических интересов друг друга. Партнерство с Москвой подчеркивает стремление Анкары к укреплению многовекторной

политики и формированию альтернативных центров влияния в сфере международной и региональной безопасности.

Одновременно установлено, что отсутствие взаимных обязательств и документов о признании радикальных националистических групп и исламистских организаций экстремистскими создает определенные риски устойчивому диалогу Турции с ее партнерами. Подобная правовая неопределенность позволяет Анкаре сохранять стратегическую маневренность, но при этом усиливает ее восприятие внешними силами в ряде регионов в качестве потенциального дестабилизирующего фактора. В результате Турция оказывается в промежуточной позиции: с одной стороны, Анкара позиционирует себя как участника антиисламистского и антитеррористического альянса, с другой – использует деятельность радикальных акторов для достижения внешнеполитических целей.

Таким образом, стратегия международного сотрудничества Турции в борьбе с терроризмом представляет собой совокупность разноуровневых механизмов, отражающих стремление Анкары к укреплению суверенных позиций, адаптации к условиям полицентричности и выстраиванию гибкой модели безопасности, ориентированной не на универсальные нормы, а на ситуативную полезность партнерства.

## Список источников и литературы

### Источники

1. Военная доктрина Российской Федерации (Утверждена Указом Президента Российской Федерации В.В. Путиным 25 декабря 2014 г.) // Совет Безопасности Российской Федерации. – URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/military/document129/> (дата обращения: 28.02.2024).
2. Глобальная контртеррористическая стратегия ООН // ООН. – URL: <https://www.un.org/counterterrorism/ru/un-global-counter-terrorism-strategy> (дата обращения: 06.03.2024).
3. Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний // Организация по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. – URL: [https://www.ctbto.org/sites/default/files/Documents/treaty\\_text\\_Russian.pdf](https://www.ctbto.org/sites/default/files/Documents/treaty_text_Russian.pdf) (дата обращения: 06.03.2024).
4. Договор о нераспространении ядерного оружия (Одобен резолюцией 2373 Генеральной Ассамблеи от 12 июня 1968 г.) // ООН. – URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/npt.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml) (дата обращения: 06.03.2024).
5. Договор об основах отношений Российской Федерации и Турецкой Республики // МИД России. – 25.05.1992. – URL: [https://www.mid.ru/ru/foreign\\_policy/international\\_contracts/international\\_contracts/2\\_contract/48617/](https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/48617/) (дата обращения: 16.04.2024)
6. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (Утверждена Указом Президента Российской Федерации В.В. Путиным 5 декабря 2016 г.) // Совет Безопасности Российской Федерации. – URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document5/> (дата обращения: 28.02.2024).
7. Дополнительный протокол к Меморандуму о стабилизации обстановки в зоне деэскалации Идлиб от 17 сентября 2018 г. // МИД России. – 17.09.2018. – URL: [https://www.mid.ru/foreign\\_policy/international\\_safety/regprla/-/asset\\_publisher/YSxLFJnKuD1W/content/id/4072593](https://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/regprla/-/asset_publisher/YSxLFJnKuD1W/content/id/4072593) (дата обращения: 30.03.2024).

8. Законодательство Турции по борьбе с терроризмом // Государственная Дума. – 26.03.2021. – URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4397/14163> (дата обращения: 15.03.2025)
9. Конвенция о запрещении химического оружия // ООН. – URL: [https://www.ctbto.org/sites/default/files/Documents/treaty\\_text\\_Russian.pdf](https://www.ctbto.org/sites/default/files/Documents/treaty_text_Russian.pdf) (дата обращения: 06.03.2024).
10. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 28.02.2024).
11. Меморандум о создании зон деэскалации в Сирийской Арабской Республике // МИД России. – 06.05.2017. – URL: [https://www.mid.ru/web/guest/maps/sy/-/asset\\_publisher/9fcjSOwMERcf/content/id/2746041](https://www.mid.ru/web/guest/maps/sy/-/asset_publisher/9fcjSOwMERcf/content/id/2746041) (дата обращения: 29.03.2024)
12. Совместная декларация о продвижении к новому этапу отношений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой и дальнейшем углублении дружбы и многопланового партнерства // Президент России. – 13.02.2009. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/172> (дата обращения: 06.03.2024).
13. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (Утверждена Указом Президента Российской Федерации В.В. Путиным 2 июля 2021 г.) // Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 28.02.2024).
14. Устав ООН // ООН. – URL: <https://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-i/index.html>
15. 18 Mart 2016 Tarihli Türkiye-AB Zirvesi Bildirisi // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı Avrupa Birliği Başkanlığı. – 18.03.2016. – URL: [https://www.ab.gov.tr/files/ab\\_iliskileri/18\\_mart\\_2016\\_turkiye\\_ab\\_zirvesi\\_bildirisi\\_pdf](https://www.ab.gov.tr/files/ab_iliskileri/18_mart_2016_turkiye_ab_zirvesi_bildirisi_pdf) (дата обращения: 27.08.2025).
16. 2024-2028 Stratejik Planı // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. – P. 67. – URL: <https://www.mfa.gov.tr/data/BAKANLIK/2024-2028-stratejik-planı.pdf> (дата обращения: 13.08.2025).

17. 2937 sayılı Devlet İstihbarat Hizmetleri ve Milli İstihbarat Teşkilatı Kanunu // TBMM Mevzuat Bilgi Sistemi. – URL: <https://mevzuat.tbmm.gov.tr/mevzuat/faces/kanunmaddeleri?pkanunlarno=41906&pkanunnumarasi=2937> (дата обращения: 28.02.2024).
18. 3713 sayılı Terörle Mücadele Kanunu // Mevzuat Bilgi Sistemi. – URL: <http://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.3713.pdf> (дата обращения: 15.03.2025).
19. 5237 sayılı Türk Ceza Kanunu // Mevzuat Bilgi Sistemi. – 26.09.2004. – URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.5237.pdf> (дата обращения: 15.03.2024)
20. Birleşmiş Milletler 74. Genel Kurulu’nda Yaptıkları Konuşma // Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı. – 24.09.2019. – URL: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/109804/birlesmis-milletler-74-genel-kurulu-nda-yartiklari-konusma> (дата обращения: 30.03.2024).
21. Milli Güvenlik Kurulu Genel Sekreterliğinin Teşkilat ve Görevleri Hakkında Cumhurbaşkanlığı Kararnamesi // T.C. Cumhurbaşkanlığı Mevzuat Bilgi Sistemi. – 09.07.2018. – URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/19.5.6.pdf> (дата обращения: 28.02.2024).
22. Milli Güvenlik Kurulu ve Milli Güvenlik Kurulu Genel Sekreterliği Kanunu // T.C. Cumhurbaşkanlığı Mevzuat Bilgi Sistemi. – URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.2945.pdf> (дата обращения: 28.02.2024).
23. National Security Strategy. October 2022 // Washington D.C.: The White House. – URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 12.08.2025).
24. SIPRI Military Expenditure Database // SIPRI. – URL: <https://www.sipri.org/databases/milex> (дата обращения: 06.03.2024).
25. Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organizations. 19-20 November 2010. // Brussels: NATO Public Diplomacy Division. – URL:

[https://www.nato.int/nato\\_static\\_fl2014/assets/pdf/pdf\\_publications/20120214\\_strategic-concept-2010-eng.pdf](https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_publications/20120214_strategic-concept-2010-eng.pdf) (дата обращения: 12.08.2025).

26. T.C'nin Ulusal Güvenlik Politikaları ve Güvenlik Stratejilerin Gelişimi // T.C. Adalet Bakanlığı. – URL: <https://edb.adalet.gov.tr/Resimler/SayfaDokuman/12520201430363-ULUSALG%C3%9CVENL%C4%B0Kxxx.pdf> (дата обращения: 02.03.2024).

27. Terör kavramı ve uluslararası terörizme farklı yaklaşımlar // Başkent Üniversitesi. – URL: <http://sam.baskent.edu.tr/makaleler/tgencturk/TerrorUluslararası.pdf> (дата обращения: 13.02.2025).

28. Terörle Mücadele Kanunu Kapsamına Giren Suçların Faillerinin Yakalanmasına Yardımcı Olanlara Verilecek Ödül Hallında Yönetmelik // Resmi Gazete. – URL: <http://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2015/08/20150831-1.htm> (дата обращения: 01.03.2024).

29. The Charter of the League of Arab States // League of Arab States. – URL: <http://www.lasportal.org/en/aboutlas/Documents/The%20Charter%20of%20the%20League%20of%20Arab%20States.pdf> (дата обращения: 06.03.2024).

30. The Charter of the Organization of Islamic Cooperation // Organization of Islamic Cooperation. – URL: <https://ww1.oic-oci.org/english/charter/OIC%20Charter-new-en.pdf> (дата обращения: 06.03.2024).

31. Türkiye Cumhuriyeti Anayasası 1982 // Türkiye Büyük Millet Meclisi. – URL: [https://www.tbmm.gov.tr/anayasa/anayasa\\_2018.pdf](https://www.tbmm.gov.tr/anayasa/anayasa_2018.pdf) (дата обращения: 28.02.2024).

32. Türkiye ve Terorizm. Rapor // Türkiye Barolar Birliği. – URL: <http://tbbyayinlari.barobirlik.org.tr/TBBBooks/turkiye-ve-terorizm.pdf> (дата обращения: 13.02.2025).

## **Монографии**

33. Аватков В.А. Армия Турецкой Республики при правлении Партии справедливости и развития. – Москва: ИД «Международные отношения», 2018. – 164 с.
34. Аватков В.А. Россия и Турция: вместе или порознь? – М.: ИД Международные отношения, 2015. – 278 с.
35. Актуальные проблемы международных отношений и внешней политики в XXI веке: Монография / Под ред. Т.В. Кашириной и В.А. Аваткова. – М.: Дашков и К°, 2017. – 411 с.
36. Арабский кризис и его международные последствия / Под общ. Ред. А.М. Васильева. Отв. ред. А.Д. Саватеев, Л.М. Исаев. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 256 с.
37. Баталов Э.Я. Антропология международных отношений. – М.: Аспект Пресс, 2019. – 352 с.
38. Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России: Научное издание. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. – 480 с.
39. Большое Средиземноморье как формирующаяся подсистема международных отношений / В.А. Аватков, М.М. Агазаде, В.В. Аникеев [и др.]. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательство "Аспект Пресс", 2023. – 664 с. – ISBN 978-5-7567-1264-3.
40. Вертяев К.В., Иванов С.М. Курдский национализм: История и современность – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 352 с.
41. Долгов Б.В. Феномен «арабской весны» 2011- 2016 гг.: Причины, развитие, перспективы. Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Алжир: монография / Отв. ред. И.Д. Звягельская. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 200 с.
42. Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки. Коллективная монография / Отв. ред. В.Н. Колотов. – СПб.: СПбГУ, Восточный факультет; Изд-во «Студия НП-Принт», 2013. – 576 с. – URL: <https://orient.spbu.ru/images//knigi/Kolotov-Evrazduga.pdf> (дата обращения: 01.03.2025)
43. Звягельская И. Ближневосточный клинч: Конфликты на Ближнем Востоке и политика России. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2014 г. – 208 с.

44. Идеи и ценности во внешней политике России, государств Ближнего и Постсоветского Востока : коллективная монография / ИНИОН РАН ; отд. Ближнего и Постсоветского Востока ; отв. ред. В.А Аватков. – Москва, 2025. – 132 с. – ISBN 978-5-248-01118-6.
45. Ислам на современном Востоке / Отв. ред.: В.Я. Белокреницкий, А.З. Егорин. – М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004. – 440 с.
46. История Сирии XX век / Э.П. Пир-Будагова: отв. ред. А.О. Филоник; Институт востоковедения РАН. – Москва: ИВ РАН, 2015. – 392 с.
47. Кант И. К вечному миру (сборник) / пер. с нем. И.Д. Копцева, И.А. Шапиро, Ц.Г. Арзаканьяна, Ю.Н. Попова, Н. Виндельберга, А.В. Гулыги, И.С. Андреевой, М.И. Левиной. – М.: РИПОЛ классик, 2019. – 434 с.
48. Киреев Н.Г. История Турции XX век. – М.: ИВ РАН: Крафт+, 2007. – 608 с.
49. Клаузевиц К. О войне. – М.: Эксмо, 2021. – 512 с.
50. Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка): [В.М. Ахмедов и др.] ; отв. ред. В.В.Наумкин, Д.Б.Мальшева ; Институт востоковедения РАН. – Москва: ИВ РАН, 2015. – 504 с.
51. Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях: Монография. – М.: МИФИ, 2003. – 388 с.
52. Поцхверия Б.М. Внешняя политика Турции после Второй мировой войны / Отв. ред. П.П. Моисеев. – М.: Наука, 1976. – 306 с.
53. Социальный протест на современном Востоке / Под редакцией Д.В. Стрельцова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. – 304 с.
54. Территориальный вопрос в афро-азиатском мире : коллективная монография / под ред. Д.В. Стрельцова. – М.: ЗАО «Аспект Пресс», 2013. – 319 с.
55. Хазанов А.М., Олимпиев А.Ю. Войны на Большом Ближнем Востоке. 1960-е – 2016. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2016. – 431 с.
56. Alan E. Terör-PKK. 40 Yıllık İhanet. – Ankara: Bilgi Yayınevi, 2016. – 264 p.

57. Altun F. Küresel Belirsizlik Çağında İstikrarlaştırıcı Güç Türkiye. Paradigma Yayınları. – İstanbul: Turkey, 2022. – P. 126.
58. Anas O. Three Transitions in Turkey's Foreign Policy. In: Anas O. (ed.) Turkey's Asia Relations. Cham: Palgrave Macmillan, 2022. – 325 p.
59. Arıkan H., Alemdar Z. (eds.) Turkey's Challenges and Transformation. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. – 310 p.
60. Balcı A. Türkiye Dış Politikası: İlkeler, Aktörler ve Uygulamalar. 3. Baskı. – İstanbul: ALFA, 2017. – 400 c.
61. Bayraklı E., Ulutaş U. FETÖ'nün anatomisi. 3. Baskı. (Анатомия ФЕТО) – İstanbul: SETA Kitapları – 184 p.
62. Beriş H.E. FETÖ ile mücadele // Miş N. Aslan A. Kuruluşundan bugüne AK Parti. Siyaset. 2. Baskı – İstanbul: SETA Kitapları, 2018. – 472 p.
63. Bila F. İdeolojik kodlarıyla kağıt üstündeki PKK. 1. Baskı. – İstanbul: DOĞAN KİTAP, 2016. – 220 p.
64. Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 596 p.
65. Çahmutoğlu E. Türkiye'nin istihbarat ve siber güvenlik politikaları // İnat K., Aslan A., Duran B. Kuruluşundan bugüne AK Parti. Dış politika. 2. Baskı. – İstanbul: SETA Kitapları, 2018. – 560 p.
66. Davutoğlu A. Sistemik Deprem ve Dünya Düzeni. – İstanbul: Küre Yayınları, 2020. – 391 p.
67. Druşotis M. Kıbrıs 1970-1974. EOKA B, Yunan Darbesi ve Türk İstilasası. – Lefkoşa: Galeri Kültür Yayınları, 2006. – 558 p.
68. Erdoğan R. T. Daha Adil Bir Dünya Mümkün. – İstanbul: Turkuvaz Kitap, 2021. – 216 p.
69. Hale W. Turkish Foreign Policy since 1774. – London: Routledge, 2012. – 360 p.
70. Herz J.H. Political Realism and Political Idealism. – Chicago: University of Chicago Press, 1951. – 276 p.
71. Hobbes T. Leviathan. – London: Penguin Classics, 2007. – 688 p.

72. Huntington S.P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. – New York: Simon and Schuster, 2011. – 368 p.
73. Karpat H.K. *Osmanlı'dan Günümüze Asker ve Siyaset*. – İstanbul: Timaş Yayınları, 2019. – 395 p.
74. Kissinger H. *Leadership: Six Studies in World Strategy* – London: Penguin Press, 2022. – 528 p.
75. Lasswell H.D. *World Politics and Personal Insecurity. A Study of Power*. – Illinois: Glencoe, 1950. – 307 p.
76. Lesser I. *The Evolution of Turkish National Security Strategy*. In: Kerslake C., Öktem K., Robins P. (eds.) *Turkey's Engagement with Modernity*. – London: Palgrave Macmillan, 2010. – 473 p.
77. Martin L., Keridis D. (eds.) *The Future of Turkish Foreign Policy*. – Cambridge: MIT Press, 2004. – 354 p.
78. Mearsheimer J. *The Tragedy of Great Power Politics*. – New York: W.W. Norton & Company, 2001. – 555 p.
79. *Militarist Modernleşme Almanya, Japonya ve Türkiye* – İstanbul: İletişim Yayınları, 2014. – 830 p.
80. Özdağ Ü. *Milli Güvenlik Teorisi*. Ankara: Kripto Kitaplar, 2015. – P. 447-448.
81. Özensel E. *Doğu Toplumlarında ve Türkiye'de Birlikte Yaşama Arayışı: Çokkültürlülük Mü? Yoksa Yeni Bir Model Mi? // Akademik İncelemeler Dergisi*. – 2013. – №. 3. – P. 1-17.
82. Özeren S., Sever M. *Terörizm Paradoksu ve Türkiye*. – İstanbul: Karınca Yayınları, 2011. – 358 p.
83. Özkan M. *Doğu Afrika Jeopolitiği ve Türkiye'nin Somali Politikası*. – İstanbul: SETA Yayınları, 2014. – 135 p.
84. Öztan G.G. *Türkiye'de Militarizm. Zihniyet, Pratik, Propaganda*. – İstanbul: Ayrıntı Yayınları, 2018. – 236 p.

85. Park B. Turkey: The Security Policy of a 'Lonely' State. In: Clarke M., Henschke A., Sussex M., Legrand T. (eds) The Palgrave Handbook of National Security. – Cham: Palgrave Macmillan, 2021. – 415 p.
86. Şık A. İmamın ordusu. – İstanbul: Kırmızı Kedi Yayınevi, 2017. – 384 p.
87. Tokdoğan N. Yeni Osmanlıcılık: Hınç, Nostalji, Narsisizm. – İstanbul: İletişim Yayınları, 2018. – 286 p.
88. Veren N. FETO 1966-2016. – İstanbul: Destek Yayınları, 2016. – 176 p.
89. Waltz K. Theory of International Politics. – Reading, Mass.: Addison-Wesley Publishing Co., 1979. – 251 p.
90. Yalçıntaş N., Kaynak M., Almaz A. Uluslararası Eksende Terör ve Türkiye. Terör nasıl bitirilir? – NOKTA KİTAP, 2011. – 344 p.
91. Yerdelen B.K. Doğu-Batı ekseninde Batı'nın farklıları izdüşümleri // Uluslararası Sosyal Araştırmalar Dergisi. – 2016. – № 45. – P. 254.
92. Yeşiltaş M. AK Parti döneminde sivil-asker ilişkileri // Miş N., Aslan A. Kuruluşundan bugüne AK Parti-Siyaset. – İstanbul: SETA Kitapları, 2018. – 472 p.

#### **Диссертации и авторефераты диссертаций**

93. Аватков В.А. Внешнеполитический курс Турецкой Республики в рамках современной системы международных отношений : дис. ... доктора политических наук : 23.00.04 / В.А. Аватков. – Москва, 2020. – 387 с.
94. Карпович О.Г. Современные концепции управления международными конфликтами в миротворческих операциях : автореф. дис. ... доктора политических наук : 23.00.04 / О.Г. Карпович. – Москва, 2012. – 54 с.
95. Надеин-Раевский В.А. Критика современного пантюркизма : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.02 / АН СССР. Ин-т философии. – Москва, 1989. – 173 с.
96. Панин В.Н. Политический процесс на Ближнем Востоке: влияние Российской Федерации и США : автореф. дис. .... доктора политических наук : 23.00.02. / В.Н. Панин. – Пятигорск, 2004. – 43 с.

97. Степанова Е.А. Терроризм в асимметричном конфликте на локально-региональном и глобальном уровнях : идеологические и организационные аспекты : диссертация ... доктора политических наук : 23.00.04 / Степанова Екатерина Андреевна; [Место защиты: Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН]. – Москва, 2010. – 413 с.

### **Статьи в периодических изданиях**

98. Аватков В.А. Неосманизм. Базовая идеологема и геостратегия в Турции // Свободная мысль – 2014. – № 3. – С.71-78.

99. Аватков В.А. Геополитическое измерение турецко-украинских отношений // Постсоветские исследования. – 2021. – № 4(3). – С. 219-225.

100. Аватков В.А. Государство-предопределение: государство мира или войны? // Право и политика. – 2019. – № 5. – С. 103-110. – DOI: 10.7256/2454–0702019.5.29601.

101. Аватков В.А. Идеино-ценностный фактор во внешней политике Турции // Вестник МГИМО Университета. – 2019. – Т.12, №4. – С. 113-129. – DOI: <https://doi.org/10.24833/2071–8160–2019–4–67–113–129>.

102. Аватков В.А. Курдская проблема на турецком поле // Вестник МГИМО Университета. – 2012. – № 2 (23). – С. 128-133. – DOI: 10.24833/2071-8160-2012-2-23-128-133.

103. Аватков В.А. Оборона через лидерство: Турция накануне референдума о конституции // Валдайские записки. – 2017. – № 65. – С. 3-15.

104. Аватков В.А. Особенности борьбы с терроризмом в Турецкой Республике на современном этапе // Вестник РУДН. – 2017. – Т. 17, № 4. – С. 669-683.

105. Аватков В.А. Россия и Турция: переход к полицентрической системе международных отношений // Обозреватель (Observer). – 2018. – № 11 (346) – С. 38-54.

106. Аватков В.А. Сквозь кризисы к стабильному «неосманизму». Политические итоги Турции 2021 года // Свободная мысль. – С. 115-126.

107. Аватков В.А. Тюкаева Т.И. О халифате и геополитике в современном арабо-исламском регионе // *Полития*. – 2014. – №1 (72). – С. 106-116
108. Аватков В.А., Гудев П.А. Геополитика российско-турецких отношений в Черноморском регионе // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. – 2021. – Т. 23, № 3. – С. 348-363. – DOI: 10.22363/2313–1438–2021–23–3–348–363.
109. Аватков В.А., Гузаеров Р.И. «Мир больше пяти», или справедливость по-турецки // *Современная Европа*. – 2023. – № 1(115). – С. 194-201. – DOI: 10.31857/S0201708323010163.
110. Аватков В.А., Гузаеров Р.И. Двусторонние отношения Украины и Турции при президенте В. Зеленском // *Россия и новые государства Евразии*. – 2022. – № 4 (57). – С. 35-49. – DOI: 10.20542/2073-4786-2022-4-35-49.
111. Аватков В.А., Евстафьев Д.Г. Постсоветская Евразия и глобальный институциональный кризис // *Россия и современный мир*. – 2024. – № 3 (124). – С. 42-58.
112. Аватков В.А., Ирхин А.А., Демешко Н.Э. Формирование медийного образа «новой Турции»: содержательный аспект // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – 2022. – Т. 15, № 5. – С. 133-150. – DOI: 10.31249/kgt/2022.05.07.
113. Аватков В.А., Крылов Д.С. Военный фактор в региональном балансе сил на Ближнем Востоке // *Среднерусский вестник общественных наук*. – 2024. – Т. 19, № 4. – С. 14-35. – DOI: 10.22394/2071-2367-2024-19-4-14-35.
114. Аватков В.А., Крылов Д.С. Идеино-ценностное воздействие Турции на процессы в информационном пространстве Республики Крым // *Россия: общество, политика, история*. – 2022. – №5 (5). – С. 84-93. – DOI: 10.56654/ROPI-2022-5(5)-84-93.
115. Аватков В.А., Останин-Головня В.Д. Идеино-ценностное измерение мировой политики и дихотомия Восток – Запад // *Свободная мысль*. – 2022. – № 3 (1693). – С. 115-120.

116. Аватков В.А., Прилепский П.А. Китайско-турецкие отношения в «новую эпоху» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 186-197. – DOI: 10.15688/jvolsu2022.1.16.
117. Бахтин Г.О. Смерть в политической философии Ж. Деррида: терроризм, секрет, смертная казнь и кризис современного национального государства // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2021. – № 2 (17). – С. 184-197.
118. Белозеров, В.К. Стратегия национальной безопасности США как новый манифест глобальной гегемонии // Власть. – 2015. – № 4. – С. 19-24.
119. Бибикова О.П. Интересы Турции в Идлибе // Россия и мусульманский мир. – 2020. – № 2 (316). – С. 70-80.
120. Богатуров А.Д. Контрреволюция ценностей и международная безопасность // Международные процессы. – 2008. – Т. 6, №2 (17). – С. 4-15.
121. Борисенко С.А. Новый виток эскалации напряженности в греко-турецких отношениях в 2022-2023 гг.: истоки и сущность // Вестник ученых-международников. – 2023. – № 3(25). – С. 290-305.
122. Бородина М.Ю., Рыжов И.В. Особенности взаимоотношений Турции с государствами исламского мира // Труды Института Востоковедения РАН. – 2019. – № 20. – С. 203-221.
123. Васильев А.М., Коротаев А.В., Исаев Л.М. Военные вновь у власти? Выборы в Египте // Азия и Африка сегодня. – 2014. – № 10 (687). – С. 2-7.
124. Вертяев К.В. Политическое реформатирование у границ Турции: последствия операции «Оливковая ветвь» и оккупации сирийского Африна // Труды Института Востоковедения РАН. – 2019. – № 20. – С. 80-101.
125. Виноградов А.В. «Однополярная Азия»: китайский региональный порядок // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65, № 3. – С. 23-32. – DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-23-32.

126. Володин А.Г. «Треугольник» Москва - Дели - Пекин в системе внешней политики Индии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – Т. 15, № 6. – С. 6-27. – DOI: 10.31249/kgt/2022.06.01.

127. Володин А.Г. Становление полицентрического мироустройства как продолжение геополитических процессов XX века // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – Т. 12, № 4. – С. 6-31. – DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-6-31.

128. Воробьев С.В., Каширина Т.В. Сирийский кризис в контексте российско-американских отношений // Обозреватель. – 2017. – № 4 (327). – С.44-50.

129. Воробьев С.В., Ногмова А.Ш. Международное взаимодействие приграничных субъектов России. Деятельность в условиях санкционного давления Запада // Обозреватель (Observer). – 2025. – № 1 (408) – С. 86-96.

130. Воробьев С.В., Матвеев О.В. Историческая память как объективная основа в международных отношениях // Вестник Екатеринбургского Института. – 2021. – № 1. – С. 118-125.

131. Воскресенский А.Д. Роль Запада в формировании международной системы и политика России // Сравнительная политика и геополитика. – 2016. – № 1 (22). – С. 58-82.

132. Вохминцев И.В., Гузаеров Р.И. Многовекторная внешняя политика Турции при президентстве Р. Т. Эрдогана 2014-2022: прикладной анализ // Вестник РУДН. Международные отношения. – 2023. – № 4. – С. 689-703. – DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-689-703.

133. Гришаева Л.Е. ООН: 75 лет после Второй мировой войны // Дипломатическая служба. – 2020. – № 5. – С. 6-32. – DOI: 10.33920/vne-01-2005-01.

134. Громько А.А. От невероятного к «новой норме»: заблуждения и реалии в мировой политике // Социально-политические науки. – 2022. – Т. 12, № 4. – С. 15-21. – DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-4-15-21.

135. Гузаеров Р.И. «Армия и внешняя политика Турции: современное состояние ПВО» // Вестник Забайкальского университета. – 2022. – № 9. – С. 33-38.
136. Гузаеров Р.И. «Стабилизирующая» Турция в нестабильном мире // Дискурс ПИ. – 2023. – Т. 20. – № 3. – С. 168-179. – DOI: 10.17506/18179568\_2023\_20\_3\_168.
137. Гузаеров Р.И., Баскаков И.Д. Иран и Турция после Второй карабахской войны // Россия и новые государства Евразии. – 2024. – № 3(64). – С. 138-152. – DOI: 10.20542/2073-4786-2024-3-138-152.
138. Гурьев А.А. Новая концепция национальной безопасности Турции // Институт Ближнего Востока. – 07.11.2005. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=3905> (дата обращения: 01.03.2024).
139. Давутоглу А. Внешняя политика Турции и Россия // Россия в глобальной политике. – 2010. – № 1. – 28.02.2010. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vneshnyaya-politika-turczii-i-rossiya/> (дата обращения 01.04.2024)
140. Дегтерев Д., Дегтерев А. Теория игр и международные отношения // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 2. – С. 79-89.
141. Дмитриева Е.Л. Исламское образование в России: история и современность // Россия и мусульманский мир. – 2018. – № 4(310). – С. 12-17.
142. Дружиловский С.Б. О внутренних причинах политической нестабильности Турецкой Республики // Вестник МГИМО Университета. – 2016. – Т. 47, №2. – С. 15-21.
143. Жигульская Д. В. Восстание турецких курдов в Дерсиме (1937-1938 гг.) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2013. – № 161. – С. 19-24.
144. Жильцов С.С. Роль России в становлении мультиполярного мира // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2022. – № 2 (32). – С. 178-188.
145. Зверева Т.В. Миграционная политика ЕС на современном этапе // Дипломатическая служба. – 2019. – № 4. – С. 38-45.

146. Иванов В. Движение Фетхуллага Гюлена в России и странах СНГ // Мусульманский мир. – 2014. – №3. – С. 49-82.
147. Иванов О.П. Стратегия НАТО в условиях меняющейся среды международной безопасности в Европе // Обозреватель (Observer). – 2024. – № 3 (404). – С. 16-27.
148. Ирхин А.А., Нагорняк К.И., Демешко Н.Э., Москаленко О.А. Поляризация турецкого общества и технологии «сетевых революций»: опыт 2013, 2016 годов и взгляд в будущее // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2023. – Т. 5, № 4. – С. 84-118.
149. Карпович О.Г., Закаурцева Т.А. Россия и «Коллективный запад» в контуре формирующегося многополярного мира // Вестник российской нации. – 2017. – № 5 (57). – С. 180-191.
150. Каширина Т.В. Российско-американские отношения на современном этапе // Современная наука и инновации. – 2016. – №3. – С. 270-274.
151. Каширина Т.В. Стратегии национальной безопасности США в контексте об отношениях с Россией (1994–2022) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2023. – Вып. 4 (853). – С. 71-79.
152. Каширина Т.В. Стратегии национальной безопасности США в контексте об отношениях с Россией (1994–2022) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2023. – Вып. 4 (853). – С. 71-79.
153. Колотов В.Н. Современное состояние евразийской дуги нестабильности: расстановка зон влияния и перенос нестабильности с западного фронта на восточный // Сравнительная политика. – 2014. – Т. 5, № 2. – С. 28-42.
154. Корочкина В.А. Исламский фактор в отношениях между Турцией, Палестиной и Израилем // Труды Института Востоковедения РАН. – 2019. – № 20. – С. 222-237.

155. Крылов Д.С., Глухов И.Д. Восточный вектор расширения БРИКС: синергия Ближнего Востока и Латинской Америки // *Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* – 2023. – Т 16, № 6. – С. 82-102.

156. Курылев К.П., Дегтерев Д.А., Грачиков Е.Н., Шпаковская М.А. Назад в будущее: советская внешняя политика 2.0 // *Постсоветские исследования.* – 2022. – Т. 5, № 7. – С. 754-763.

157. Лассуэлл Г.Д. Язык власти // *Политическая лингвистика* / пер. с англ. М.В. Толмачевой. – 2006. – № 1. – С. 264-280.

158. Лукин А.Л. Теория комплексов региональной безопасности и Восточная Азия // *Научно-теоретический журнал «Ойкумена».* – 2011. – № 2 (17). – С. 7-19.

159. Любимов А.П., Капков А.Ю., Черный В.В. Международная конкуренция без правил в многополюсном мире // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право.* – 2022. – № 1 (16). – С. 85-95. – DOI: 10.54449/76585\_2022\_1\_16\_85.

160. Маврина Ю.В. Концепция внешней политики Турции Ахмеда Давутоглу // *Известия Саратовского университета* – 2014. – Т. 14, № 1. – С. 69-75.

161. Маркедонов С.М. Азербайджан: без друзей и без врагов // *Россия и мусульманский мир.* – 2007. – № 11. – С. 63-71.

162. Мачитидзе Г. Политика Турции в отношении международного терроризма в контексте внутренней исламизации // *Международные процессы.* – 2021. – № 19 (3). – С. 85-103.

163. Модельски Дж. Эволюция глобальной политики (I) // *Полис. Политические исследования.* – 2005. – № 3. – С. 62-82.

164. Мозлов А.Т. Россия-Турция: существуют ли перспективы сотрудничества? // *Человеческий капитал.* – 2016. – № 2 (86). – С. 49-52.

165. Мчедлова М.М., Казаринова Д.Б. Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий // *Политическая наука.* – 2020. – № 4. – С. 13-35. – DOI: 10.31249/poln/2020.04.01.

166. Надеин-Раевский В.А. Идейная борьба и новая Турция // Вестник МГИМО Университета. – 2016. – № 2 (47). – С. 22-31.
167. Надеин-Раевский В.А. Политика Турции на Ближнем Востоке // Пути к миру и безопасности. – 2020. – № 1 (58). – С. 139-156.
168. Надеин-Раевский В.А. Р.Т. Эрдоган как пример политика-харизматика // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – Т. 10, № 6. – С. 138-154. – DOI 10.23932/2542-0240-2017-10-6-138-154.
169. Надеин-Раевский В.А. Экстремизм и терроризм в современной Турции // Пути к миру и безопасности. – 2017. – № 1 (52). – С. 182-204.
170. Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. К уточнению проблемного поля. Часть 1 // Обозреватель (Observer). – 2016. – № 1 (312) – С. 31-42.
171. Окунев И., Виноградов В. Комплексы региональной безопасности (Опыт пространственного автокорреляционного и кластерного анализа) // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – №4(65). – С. 30-41.
172. Осипян А.О. Турция и война в Йемене: трансформация подходов // Институт Ближнего Востока. – 14.02.2019. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=53351> (дата обращения: 01.04.2024).
173. Парубочая Е.Ф. Сотрудничество Турции и Азербайджана в военной сфере на рубеже XX-XXI веков // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2015. – № 6. – С. 24-37.
174. Петрович-Белкин О.К. Концептуальные основание расширения невоенной деятельности НАТО // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2011. – № 3. – С. 16-23.
175. Свистунова И. Турция в контексте «арабской весны»: региональная стратегия // РИСИ – 27.09.2011. – URL: <https://riss.ru/analytics/2431/> (дата обращения: 26.03.2024).
176. Свистунова И.А. В поисках новой модели: отношения Турции и США в сфере безопасности // Вестник МГИМО-Университета. – 2019. – № 2 (47). – С. 53-61.

177. Степанова Е.А. Вооруженные конфликты начала XXI века: типология и направления трансформации // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2020. – № 6 (64). – С. 24-39.

178. Сулейманов Р.Р. Татаро-турецкие лица в Татарстане как проводники идеологии Фетхуллага Гюлена // *Современные евразийские исследования*. – 2016. – №1. – С. 78-84.

179. Сучков М.А., Румачик И.А. Эволюция отношений Турции и ИГИЛ // *Каспийский регион: политика, экономика и культура*. – 2018. – № 1 (54). – С. 55-60.

180. Тауш А. Геостратегические соображения по поводу циклов Кондратьева, глобализации и войн // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2012. – № 10. – С. 105-114.

181. Ханбабаев К.Н. Экстремизм в современной Чечне // *Исламоведение* – 2010 – №3. – С. 104-119.

182. Цибенко В.В. Конструирование идеологического дискурса о воображаемой географии в Турции. *Международная аналитика*. – 2022. – № 13 (3). – С. 130-144.

183. Шангараев Р.Н., Ивочкина А.С. Интеграционные процессы России, Китая и Турции в Центральной Азии // *Социально-политические науки*. – 2025. – Т. 15, № 2. – С. 146-152.

184. Шлыков П.В. Армия и военная элита в контексте политического развития Турции 2000-х и 2010-х годов // *Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение*. – 2020. – № 1. – С. 121-137.

185. Шлыков П.В. Ближневосточная дилемма безопасности Турции: от сотрудничества с Западом в борьбе с терроризмом к опоре на джихадистов в региональной политике // *Актуальные проблемы Европы*. – 2017. – № 4. – С. 35-64.

186. Эль-Лаббад М. Семь причин провала государственного переворота в Турции // *Международный дискуссионный клуб Валдай*. – 29.07.2016. – URL:

<https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sem-prichin-provala-gosperevorota/> (дата обращения: 01.03.2024).

187. Яковенко А.В. Ближний Восток: извлекать уроки из истории или повторять ее? // *Международная жизнь*. – 2015. – № 10. – URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1386> (дата обращения 26.03.2024).

188. Aras B., Toktaş Ş. El-Kaide “Teröre Karşı Savaş” ve Türkiye // *Stratejik Araştırmalar Dergisi*. – 2008. – № 12. – P. 66. – URL: [https://tasam.org/Files/Icerik/File/el-kaide\\_terore\\_karsi\\_savas\\_ve\\_turkiye\\_49f12742-1956-4087-9518-c93135989a6e.pdf](https://tasam.org/Files/Icerik/File/el-kaide_terore_karsi_savas_ve_turkiye_49f12742-1956-4087-9518-c93135989a6e.pdf) (дата обращения: 13.06.2025).

189. Ataman M. Shkurtı G. Batının Darbe Sicili ve 15 Temmuz Darbe Girişimine Tepkisi // *Adam Akademi*. – 2016. – № 2. – P. 51-73. – URL: <http://www.adamakademi.com/site/dergiler/makaleOku/129> (дата обращения: 26.03.2025).

190. Avcı N., Demir C.K. Terörizm Çalışmaları: Türkiye’deki Araştırmalara İlişkin Belimsel Bir Analiz // *Güvenlik Stratejileri*. – 2017. – V. 13, № 26. – P. 1-44. – URL: <http://dergipark.gov.tr/guvenlikstrtj/issue/32173/356937> (дата обращения: 13.02.2025).

191. Çınar H.Y. Rusya-Ukrayna Savaşının Türkiye-Ukrayna İlişkilerine İzdüşümü // *İstanbul Kent Üniversitesi İnsan ve Toplum Bilimleri Dergisi*. – 2024. – V. 5, № 1. – P. 17-31.

192. Cohen Yanarocak H.E. Is Yemen Turkey’s Next Stop after Libya? // *The Jerusalem Institute for Strategy and Security*. – 20.07.2020. – URL: <https://jiss.org.il/en/yanarocak-is-yemen-turkeys-next-stop-after-libya/#9> (дата обращения: 03.04.2024).

193. Çulha E. Türk-Rus İlişkilerinin Kronolojisi // *Marmara Türkiyat Araştırmaları Dergisi* – 2016. – № 2. – P. 287–298. – URL: <http://dergipark.gov.tr/matad/issue/29711/319714> (дата обращения: 04.03.2024).

194. Wolfers A. The Pole of Power and the Pole of Indifference // *World Politics*. – 1951. – V. 4, № 1. – P. 36-63. – DOI: 10.2307/2008900.

195. Yayla A. Terör ve Terörizm Kavramlarına Genel Bakış // Ankara Üniversitesi SBF Dergisi. – 2015. – V. 45, № 2. – P. 335-385. – URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/38276> (дата обращения: 13.02.2025).

196. Yüce A. Azerbaycan-Türkiye Askeri İşbirliği Faaliyetlerinin Hukuki Temeli // Azərbaycan Ali Hərbi Məktəbi Elmi Əsərlər Məcmuəsi. – 2016. – № 1 (26). – P. 3-14.

### **Статьи в неперидических изданиях**

197. Аватков В.А. Турецко-сирийское конфликтное взаимодействие в глобальном контексте: из 2011 г. в 2012 г. // Современный Ближний Восток - зона конфликтов: Сборник научных статей. – М.: МГИМО (У) МИД России, 2012 – С. 37-49.

### **Электронные ресурсы**

198. Аналитики IISS заявили о рекордном за 30 лет числе региональных конфликтов в мире // Forbes. – 13.02.2025. – URL: <https://www.forbes.ru/society/502216-analitiki-iiss-zaavili-o-rekordnom-za-30-let-cisle-regional-nyh-konfliktov-v-mire> (дата обращения: 01.03.2025).

199. Байден признал создание США угрозы ядерной конфронтации с Россией // Известия. – 13.01.2025. – URL: <https://iz.ru/1821617/2025-01-13/baiden-priznal-sozdanie-ssha-ugrozy-iadernoi-konfrontacii-s-rossiei> (дата обращения: 01.03.2025).

200. Березовский Г. «Парад победителей»: Эрдоган приехал в Баку // Газета.ru. – 11.10.2020. – URL: [https://www.gazeta.ru/politics/2020/12/09\\_a\\_13392853.shtml](https://www.gazeta.ru/politics/2020/12/09_a_13392853.shtml) (дата обращения: 01.04.2025).

201. В МИД Турции назвали сирийцев ответственными за решение по базам России // РБК. – 21.12.2024. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/12/2024/6766d04d9a7947333fee5bc7> (дата обращения: 29.05.2025).

202. В МИД Турции назвали сирийцев ответственными за решение по базам России // РБК. – 21.12.2024. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/12/2024/6766d04d9a7947333fee5bc7> (дата обращения: 18.06.2025).

203. В СФ просят признать террористической турецкую организацию "Боз Гурд" // РИА Новости. – 30.11.2015. – URL: <https://ria.ru/20151130/1332901370.html> (дата обращения: 16.04.2024).

204. В США выступают против проведения Турцией операций на северо-западе Сирии // ТАСС. – 07.12.2022. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16529171> (дата обращения: 30.05.2023).

205. В Турции демонстранты пешком направились к базе НАТО «Инджирлик» // РИА Новости. – 24.09.2025. – URL: <https://ria.ru/20240924/turtsija-1974425003.html> (дата обращения: 13.06.2025).

206. В Турции утверждена новая стратегия национальной безопасности // РИА Новости. – 25.10.2005. – URL: <https://ria.ru/20051025/41883227.html> (дата обращения: 02.03.2024).

207. Васильев А. Южные силы: что представляет из себя турецкая армия // Популярная Механика. – 25.02.2021. – URL: <https://www.popmech.ru/weapon/574604-yuzhnye-sily-chno-predstavlyaet-iz-sebya-tureckaya-armiya/> (дата обращения: 04.03.2024).

208. Вступление Турции во Вторую мировую войну // ТАСС. – 28.02.2015. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/1784494> (дата обращения: 30.03.2024).

209. Генеральный секретарь приветствует последние шаги на пути к присоединению Швеции к НАТО // Организация Североатлантического договора. – 25.10.2023. – URL: [https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news\\_219526.htm?selectedLocale=ru](https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_219526.htm?selectedLocale=ru) (дата обращения: 12.06.2025).

210. Госсекретарь США потребовал от Турции «не держать» российские С-400 // РБК. – 24.03.2021. – URL:

<https://www.rbc.ru/politics/24/03/2021/605b85f59a7947765f9d1e2b> (дата обращения: 17.03.2024).

211. Дергачев В. Ближний Восток. Сирия. Турецко-сирийский вековой конфликт // Институт геополитики профессора Дергачева. – URL: [http://dergachev.ru/geop\\_events/020116-03.html#.V\\_D3e\\_mLSUm](http://dergachev.ru/geop_events/020116-03.html#.V_D3e_mLSUm) (дата обращения: 27.03.2024).

212. Заодно с террористами: Минобороны о гибели военных Турции // Газета.ru. – 28.02.2020. – URL: <https://www.gazeta.ru/army/2020/02/28/12980665.shtml> (дата обращения: 30.03.2024).

213. Заявления для прессы по итогам российско-турецких переговоров // Президент России. – 17.09.2018. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58574> (дата обращения: 16.04.2024).

214. Колотов В.Н. Система дуг нестабильности в Евразии и проблемы безопасности РФ // Виперсон. – 27.09.2016. – URL: <https://viperson.ru/articles/sistema-dug-nestabilnosti-v-evrazii-i-problemy-bezopasnosti-rf> (дата обращения 01.03.2025).

215. Кофи Аннан утвердил окончательный вариант плана всеобъемлющего урегулирования на Кипре // Новости ООН. – 01.04.2004. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2004/04/1051871> (дата обращения: 10.01.2025).

216. Ливия и Турция подписали меморандум о совместной разведке нефти на шельфе // ИА Реалист. – 26.06.2025. – URL: <https://realtribune.ru/liviya-i-turciya-podpisali-memorandum-o-sovmestnoj-razvedke-nefti-na-shelfe/> (дата обращения: 29.06.2025).

217. Мингазов С. Аналитики заявили о рекордном за 30 лет числе региональных конфликтов в мире // Forbes. – 11.12.2023. – URL: <https://www.forbes.ru/society/502216-analitiki-iiss-zaavili-o-rekordnom-za-30-let-cisle-regional-nyh-konfliktov-v-mire> (дата обращения: 13.02.2025).

218. Минобороны Армении утверждает, что Турция корректирует удары БПЛА Азербайджана по Карабаху // ТАСС. – 11.10.2020. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9686347> (дата обращения: 01.04.2024).

219. Минобороны России: атакованные в Идлибе турецкие войска находились среди боевиков // ТАСС. – 28.02.2021. – URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/7857747> (дата обращения: 30.03.2024).

220. О российско-турецких межведомственных консультациях по вопросам борьбы с терроризмом и организованной преступностью // МИД России. – 02.06.2018. – URL: [http://www.mid.ru/foreign\\_policy/news/-/asset\\_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3247142](http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3247142) (дата обращения: 06.03.2024).

221. О сотрудничестве в области борьбы с терроризмом // МИД России. – 27.09.2003. – URL: [http://www.mid.ru/ru/maps/tr/-/asset\\_publisher/Fn23Klb76LY2/content/id/504690](http://www.mid.ru/ru/maps/tr/-/asset_publisher/Fn23Klb76LY2/content/id/504690) (дата обращения: 04.03.2024).

222. Оджалан из тюрьмы призвал Рабочую партию Курдистана сложить оружие // РБК. – 27.02.2025. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/02/2025/67c076bb9a7947e45de95604> (дата обращения: 29.05.2025).

223. Озерен С., Йилмаз К. Турецкие учебные заведения повышают уровень профессионализма полицейских сил во всем мире // Per Concordiam. – 2014. – № 3. – С. 22. – URL: [https://perconcordiam.com/perCon\\_V4N3\\_RUS.pdf](https://perconcordiam.com/perCon_V4N3_RUS.pdf) (дата обращения: 15.02.2025).

224. Поддержка PYD/YPG равносильна пособничеству PKK // Anadolu Ajansı. – 07.11.2018. – URL: <https://www.aa.com.tr/ru/t%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B8%D1%8F/%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B6%D0%BA%D0%B0-pyd-ypg-%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D1%81%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0-%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B1%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0>

%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D1%83-%D1%80%D0%BA%D0%BA/1305414  
(дата обращения: 12.06.2025).

225. Политические отношения России и Турции // Посольство России в Турции. – 01.03.2022. – URL: <https://turkey.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/political-relations/> (дата обращения: 16.04.2024).

226. Потенциально провокационное поведение: УЕФА может наказать сборную Турции за военное приветствие // RT. – 15.10.2019. – URL: <https://russian.rt.com/sport/article/677517-turciya-uefa-sankcii-voennoe-privetstvie> (дата обращения: 01.03.2025).

227. Президент Турции сравнил Нетаньяху с Гитлером // Lenta.ru. – 21.06.2025. – URL: <https://lenta.ru/news/2025/06/22/prezident-turtsii-sravnil-netanyahu-s-gitlerom/> (дата обращения: 29.06.2025).

228. Премьер Ливии провел встречу с главами МИД и Минобороны Турции // ТАСС. – 03.05.2025. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11301123> (дата обращения: 29.05.2025).

229. Пресс-конференция по итогам российско-турецких переговоров // Президент России. – 08.04.2019. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60247> (дата обращения: 16.04.2024).

230. Путин и Эрдоган договорились продолжить антитеррористическое сотрудничество // Парламентская газета. – 25.06.2024. – URL: <https://www.pnp.ru/politics/putin-i-erdogan-dogovorilis-prodolzhit-antiterroristicheskoe-sotrudnichestvo.html> (дата обращения: 18.06.2025).

231. Рабочая партия Курдистана объявила о самороспуске // ТАСС. – 12.05.2025. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23915369> (дата обращения: 29.05.2025).

232. Россия готова обсудить поставки Су-57 и Су-35 в Турцию // Вести RU. – 12.03.2021. – URL: <https://www.vesti.ru/article/2535793> (дата обращения: 17.03.2024).

233. Сирийские курды видят в заявлении Оджалана шанс на начало переговоров с Турцией // Ведомости. – 27.02.2025. – URL:

<https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/02/27/1095063-siriiskie-kurdi-vidyat> (дата обращения: 29.05.2025).

234. Сирию и Турцию соединит новая ЛЭП // РИА Новости. – 03.05.2025. – URL: <https://ria.ru/20250503/energetika-2014725823.html> (дата обращения: 29.05.2025).

235. Сравнительный анализ вооруженных сил России и Турции // Центр стратегических оценок и прогнозов. – 10.02.2018. – URL: <http://csef.ru/ru/oborona-i-bezopasnost/340/sravnitelnyj-analiz-vooruzhennyh-sil-rossii-i-turczii-8104> (дата обращения: 01.03.2025).

236. США возложат на Турцию ответственность за судьбу захваченных в регионе боевиков ИГ // ТАСС. – 07.10.2019. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6969299> (дата обращения: 13.06.2025).

237. США нужно модернизировать ядерную триаду, заявил кандидат в шефы Пентагона // РИА Новости. – 14.01.2025. – URL: <https://ria.ru/20250114/hegset-1993716364.html> (дата обращения: 10.02.2025).

238. США сбили турецкий беспилотник в Сирии // РИА Новости. – 05.10.2023. – URL: <https://ria.ru/20231005/siriya-1900818321.html> (дата обращения: 12.06.2025).

239. Турецкий президент Эрдоган отправил войска в Ливию // Российская Газета. – 06.01.2020. – URL: <https://rg.ru/2020/01/06/tureckij-prezident-erdogan-otpravil-vojska-v-liviiu.html> (дата обращения: 01.03.2025).

240. Турецко-китайские отношения // Центр стратегических оценок и прогнозов. – 12.12.2010. – URL: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/416/tureczko-kitajskie-otnosheniya-883> (дата обращения: 18.03.2024).

241. Турция будет производить для армии Украины корветы и ударные беспилотники // ТАСС. – 14.12.2021. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10254791> (дата обращения: 20.03.2024).

242. Турция готова поддержать урегулирование между Таджикистаном и Киргизией // РИА Новости. – 01.05.2021. – URL: <https://ria.ru/20210501/turtsiya-1730855028.html> (дата обращения: 01.04.2024).

243. Турция допустила использование Россией своей авиабазы // Forbes. – 04.07.2016. – <https://www.forbes.ru/news/324179-turtsiya-dopustila-ispolzovanie-rossiei-svoei-aviabazy> (дата обращения: 12.05.2025).

244. Турция завершила переброску военных на базу в Катар // РИА Новости. – 20.07.2017. – URL: <https://ria.ru/world/20170720/1498811897.html> (дата обращения: 31.03.2024).

245. Турция заявила о планах новых властей Сирии убрать союзников США в стране // РБК. – 15.12.2024. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/12/2024/675ee6559a79478f1f37e6cf> (дата обращения: 29.05.2025).

246. Турция не будет вносить изменение в антитеррористическое законодательство // ТАСС. – 12.05.2025 <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-ranogama/3274973/amp> (дата обращения: 13.06.2025).

247. Турция не желает войны с Сирией, но не исключает конфликта – Эрдоган // РИА Новости. – 05.10.2012. – URL: <https://ria.ru/world/20121005/767125696.html> (дата обращения: 28.03.2024).

248. Турция обстреляла территорию Сирии в ответ на падение снарядов // РИА Новости. – 29.10.2012. – URL: <https://ria.ru/world/20121029/907606186.html> (дата обращения: 28.03.2024).

249. Турция ожидает, что Россия закроет офис сирийских курдов в Москве // РИА Новости. – 23.03.2017. – URL: <https://ria.ru/20170323/1490646279.html> (дата обращения: 17.03.2024).

250. Турция после смены позиции США пообещала развернуть С-400 за 12 часов // РБК. – 26.10.2024. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/26/11/2024/67461e5c9a79476a67165d48> (дата обращения: 16.03.2025).

251. Турция разместила войска на границе с Ираком // РБК. – 16.12.2002. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/12/2002/5703b5249a7947783a5a425a> (дата обращения: 15.02.2025).

252. Турция решила создать при помощи Китая независимую от НАТО систему ПРО // Взгляд – 19.02.2015. – URL: <https://vz.ru/news/2015/2/19/730519.html> (дата обращения: 18.03.2024).

253. Турция: август 2018 г. (дайджест) // Центр Востоковедных исследований. – 31.08.2018. – URL: <http://vostis.ru/analiticheskie-materialy/turciya-iyul-avgust-2018g-dajdzhest.html> (дата обращения: 26.03.2022).

254. Турция: декабрь 2019 г. (дайджест) // Центр востоковедных исследований и межкультурных коммуникаций. – 31.12.2019. – URL: <http://vostis.ru/analiticheskie-materialy/turciya-dekabr-2019-g-dajdzhest.html> (дата обращения: 01.04.2022).

255. Турция: сентябрь 2018 г. (дайджест) // Центр Востоковедных исследований. – 30.09.2018. – URL: <http://vostis.ru/analiticheskie-materialy/turciya-sentyabr-2018-g-dajdzhest.html> (дата обращения: 15.03.2022).

256. Турция: Эрдоган призвал Мубарака выполнить требования народа // Euronews. – 01.02.2011. – URL: <http://ru.euronews.com/2011/02/01/turkey-calls-on-mubarak-to-satisfy-demands-for-change> (дата обращения: 26.03.2024).

257. Украина и Турция подписали новое военное соглашение // ТАСС. – 29.12.2020. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9742159> (дата обращения: 20.03.2024).

258. Церемония вручения верительных грамот // Кремль. – 03.07.2019. – URL: <http://www.special.kremlin.ru/events/president/transcripts/60886> (дата обращения: 18.08.2025).

259. Шлыков П. Ближневосточная политика Турции в контексте «арабской весны» // Перспективы. – 17.12.2012. – URL: [http://www.perspektivy.info/book/blizhnevostochnaja\\_politika\\_turcii\\_v\\_kontekste\\_arabskoj\\_vesny\\_2012-12-17.htm](http://www.perspektivy.info/book/blizhnevostochnaja_politika_turcii_v_kontekste_arabskoj_vesny_2012-12-17.htm) (дата обращения: 26.03.2024).

260. Эрдоган возмущен «Запад не осудил военный переворот в Египте» // News.ru. – 05.07.2013. – URL: <https://www.newsru.co.il/mideast/05Jul2013/erdogan8012.html> (дата обращения: 31.03.2024).

261. Эрдоган заявил о готовности Турции помочь беженцам из Мьянмы // ТАСС. – 10.09.2017. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4549266> (дата обращения: 01.04.2024).

262. Эрдоган заявил, что Турция поддерживает палестинский народ // ТАСС. – 22.01.2025. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22730517> (дата обращения: 01.03.2025).

263. Эрдоган назвал Израиль государством-террористом // Интерфакс. – 10.12.2017. – <https://www.interfax.ru/world/591208> (дата обращения: 30.03.2024).

264. Эрдоган назвал события в Мьянме «геноцидом мусульман» // РИА Новости. – 01.09.2017. – URL: <https://ria.ru/20170901/1501608067.html> (дата обращения: 01.04.2024).

265. Эрдоган обвинил Запад в поддержке военного переворота в Турции // РБК. – 02.08.2016. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/08/2016/57a09d8e9a7947413241b639> (дата обращения: 13.06.2025).

266. Эрдоган обвинил Россию в «нападении» на лагерь оппозиции в Идлибе // РИА Новости. – 12.01.2021. – URL: <https://ria.ru/20201028/erdogan-1581919748.html> (дата обращения: 17.03.2024).

267. Эрдоган пообещал решение по закупке С-400 у России для «Стального купола» // РБК. – 25.10.2024. – <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/671b59729a79470ae0ec8ed3> (дата обращения: 16.03.2025).

268. Эрдоган предупредил Швецию о возможности серьезного ухудшения отношений из-за РПК // ТАСС. – 15.01.2023. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16804623> (дата обращения: 12.06.2025).

269. Эрдоган снова заявил о присутствии бойцов «Вагнера» в Ливии // Интерфакс. – 20.01.2020. – URL: <https://www.interfax.ru/world/691903> (дата обращения: 01.04.2024).

270. Эрдоган счел невозможным обеспечение безопасности Европы без Турции // ТАСС. – 11.04.2024. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23662159> (дата обращения: 30.05.2025).

271. Эрдоган счел нынешнюю структуру ООН недостаточной для выполнения задач // ТАСС. – 21.09.2025. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/25115179> (дата обращения: 27.08.2025).

272. Эрдоган: США и Запад должны остановить Израиль в Сирии // ТАСС. – 20.12.2024. – <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22730517> (дата обращения: 12.03.2025).

273. FETÖ раздувает свое влияние в США // Anadolu Ajansı. – 22.08.2016. – URL: <https://www.aa.com.tr/ru/%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7-%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%B9/feto-%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B4%D1%83%D0%B2%D0%B0%D0%B5%D1%82-%D1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B5-%D0%B2%D0%BB%D0%B8%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D0%B2-%D1%81%D1%88%D0%B0-/633079> (дата обращения: 14.05.2025).

274. NTV: Эрдоган обсудил разоружение РПК с представителями прокурдской партии DEM // ТАСС. – 07.07.2025. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24453889> (дата обращения: 10.07.2025).

275. 20 месяцев торга. Турция одобрила заявку Швеции в НАТО // ТАСС. – 24.01.2024. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19802647> (дата обращения: 12.06.2025).

276. Türkiye: Турция намерена создать базы в Сирии для борьбы с ИГ // ТАСС. – 25.05.2025. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24040715> (дата обращения: 29.05.2025).

277. Hegset заявил, что Россия стала сильнее после санкций // РИА Новости. – 14.01.2025. – URL: <https://ria.ru/20250114/hegset-1993716364.html> (дата обращения: 01.03.2025).

278. 13 Maddede Pençe Harekatı'nın Önemi // TÜRKSAM. – 29.05.2019. – URL: <http://turksam.org/13-maddede-pence-harekatinin-onemi> (дата обращения: 01.03.2025).

279. 2020 Military Strength Ranking // Global Firepower. – 14.02.2020. – URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.asp> (дата обращения: 01.03.2025).

280. 4 asker şehit oldu // Hürriyet. – 11.10.2019. – URL: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/4-asker-sehit-oldu-41349113> (дата обращения: 01.03.2025)

281. ABD Dışişleri Bakanlığınca Yayımlanan 2023 İnsan Hakları Raporu Hk. // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. – 24.04.2024. – URL: [https://www.mfa.gov.tr/no\\_-69\\_-abd-disisleri-bakanliginca-yayimlanan-2023-insan-haklari-raporu-hk.tr.mfa](https://www.mfa.gov.tr/no_-69_-abd-disisleri-bakanliginca-yayimlanan-2023-insan-haklari-raporu-hk.tr.mfa) (дата обращения: 03.07.2025).

282. ABD Dışişleri Bakanlığınca Yayımlanan 2023 İnsan Hakları Raporu Hk. // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. – 24.04.2024. – URL: [https://www.mfa.gov.tr/no\\_-69\\_-abd-disisleri-bakanliginca-yayimlanan-2023-insan-haklari-raporu-hk.tr.mfa](https://www.mfa.gov.tr/no_-69_-abd-disisleri-bakanliginca-yayimlanan-2023-insan-haklari-raporu-hk.tr.mfa) (дата обращения: 03.07.2025).

283. ABD'nin terör raporunda Türkiye'ye övgü // Anadolu Ajansı. – 19.06.2015. – URL: <https://www.aa.com.tr/tr/dunya/abdnin-teror-raporunda-turkiyeye-ovgu/34555> (дата обращения: 13.06.2025).

284. ABD'nin Terörle Mücadele Koordinatörü Büyükelçi Richard, Bugün Türkiye'ye Geliyor // Stratejik Düşünce Enstitüsü. – 22.04.2024. – URL: <https://www.sde.org.tr/amerika/abdnin-terorle-mucadele-koordinatoru-buyukelci-richard-bugun-turkiyeye-geliyor-haberi-54674> (дата обращения: 03.07.2025).

285. ABD'nin Terörle Mücadele Koordinatörü Büyükelçi Richard, Bugün Türkiye'ye Geliyor // Stratejik Düşünce Enstitüsü. – 22.04.2024. – URL: <https://www.sde.org.tr/amerika/abdnin-terorle-mucadele-koordinatoru-buyukelci-richard-bugun-turkiyeye-geliyor-haberi-54674> (дата обращения: 03.07.2025).

286. Abdullah Ocalan Biyografisi // Haberler.com. – URL: <https://www.haberler.com/abdullah-ocalan/biyografisi/> (дата обращения: 15.03.2025).

287. Atatürk Havalimanı saldırısı davasında 6 tahliye // Sputnik. – 15.11.2017. – URL: <https://tr.sputniknews.com/turkiye/201711151031009860-ataturk-havalimani-saldirisi-davasinda-tahliye/> (дата обращения: 26.03.2025).

288. Bakan Hulusi Akar'dan salonu ayağa kaldıran asker selamı // A Haber. – 16.10.2019. – URL: <https://www.ahaber.com.tr/gundem/2019/10/16/hulusi-akaran-salonu-ayaga-kaldiran-asker-selami> (дата обращения: 01.03.2025)

289. BİLGESAM hakkında // BİLGESAM. – URL: <http://www.bilgesam.org/> (дата обращения: 13.02.2025).

290. Bilgi Güvenliği Yönetim Sistemi Politikası // T.C. MGK Genel Sekreterliği. – 2020. – URL: <https://www.mgk.gov.tr/index.php/kurumsal/bilgi-guvenligi> (дата обращения: 27.02.2024).

291. Bozkurt A. Turkey's paramilitary group SADAT enlisted Yemen's radical cleric al-Zindani, a US-designated terrorist // Nordic Monitor. – 10.01.2021. – URL: <https://nordicmonitor.com/2021/01/turkeys-paramilitary-group-sadat-enlisted-yemens-radical-cleric-al-zindani-a-us-designated-terrorist/> (дата обращения: 03.04.2024).

292. Conducted activities // Centre of Excellence Defense Against Terrorism. – URL: [https://www.tmmm.tsk.tr/conducted\\_activity.html](https://www.tmmm.tsk.tr/conducted_activity.html) (дата обращения: 15.02.2025)

293. Cumhurbaşkanı Erdoğan'dan Barış Pınarı Harekâtını açıklaması: 490 terörist etkisiz hale getirildi // Hürriyet. – 13.10.2019. – URL: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/son-dakika-cumhurbaskani-erdogandan-onemli-aciklamalar-41349824> (дата обращения: 01.03.2025).

294. Dong M. Asya'da Güvenlik Sorunu ve Çin // TASAM. – 23.12.2013. – URL: [http://www.tasam.org/tr-TR/Icerik/25738/asyada\\_guvenlik\\_sorunu\\_ve\\_cin\\_-\\_turk\\_isbirligi](http://www.tasam.org/tr-TR/Icerik/25738/asyada_guvenlik_sorunu_ve_cin_-_turk_isbirligi) (дата обращения: 18.03.2024).

295. Erdoğan'dan kürsüye çıkarttığı çocuğa: Şehit olursa inşallah bayrağı da örtecekler // Cumhuriyet. – 24.02.2018. – URL: <http://www.cumhuriyet.com.tr/haber/turkiye/933083/erdogandan-kursuye-cikarttigi-cocuga-sehit-olursa-insallah-bayragi-da-ortecekler.html> (дата обращения: 01.03.2025)

296. Hafter Güçleri, 4 Türk SİHA'sını düşürdü iddiası // Airline Haber. – 24.05.2019. – URL: <https://www.airlinehaber.com/hafter-gucleri-4-turk-sihasini-dusurdu-iddiasi/> (дата обращения: 01.04.2024).

297. Her aman ve her yerde Türk Silahlı Kuvvetlerimizin yanındayız // Twitter. – 10.10.2019. – URL: <https://twitter.com/aselsan/status/1182014548301303809> (дата обращения: 01.03.2025).

298. Humanitarian Aid from TİKA to Myanmar // TİKA. – 26.12.2023. – URL: [https://tika.gov.tr/en/detail-humanitarian\\_aid\\_from\\_tika\\_to\\_myanmar/](https://tika.gov.tr/en/detail-humanitarian_aid_from_tika_to_myanmar/) (дата обращения: 28.08.2024).

299. ISIL sells its oil, but who is buying it? // Al Jazeera. – 06.12.2015. – URL: <https://www.aljazeera.com/indepth/opinion/2015/12/isil-sells-oil-buying-151206055403374.html> (дата обращения: 16.04.2024).

300. İslam İşbirliği Teşkilatı Acil İcra Komitesi Toplantısında Yaptıkları Konuşma // Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı. – 22.03.2019. – URL: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/102639/islam-isbirligi-teskilati-acil-icra-komitesi-toplantisinda-yaptiklari-konusma> (дата обращения: 30.03.2024).

301. İşlevler ve Faaliyetler // Terörizmle Mücadele Mükemmeliyet Merkezi. – URL: [https://www.tmmm.tsk.tr/functions\\_tr.html](https://www.tmmm.tsk.tr/functions_tr.html) (дата обращения: 15.02.2025)

302. İstanbul ve Ankara'da Mursi'ye destek gösterişi // Anadolu Ajansı. – 03.07.2013. – URL: <https://www.aa.com.tr/tr/dunya/istanbul-ve-ankarada-mursiye-destek-gosterileri/234597> (дата обращения: 31.03.2024).

303. Milli Güvenlik Kurulu ve Milli Güvenlik Kurulu Genel Sekreterliği hakkında genel bilgi // T.C. MGK Genel Sekreterliği. – 2023. – URL: <https://www.mgk.gov.tr/index.php/kurumsal/hakkimizda> (дата обращения: 27.02.2024).

304. Milli Güvenlik Siyaset Belgesi kabul edildi // CNN Türk. – 22.11.2010. – URL: <https://www.cnnturk.com/2010/turkiye/11/22/milli.guvenlik.siyaset.belgesi.kabul.edildi/597105.0/index.html> (дата обращения: 02.03.2024).

305. Milli İstihbarat Teşkilatı tarihçesi // Milli İstihbarat Teşkilatı. – URL: [http://www.mit.gov.tr/ikinci\\_bolum\\_D1\\_1.html#D1](http://www.mit.gov.tr/ikinci_bolum_D1_1.html#D1) (дата обращения: 28.02.2024).
306. MİT Başkanlığı Teşkilat Yapılanması // Millî İstihbarat Teşkilatı. – URL: <https://www.mit.gov.tr/teskilat.html> (дата обращения: 28.02.2024).
307. ORSAM hakkında // ORSAM. – URL: <https://orsam.org.tr/tr> (дата обращения: 13.02.2025).
308. Polat B. Türkiye’de Güvenlik, Güvenlik Yapılanması ve İstihbarat // Akademik Araştırma Enstitüsü. – URL: <https://akademikarastirma.org/turkiyede-guvenlik-guvenlik-yapilanmasi-ve-istihbarat/> (дата обращения: 28.02.2024).
309. Rubin M. NATO Should Apply Turkey’s Counterterrorism Principle Against Turkey // 1945. – 12.11.2022.– URL: <https://www.19fortyfive.com/2022/11/nato-should-apply-turkeys-counterterrorism-principle-against-turkey/> (дата обращения: 12.06.2025).
310. SETA hakkında // SETA. – URL: <https://www.setav.org/> (дата обращения: 13.02.2025).
311. SGK’dan Barış Pınarı Harekâtına destek // HaberTürk. – 11.10.2019. – URL: <https://www.haberturk.com/erzurum-haberleri/72534718-sgkdan-baris-pinari-harekatina-destek> (дата обращения: 28.02.2024).
312. Silahların Kontrolü ve Silahsızlanma // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. – URL: <https://www.mfa.gov.tr/silahlarin-kontrolu-ve-silahsizlanma.tr.mfa> (дата обращения: 20.08.2025).
313. T.C. İçişleri Bakanı. Hakkımızda // T.C. İçişleri Bakanlığı. – URL: <https://www.icisleri.gov.tr/hakkimizda> (дата обращения: 01.03.2024).
314. TAI TF-X Stealth Fighter // Airforce Technology. – URL: <https://www.airforce-technology.com/projects/tai-tf-x-stealth-fighter/> (дата обращения: 17.03.2024).
315. Tarihçe // Türk Silahlı Kuvvetleri Genelkurmay Başkanlığı. – URL: <https://www.tsk.tr/Sayfalar?viewName=Tarihce> (дата обращения: 01.03.2024).
316. TASAM hakkında // TASAM. – URL: <http://www.tasam.org/tr-TR> (дата обращения: 13.02.2025).

317. Terör Nedir? // TASAM. – URL: [http://www.tasam.org/tr-TR/Icerik/515/teror\\_nedir](http://www.tasam.org/tr-TR/Icerik/515/teror_nedir) (дата обращения: 13.02.2025).

318. Terör ve Terörizm Türleri // Politik Akademi. – URL: <https://politikakademi.org/2013/11/teror-ve-terorizm-turleri/> (дата обращения: 13.02.2025).

319. Terörsüz Türkiye'de tarihi gün! PKK resmen silah bıraktı // EkolTV. – 11.07.2025. – URL: <https://www.ekoltv.com.tr/gundem/terorsuz-turkiyede-tarihi-gun-pkk-silah-birakiyor-51545h> (дата обращения: 11.07.2025).

320. Teşkilat // Terörizmle Mücadele Mükemmeliyet Merkezi. – URL: [https://www.tmmm.tsk.tr/organization\\_tr.html](https://www.tmmm.tsk.tr/organization_tr.html) (дата обращения: 15.02.2025)

321. TSK'nin tartışılan sloganı değişti // Milliyet. – 28.06.2010. – URL: <https://www.milliyet.com.tr/amp/siyaset/tsknin-tartisilan-slogani-degisti-1256313> (дата обращения: 13.02.2025).

322. Türk Silahlı Kuvvetleri'nin teknik donamını // Sputnik. – 16.02.2018. – URL: <https://tr.sputniknews.com/infografik/201802161032286302-turkiye-sillah-ordu-asker-tsk-f16-leopar/> (дата обращения: 13.02.2025).

323. Turkey and China Pledge Security Cooperation as Ties Warm // Bloomberg. – 03.08.2017. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-08-03/turkey-and-china-pledge-close-security-cooperation> (дата обращения: 18.03.2024).

324. Türkiye Osmanlı topraklarına geri dönüyor // Yeni Şafak. – 03.01.2018. – URL: <https://www.yenisafak.com/gundem/turkiye-osmanli-topraklarina-geri-donuyor-2951575> (дата обращения: 20.03.2024).

325. Türkiye ve Azerbaycan askerlerinin 'Kış Tatbikatı' hazırlıkları Kars'ta sürüyor // Anadolu Ajansı. – 01.02.2021. – URL: <https://www.aa.com.tr/tr/turkiye/turkiye-ve-azerbaycan-askerlerinin-kis-tatbikati-hazirliklari-karsta-suruyor/2129964> (дата обращения: 18.03.2024).

326. Türkiye-Çin Halk Cumhuriyeti Siyasi İlişkileri // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. – URL: <http://www.mfa.gov.tr/turkiye-cin-halk-cumhuriyeti-siyasi-iliskileri.tr.mfa> (дата обращения: 18.03.2024).

327. Türkiye-Çin ortak tatbikatı // T24. – 09.11.2010. – URL: <http://t24.com.tr/haber/turkiye-cin-ortak-tatbikati,110237> (дата обращения: 18.03.2024).

328. Türkiye-Suriye Siyasi İlişkileri // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. – URL: <http://www.mfa.gov.tr/turkiye-suriye-siyasi-iliskileri-.tr.mfa> (дата обращения: 26.03.2024).

329. Türkiye’de düzensiz göç // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. – URL: [https://www.mfa.gov.tr/turkiye\\_de-duzensiz-goc.tr.mfa](https://www.mfa.gov.tr/turkiye_de-duzensiz-goc.tr.mfa) (дата обращения: 27.08.2025).

330. Türkiye’nin Başika’da Yürüttüğü Eğitim Faaliyeti Hk. // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. – 08.12.2015. – URL: [http://www.mfa.gov.tr/no\\_-303\\_-8-aralik-2015\\_turkiye\\_nin-basika\\_da-yuruttugu-egitim-faaliyeti-hk\\_.tr.mfa](http://www.mfa.gov.tr/no_-303_-8-aralik-2015_turkiye_nin-basika_da-yuruttugu-egitim-faaliyeti-hk_.tr.mfa) (дата обращения: 26.03.2024).

331. Türkiye’nin Uluslararası Toplumun Terörle Mücadele Çabalarına Katkıları // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. – URL: [https://www.mfa.gov.tr/turkiye\\_nin-uluslararasi-toplumun-terorle-mucadele-cabalarina-katkilari.tr.mfa](https://www.mfa.gov.tr/turkiye_nin-uluslararasi-toplumun-terorle-mucadele-cabalarina-katkilari.tr.mfa) (дата обращения: 15.02.2025)

332. Türkiye’nin yurt dışındaki askeri varlığı 3 kıtada 12 ülkeye yükseldi // Borsa Gündem. – 02.01.2020. – URL: <https://www.borsagundem.com/haber/turkiyenin-yurt-disindaki-askeri-varligi-3-kitada-12-ulkeye-yukseldi/1460929> (дата обращения: 20.03.2024).

333. Uluslararası Terörizm ve Sınıraşan Suçlar Araştırma Merkezi // UTGAM. – URL: [https://utgam.org/Sayfa\\_pid\\_4\\_cid\\_2\\_lang\\_TR.html](https://utgam.org/Sayfa_pid_4_cid_2_lang_TR.html) (дата обращения: 01.03.2024).

334. Watmough S.P. Turkey, the Rohingya crisis and Erdoğan’s ambitions to be a global Muslim leader // The Conversation. – 13.09.2017. – URL: <https://theconversation.com/turkey-the-rohingya-crisis-and-erdogans-ambitions-to-be-a-global-muslim-leader-83854>

335. Yerli ve milli teknoloji TSK’ya güç veriyor // TRT Haber. – 16.10.2019. – URL: <https://www.trthaber.com/haber/turkiye/yerli-ve-milli-teknoloji-tskya-guc-veriyor-436131.html/amp> (дата обращения: 18.03.2024).

## Приложения

### Приложение А.



Иерархия идей Турции сквозь призму «пирамиды потребностей»